

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Нагорная проповедь. Христианская контркультура.

Общее предисловие.

«Библия говорит сегодня» представляет нам серию книг, посвященных Ветхому и Новому Заветам. Авторы этих книг ставят перед собой три задачи: дать точное изложение и разъяснение библейского текста, связать его с современной жизнью и сделать это так, чтобы читателю было интересно.

Эти книги, следовательно, не являются комментариями, ибо цель комментариев – скорее прояснить текст, чем способствовать его применению. Они больше похожи на справочники, чем на литературные произведения. С другой стороны, нет здесь и чего-то вроде «проповедей», когда пытаются говорить интересно и в духе времени, но без достаточно серьезного отношения к Писанию.

Все, работавшие над серией, едины в убеждении, что Бог по-прежнему говорит с нами через Библию и что нет ничего более необходимого для жизни, здоровья и духовного роста христиан, чем умение чутко внимать тому, что говорит им Дух через Свое древнее – и вечно юное – Слово.

Дж. А. Мотиер Дж. Р. У. Стотт

Редакторы серии

Предисловие автора

Нагорная проповедь необычайно привлекательна. Она, как мне кажется, представляет собой квинтэссенцию учения Иисуса. Делает добро притягательным. Постыжает низость нашего поведения. Воспламеняет мечты о лучшем мире.

Как не без небольшого простительного преувеличения сказал в своей проповеди во время Великого Поста 1629 г. Джон Дон, «все статьи нашей религии, все каноны нашей церкви, все предписания наших правителей, все проповеди Отцов наших, все богословие – в этих трех главах, в этой одной Нагорной проповеди» [1].

Должен признаться, я и сам попал под ее обаяние или, скорее, – под обаяние Того, Кто это произносил. Ибо я постоянно размышлял над ней по крайней мере в течение последних семи лет. В результате я обнаружил ум свой, сражающийся с ее проблемами, и сердце, воспламененное благородством ее идеалов. В этот период я пытался делиться своими мыслями и своей увлеченностью со студентами Кембриджского университета, с другими студентами Соединенных Штатов и Канады, с прихожанами Церкви Всех Душ, Лэнгхем Плейс, и с тысячами всевозможных паломников, явившихся со всего мира на Кесвикский съезд 1972 года.

На Нагорную проповедь написаны сотни комментариев. Мне довелось изучить двадцать пять из них, и моя признательность комментаторам будет ясна читателю. Текст мой обильно уснащен цитатами из этих текстов, ибо думается, что мы должны были бы ценить традицию выше, нежели мы часто делаем это, и более смиренно сидеть у ног учителей.

Целью моего исследования, в соответствии с задачами всей серии «Библия говорит сегодня», было желание внимательно «вслушаться» в текст. Прежде всего, я хотел дать ему возможность «говорить» или, лучше сказать, – дать возможность Христу снова произнести свою проповедь, обратившись на этот раз к современному миру. Так, я пытался по возможности полно рассмотреть проблемы, которые проповедь поднимает перед современными христианами. Ибо Иисус дал нам не академическое исследование, рассчитанное лишь на стимуляцию ума. Я верю, Он предполагал, что Его Нагорная проповедь будет воспринята как руководство к действию. Действительно, если бы церковь взяла за основу своей жизни нормы и ценности, изложенные там, она стала бы альтернативным обществом (а именно это и предполагал Иисус Христос) и несла бы миру подлинную христианскую контркультуру.

Я крайне признателен Джону Мейлу, лектору по Новому Завету в Сперджен-колледже в Лондоне, за чтение рукописи и некоторые полезные предложения, а также Френсису Уайтхеду и Вивьен Карри за ее опубликование.

Джон Р. У. Стотт

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 5:1,2

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
Введение: в чем суть этой проповеди?

Нагорная проповедь, вероятно, является наиболее известной частью учения Иисуса, хотя, по-видимому, наименее понятой и уж наверняка труднее всего выполнимой. В этой проповеди Иисус очень точно выразил то, что Он ждет от Своих последователей: какими они должны быть и что им следует делать.

Мне кажется, что выражение «христианская контркультура» предельно ясно отражает Его намерение и четко определяет Его вызов современному миру. Давайте объясню почему.

Годы, последовавшие за окончанием второй мировой войны в 1945 году, были отмечены наивным идеализмом. Жуткий кошмар был позади. «Восстановление» стало всеобщей целью. Шесть лет разрушения и уничтожения принадлежали прошлому; задача же состояла отныне в построении нового общества, основанного на сотрудничестве и мире. Однако разочарование всегда идет рука об руку с идеализмом – разочарование не разделяющих идеала, или (хуже) противостоящих ему, или (еще хуже) его преследующих. Разочарование в том, что есть, подкармливало идеализм того, что могло бы быть.

Мы проходили, кажется, через десятилетия разочарования. Каждое новое поколение было недовольно миром, который достался ему в наследство. Иногда реакция была наивна, но искренна. Так, например, те, кто приносил цветы и расписывал плакат «Любите, а не воюйте», не смогли положить конец ужасам Вьетнама, хотя их протест и не остался незамеченным. Иные сегодня отвергают чрезмерное западное изобилие (которое, сдаётся, только разрастается за счет загрязнения окружающей среды, эксплуатации развивающихся народов или за счет того и другого одновременно) и демонстрируют свой протест тем, что живут просто, одеваются скромно, ходят босиком и избегают избытка. Вместо подделок буржуазного общества они ищут подлинных взаимоотношений любви. Им чужда поверхностность как нерелигиозного материализма, так и религиозного конформизма, ибо они чувствуют, что существует некая «реальность», гораздо большая, нежели эти банальности, и они ищут это ускользающее «трансцендентное» измерение в медитации, наркотиках и сексе. Они испытывают отвращение к общепринятому представлению о жизни как о гонках и за большую честь почитают устранение, нежели участие. Все это – симптомы неспособности младшего поколения приспособиться к status quo и акклиматизироваться в господствующей культуре. Они не дома. Отчуждены.

В поисках альтернативы они используют термин «контркультура». Этот термин включает в себя широкий набор идей и идеалов, опытов и целей [2].

Христиане считают эти поиски альтернативной культуры одним из наиболее обнадеживающих, даже волнующих знамений времени. Ибо мы узнаем в этом действие того Духа, который перед тем, как стать Утешителем, сначала вызывает волнение, и мы знаем, к кому приведет их этот поиск, если он только найдет свое завершение. Знаменательно и то, что Теодор Рошак, подыскивая слова для выражения реальности, которую ищет современная молодежь, и стараясь быть объективным, чувствует себя обязанным опереться на слова Иисуса: «Что в том человеку, который приобретет весь мир, а душе своей повредит?» [3]

Однако наряду с надеждой, возникшей у христиан в связи с подобным проявлением протеста и поиска, также присутствует (или должно бы присутствовать) чувство стыда. Ибо если сегодняшняя молодежь ищет истинных вещей: смысла жизни, мира, любви, реальности, – то она ищет их не там. Первое, куда они должны были бы обратиться, – это то, что они обычно игнорируют, а именно – церковь. Ибо слишком часто они видят в церкви не контркультуру, а конформизм, не новое общество, воплощающее их идеалы, а иной образ старого общества, отвергнутого ими, не жизнь, а смерть. Они с готовностью подтверждают сегодня то, что сказал Иисус о церкви первого века: «Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Отк. 3:1).

Важно, чтобы мы не только видели, но и понимали всю глубину этой трагедии. Ибо чем больше церковь уподобляется миру, так что обе общности кажутся стороннему наблюдателю лишь двумя образами одной и той же вещи, тем дальше уходит церковь от своей истинной подлинности. Не может быть замечания более обидного для христианина, чем: «Но ты же такой, как все».

Основную тему Библии, которая проходит через все Писание и в которой сосредоточена его суть, можно сформулировать так: историческая цель Бога –

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
призвать народ для Себя; и эти люди должны стать народом святым, отличающимся от мира, чтобы принадлежать Ему и слушаться Его; и они должны соответствовать своему предназначению, т. е. быть святыми и непохожими на других как внешне, так и внутренне.

Вот что заповедовал Бог народу израильскому после того, как освободил его от египетского рабства и сделал Своим особым народом: «Я Господь, Бог ваш. По делам земли Египетской, в которой вы жили, не поступайте, и по делам земли Ханаанской, в которую Я веду вас, не поступайте, и по установлениям их не ходите. Мои законы исполняйте и Мои постановления соблюдайте, поступая по ним. Я Господь, Бог ваш» (Лев. 18:1-4). Это обращение Бога к народу Своему, следует добавить, начиналось и заканчивалось утверждением, что Он Господь, Бог их. Именно потому, что Он был Богом их завета, а они Его особым народом, они должны были отличаться от кого бы то ни было. Они должны были соблюдать заповеди Его и не руководствоваться нормами окружающих их народов.

На протяжении последующих веков народ израильский постоянно забывал свою исключительность народа Божьего. Хотя, по словам Валаама, они были «народом, живущим отдельно, и между народами не числящимся», на практике же они продолжали смешиваться с соседними народами: «Они смешались с язычниками, и научились делам их» (Чис. 23:9; Пс. 105:35). Так, потребовали они царя, чтобы управлял ими, «как у всех народов», когда же Самуил возразил им на том основании, что их царь – Бог, они упорствовали в своей настойчивости: «Итак, поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов» (1 Цар. 8:5,19,20). Но еще хуже, чем монархия, было их идолопоклонство. «Будем, как язычники, – сказали они в себе, – ...служить дереву и камню» (Иез. 20:32). Бог же посылал к ним пророков Своих, чтобы напомнить о том, кто они, и убедить их последовать пути Его. «Не учитесь путем язычников», – сказал Он через Иеремию, и устами Иезекииля: «Не оскверняйте себя идолами Египетскими: Я – Господь Бог ваш!» (Иер. 10:1,2; Иез. 20:7). Но народ Божий не послушался Его голоса, и суд Его пал сперва на Израиль, а спустя 150 лет на Иуду, причина была все та же: «Стали грешить сыны Израилевы пред Господом, Богом своим... и стали поступать по обычаям народов... Иуда также не соблюдал заповедей Господа, Бога своего, и поступал по обычаям Израильтян, как поступали они» (4 Цар. 17:7,8,19; ср.: Иез. 5:7; 11:12).

Все это является существенным фоном, который способствует пониманию Нагорной проповеди. Проповедь, судя по тексту Евангелия от Матфея, была произнесена примерно в начале публичного служения Иисуса. Сразу после Своего крещения и искушения в пустыне Он начал провозглашать Благою весть, свидетельствуя, что Царство Божье, обещанное еще в ветхозаветную эпоху, находится ныне на пороге и что Он Сам пришел восстановить его. С этого момента старый век склонился к закату, и закон Божий стал достоянием истории. «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное», – восклицал Он (Мф. 4:17). Он же «ходил по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия» (Мф. 4:23). Итак, Нагорную проповедь следует видеть в этом контексте. В ней нашли свое отражение покаяние (metanoia, греч. раскаяние, полное изменение сознания) и праведность, свойственные Царству. То есть, здесь описывается, как изменяется человеческая жизнь и человеческое общество, приходящее под благодатный закон Бога.

И какими же они становятся? Иными! Иисус подчеркивал, что Его истинные последователи, граждане Царства Божьего, должны полностью отличаться от всех остальных. Они должны брать пример не с окружающих их людей, а только с Него, и это будет доказательством, что они являются истинными детьми своего Небесного Отца. Для меня ключевым текстом Нагорной проповеди является стих 6:8, «не уподобляйтесь им». Это непосредственно напоминает слово Божье к Израилю в давние дни: «По делам их не поступайте» (Лев. 18:3). Это тот же призыв к отличию. Именно эта тема и разрабатывается в Нагорной проповеди. Характер Божьих людей должен полностью отличаться от идеала, которым восхищается мир (заповеди блаженства). Они должны сиять, подобно свету среди кромешной тьмы. Праведность их должна превзойти праведность книжников и фарисеев и в этическом плане, и в плане набожности, ибо любовь их должна быть больше, а стремления – благороднее по сравнению с соседями-язычниками.

Нет ни одного параграфа в Нагорной проповеди, в котором бы не было подчеркнуто это различие между христианскими и нехристианскими нормами. Эта тема пронизывает и объединяет всю Проповедь; все остальное – лишь вариации

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org на эту тему. Иногда Иисус противопоставляет Своих последователей язычникам: язычники любят и приветствуют только друзей, христиане же должны любить и своих врагов (5:44–47); язычники молятся, по обычаю, «многословно», христиане же должны молиться в смиренном почтении детей перед своим Отцом Небесным (6:7–13); язычники заняты своими материальными нуждами, христиане же должны искать прежде Царства Божьего и правды Его (6:32–33).

Иной раз Иисус противопоставляет учеников Своих не язычникам, а иудеям, то есть народу не безбожному, но, напротив, религиозному, в особенности же «книжникам и фарисеям». Профессор Джеремиас, без сомнения, прав, характеризуя их как «две совершенно разные» группы: «книжники – это учителя–богословы, затратившие годы на образование, фарисеи же не богословы, но скорее группы благочестивых мирян из каждой части общины»[4].

Конечно же, Иисус противопоставляет христианскую мораль этической казуистике книжников (5:21–48), христианское благочестие – лицемерной набожности фарисеев (6:1–18).

Итак, последователи Иисуса должны быть иными и отличаться как от номинальной церкви, так и от внецерковного мира, как от религиозных, так и от нерелигиозных людей. Нагорная проповедь является наиболее полным новозаветным описанием христианской контркультуры. Здесь показаны и христианская система ценностей, и этический образец, и набожность, отношение к деньгам, цель, жизненный стиль и система взаимоотношений – и все это полностью отличается от нехристианского мира. И эта христианская контркультура является жизнью Царства Божьего, жизнью полностью человеческой, но подчиняющейся божественным законам.

Наконец, посмотрим на слова, которыми Матфей предваряет Проповедь; его введение кратко, но выразительно показывает, какую важность придает этой проповеди евангелист.

«Увидев народ, Он взшел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их» (5:1–2).

Несомненно, основной целью Иисуса в данном случае было стремление удалиться от «множества народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана» (4:25), следовавшего за ним. Ранние месяцы Своего публичного служения провел Он, путешествуя по Галилее, «уча в синагогах их, и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях». В результате «прошел о Нем слух по всей Сирии», и множество людей приносили своих больных, чтобы Он исцелил их (4:23–24). Таким образом, Он должен был избегать их не только с целью уединения и молитвы, но и для того, чтобы наставлять Своих учеников.

Далее, как и предполагали многие древние и современные комментаторы, Он, похоже, сознательно «взшел на гору», чтобы провести параллель между Моисеем, получившим Закон на горе Синай, и самим Собой, изъяснившим применение Закона ученикам Своим на так называемой «Горе Блаженств» – традиционном месте проповеди у северных берегов озера Галилейского. И хотя Иисус больше Моисея, а послание Его – скорее благовестие, нежели закон, Он все же избрал двенадцать Апостолов как ядро нового Израиля, чтобы уподобить их двенадцати патриархам и коленам ветхого Израиля. Он претендовал также на роль Учителя и Господа, авторитетно изъяснял Моисеев закон, давал заповеди и ожидал послушания. Позже Он даже приглашает Своих учеников принять Его «бремя», т. е. подчиниться Его учению, как ранее несли они бремя Торы (Мф. 11:29–30).

Некоторые ученые разработали весьма сложные схемы, чтобы подтвердить эти параллели. Б. У. Бейкон в 1918 году, например, заявлял, что Матфей намеренно разделил свое Евангелие на пять разделов, каждый из которых завершается формулой «когда же Иисус окончил...» (7:28; 11:1; 13:53; 19:1; 26:1), для того чтобы «пять книг Матфеевых» соответствовали бы «пяти книгам Моисеевым» и таким образом были бы неким новозаветным Пятикнижием[5].

Иной параллелизм был предложен Остином Фаррером: он считает, что главы 5–7 были смоделированы по принципу Исх. 20–24, причем восемь заповедей блаженств соотносятся с десятью заповедями, а в остальной же части Проповеди дается толкование и применение их так же, как и заповедям[6].

Эти любопытные поиски параллелей понятны, так как во многих отрывках из Нового Завета спасительная деятельность Иисуса изображается как новый исход (ср. Мф. 2:15), христианская же жизнь – как радостное празднование его: «Ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать...» (1 Кор. 5:7,8). Однако Матфей не сравнивает совершенно определенно Иисуса с Моисеем, скорее всего, в проповеди «отражена суть Нового Закона, Нового Синая, Нового Моисея», и у нас нет достаточных оснований предполагать нечто большее[7].

Во всех случаях Иисус садился, принимая позу раввина или законодателя, и ученики Его приближались к Нему, дабы внимать Его учению. Затем Он «отверзши уста Свои (выражение, подчеркивающее торжественность Его речи), учил их».

У современного читателя, изучающего Нагорную проповедь, непременно возникают три основных вопроса, и очень трудно принять учение, изложенное в проповеди, если нет удовлетворительных ответов на эти вопросы. Во-первых, действительно ли Нагорная проповедь была произнесена Иисусом? Проповедовал ли Он это на самом деле? Во-вторых, актуально ли ее содержание для современного мира, или оно безнадежно устарело? В-третьих, достижимы ли ее нормы, или мы должны отказаться от них как от идеала, которого невозможно достичь на практике?

1. Подлинна ли Проповедь?

Нагорная проповедь появляется только в первом Евангелии (от Матфея). В третьем Евангелии (от Луки) присутствует похожая проповедь, которую называют иногда «Проповедью на ровном месте» (Лк. 6:17–49). Лука говорит, что она была произнесена «на ровном месте», на которое Иисус «сошел» после того, как он «взошел на гору помолиться» (Лк. 6:12,17). Но кажущаяся разница не должна нас смущать, так как «ровное место» могло быть не равниной или долиной, а горным плато.

При сравнении содержаний двух проповедей сразу же обнаруживается, что они не идентичны. Вариант Луки значительно короче, он состоит лишь из 30 стихов, в то время как у Матфея – из 107, и в каждом есть такой материал, который отсутствует в другом варианте. Тем не менее между ними прослеживается и явное сходство. Обе проповеди начинаются с «блаженств», оканчиваются притчей о двух основаниях, а в середине содержится золотое правило: заповедь любить врагов, о необходимости подставить другую щеку, запрещение осуждать других; а также яркие сравнения: бревно или сучок в глазу, дерево с плодом его. Этот одинаковый материал, с общим началом и окончанием, наводит на мысль, что это два варианта одной и той же проповеди. Как же, однако, они соотносятся? Как объяснить наличие сходств и различий?

Многие считали, что Нагорная проповедь не является «проповедью» в каком-либо значимом смысле, т. е. произнесенной Иисусом по особому случаю. Хорошо известна издательская практика первого евангелиста, Матфея, – собирать в одно место некоторые из взаимосвязанных частей учения Иисуса. Лучшим примером является серия из семи притч Господних (Мф. 13). Некоторые утверждают, что и Мф. 5–7 представляет собой собрание высказываний Иисуса, которому искусно придана форма проповеди самим евангелистом или кем-то из членов раннехристианской общины. Даже Кальвин в это верил: «Намерением обоих евангелистов было свести в одно место главные пункты учения Христа, относящиеся к благочестивой и святой жизни»[8].

В результате Проповедь, по его мнению, является «конспектом.. собранным из многих Его бесед»[9].

Некоторые комментаторы были более откровенны. Достаточно одного примера. У. Д. Дейвис называет проповедь «всею лишь собранием несвязанных между собой высказываний различного происхождения – компиляцией», а затем, в качестве доказательства, приводит критику источников, а также жанровую и литургическую критику и заключает: «Таким образом, вся предыдущая критика подтверждает наши сомнения в том, что этот отрывок... представляет собой связанное единство, выведенное из истинного учения Иисуса»[10].

Позже он допускает, что возможен и иной подход, если учесть утверждения так называемой редакционной критики, которая по крайней мере считает, что

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
евангелисты сами были реальными авторами, оформившими сохраняемую ими традицию. Тем не менее он по-прежнему скептически относится к тому, что в Нагорной проповеди содержится подлинное учение Иисуса.

Реакция каждого человека на критику такого рода зависит от его основополагающих богословских представлений о самом Боге, о природе и смысле откровения Его в Иисусе Христе, о действии Духа Святого и от уверенности в способности евангелиста передавать истину. Лично мне трудно принять мнение, что содержание Проповеди относится скорее к ранней церкви, нежели к Иисусу, или считать ее собранием Его изречений, произнесенных по различным случаям. Основываюсь я на том, что и Матфей, и Лука представляют свой материал как проповедь Христа и, очевидно, желают, чтобы и у их читателей было подобное же понимание. Оба дают к ней точный исторический и географический контекст: относят ее к раннему периоду служения Иисуса в Галилее и утверждают, что Он произнес ее «на горе» или «на ровном месте» в горах. Матфей отмечает реакцию толпы: изумление после того, как Он окончил, вызванное особенно той властью, с которой Он говорил (7:28–29). И оба говорят, что по окончании он «вошел в Капернаум» (Мф. 8:5; Лк. 7:1).

Это не означает, однако, что оба евангелиста передают *ipsissima verba* – подлинные слова всей Проповеди. Ясно, что нет, хотя бы потому, что Иисус говорил по-арамейски, а оба Евангелия дают греческий перевод. Кроме того, как мы уже видели, их версии отличаются одна от другой. Существует несколько объяснений этому. Возможно, оба делают свой перевод, используя или общепринятый источник, или независимые источники, отбирая факты по собственному усмотрению. Похоже, Лука дает более краткое обобщение, многое пропуская, в то время как Матфей фиксирует большую часть, если не почти все. Или же Матфей разрабатывает изначально более короткую проповедь, увеличивая ее добавлением из других контекстов подлинных высказываний Иисуса. В любом случае можно утверждать, что Дух Святой руководил их работой.

Сам я предпочитаю предположение, сделанное профессором А. Б. Брюсом в его комментарии 1897 года. По его мнению, материал, содержащийся у Матфея в главах 5–7, представляет собой наставление «не одного часа или дня, но целого периода уединения»[11].

Он предполагал, что ученики могли быть с Иисусом на горе как бы в «воскресной летней школе». Итак, он ссылается на эти главы не как на «Нагорную проповедь Господа» (выражение, впервые употребленное Августином), но как на «Нагорное учение»[12].

Более того, Проповедь в передаче Матфея продолжалась бы только около десяти минут, так что евангелисты дают нам, вероятно, лишь свои сжатые обобщения.

2. Актуальна ли Проповедь сегодня?

Актуальна ли Проповедь в современной жизни? Судить об этом можно лишь после детального рассмотрения ее содержания. Сразу же бросается в глаза, что каким бы образом проповедь ни была составлена, она представляет собой единое целое. В Проповеди показано, какого поведения ожидает Иисус от каждого из Своих учеников – гражданина Царства Божьего. Здесь мы видим, какими должны быть ученики внутренне – в своем сердце, в помыслах, и в тайной обители с Отцом своим. Мы видим их также в общественной жизни, во взаимоотношениях с окружающими: они проявляют милосердие, являются миротворцами, их преследуют, они действуют подобно соли, являются светом, любят других, служат им (даже врагам своим) и посвящают себя прежде всего распространению Царства Божьего и правды его в мире.

Краткий анализ проповеди, возможно, поможет показать ее актуальность для нас самих в XX веке.

А. Характер христианина (5:3–12).

Заповеди блаженства подчеркивают восемь принципиальных черт христианского характера и поведения, особенно в отношениях с Богом и людьми, и указывают, что тем, кто соответствует этим требованиям, сопутствует божественное благословение.

Б. Влияние христианина (5:13–16).

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
Две метафоры – о соли и свете – показывают доброе влияние, которое будут оказывать христиане на общество, если только они сохранят характер, отраженный в заповедях блаженства.

В. Праведность христианина (5:17–48).

Каким должно быть отношение христиан к нравственному закону Божьему? Упразднена ли сама категория закона в христианской жизни, как утверждают некоторые защитники «новой нравственности» и школы «не под законом»? Нет. Иисус, как Он Сам сказал, пришел не отменить закон и пророков, а исполнить. Более того, Он утверждал, что величие в Царстве Божьем определяется в соответствии с нравственным учением и что даже войти в Царство невозможно, если праведность его учеников не превзойдет праведности книжников и фарисеев (5:17–20). Далее Он дает шесть иллюстраций этой великой христианской праведности (5:21–48), где отражены отношения христиан к убийству, прелюбодеянию, разводу, клятве, мести и любви. В каждой антифезе («Вы слышали, что сказано... а я говорю вам...») Он отвергает традицию книжников, подтверждает заново авторитет Ветхого Завета как части всего Священного Писания и подводит к полному и точному пониманию смысла нравственного закона Бога.

Г. Христианское благочестие (6:1–18).

В своем «благочестии», или религиозной набожности, христиане не должны уподобляться ни лицемерию фарисеев, ни формализму, язычников. Христианское благочестие должно быть выше всего этого, оно подчеркивает истинность, искренность чад Божьих, живущих в присутствии своего Небесного Отца.

Д. Цель христианина (6:19–34).

Мирское, то, что христианину следует избегать, может принять религиозную или светскую форму. Итак, нам надо отличаться от нехристиан не только нашей набожностью, но и нашими целями. В особенности же Христос изменяет наше отношение к материальному богатству и собственности. Невозможно служить одновременно Богу и маммоне; между ними надо выбирать. Люди мирские заняты поиском пищи, питья и одежды. Христиане должны быть свободны от этих эгоистических материальных забот и вместо того посвятить себя распространению Божьего закона и правды Божьей. То есть, нашей высшей целью должна быть слава Божья, а не наша собственная слава или наше материальное благополучие. Это то, что мы должны искать прежде всего.

Е. Христианские взаимоотношения (7:1–20).

Христиане находятся в сложной системе отношений, которые определяются тем, как мы относимся к Христу. Если у нас установлены верные отношения с Ним, то влиянию подвергаются и все остальные наши связи. Возникают новые взаимоотношения; старые же изменяются. Таким образом, мы должны не осуждать брата нашего, а служить ему (1–5). Мы не должны благовествовать тем, кто сознательно отвергает Евангелие (6), наша обязанность – молиться Небесному Отцу (7–12) и остерегаться ложных пророков, препятствующих людям ходить тесными вратами и узким путем (13–20).

Ж. Обязанность христианина (7:21–27).

Конечная цель, определяемая всей Проповедью, касается авторитета Проповедника. Недостаточно звать его «Господом» (21–23) или внимать Его учению (24–27). Главное – говорить то, что мы думаем, и исполнять то, что слышим. От этого зависит наша участь в вечности. Мудр лишь тот, кто послушен Христу как Господу. Ибо лишь он строит дом свой на основании каменном, дом, который не могут разрушить ни несчастья, ни наказания.

Толпы народа поразились власти, с которой Иисус учил (28,29). Этому авторитету должны подчиняться последователи Иисуса в каждом поколении. Вопрос о власти Христа так же актуален сегодня, как и в те времена, когда Он произнес Свою Нагорную проповедь.

3. Применима ли Проповедь на практике?

Этот третий вопрос задаст прагматик. Одно дело – быть уверенным в теоретической актуальности Проповеди, совсем иное – убежденность в ее действенности на практике. Или мы обречены лишь на то, чтобы издали

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
восхищаться ею?

Большинство читателей и комментаторов, наблюдая человеческую извращенность, объявило недостижимыми требования Нагорной проповеди. Идеалы ее благородны, но непрактичны, как считают они, притягательны, но невыполнимы. Они знают о человеческом эгоизме – как же может быть человек кротким? Они знакомы с его неудержимым половым влечением – как же ему избежать похотливых взглядов и мыслей? Им известна его погруженность в мирские заботы – разве может он перестать заботиться? Известна его склонность к гневу и жажда мести – как ожидать от него любви к врагам? Более того. Не опасно ли требование «обратить другую щеку» к убийце для нравственного здоровья общества? Да и выполнимо ли оно конкретно? Ведь таким образом разрешается дальнейшее насилие, зло не только остается ненаказанным, но и продолжает активно действовать. Нет. Нагорная проповедь не имеет практической ценности ни для отдельной личности, ни для общества, по их мнению. В лучшем случае, она отражает непрактичный идеализм мечтателя. Это мечта, которая никогда не будет воплощена в жизнь.

Модификация этого взгляда, впервые высказанного в 1892 году Иоганном Вайсом и позже популяризованного Альбертом Швейцером, заключается в том, что Иисус предъявлял исключительные требования к исключительным ситуациям. Так как они верили, что Иисус ожидал конца истории, чтобы почти незамедлительно явиться вновь, то утверждали, что Он давал ученикам Своим «временную этику», требующую от них жертв: оставить свое имущество, любить врагов и т. д. – то есть жертв, необходимых лишь в кризисный момент. В этом случае Нагорная проповедь становится как бы «законом военного положения»^[13], который может быть оправдан лишь исключительностью ситуации и который, конечно же, не является каждодневной нормой.

Было много и других попыток приспособить Нагорную проповедь к нашему низкому моральному уровню. В четвертой и пятой главах своей книги «Понимание Нагорной проповеди» Гарвей Макатур сначала рассматривает, потом оценивает не менее двенадцати различных способов интерпретирования Проповеди^[14].

Он говорит, что мог бы вынести в подзаголовок такие слова: «Версии и увертки толкователей Нагорной проповеди», так как все истолкования, кроме одного из двенадцати, рассматривают ее абсолютные требования с точки зрения благоразумия.

На противоположном полюсе находятся легкомысленные люди, бойко утверждающие, что Нагорная проповедь выражает этические нормы, истинные (что по их мнению очевидно), общие для всех религий и легко выполнимые. «Я живу по Нагорной проповеди», – говорят они. Наиболее милосердной реакцией по отношению к таким людям будет допущение, что они никогда не читали Проповеди, о которой судят так поверхностно. Совершенно по-иному относился к Проповеди Лев Толстой (хотя и он верил, что требования Проповеди могут быть воплощены в жизнь). По его собственному утверждению, он сам потерпел величайшую неудачу, но все же сохранил веру в то, что заповеди Иисуса можно применять на практике. Это свое убеждение он вложил в уста князя Нехлюдова, героя своего последнего великого романа «Воскресение», опубликованного в 1899–1900 годах.

Некоторые считают, что в своем герое Толстой изобразил самого себя, хотя для подобного вывода нет достаточных оснований. В конце романа Нехлюдов перечитывает Евангелие от Матфея. Он увидел в Нагорной проповеди «не отвлеченные, прекрасные мысли и большею частью предъявляющие преувеличенные и неисполнимые требования, а простые, ясные и практически исполнимые заповеди, которые, в случае исполнения их (что было вполне возможно), устанавливали совершенно новое устройство человеческого общества, при котором не только само собой уничтожилось все то насилие, которое так возмущало Нехлюдова, но достигалось высшее доступное человечеству благо – царство Божье на земле».

«Нехлюдов уставился на свет горевшей лампы и замер. Вспомнив все безобразие нашей жизни, он ясно представил себе, чем могла бы быть эта жизнь, если бы люди воспитывались на этих правилах, и давно не испытанный восторг охватил его душу. Точно он после долгого томления и страдания нашел вдруг успокоение и свободу.

Он не спал всю ночь, и, как это случается со многими и многими читающими

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
Евангелие в первый раз, читая, понимал во всем их значении слова, много раз читанные и незамеченные. Как губка воду, он впитывал в себя то нужное, важное и радостное, что открывалось ему в этой книге. И все, что он читал, казалось ему знакомо, казалось, подтверждало, приводило в сознание то, что он знал уже давно, прежде, но не признавал вполне и не верил. Теперь же он признавал и верил. «...Ищите Царства Божия и правды его, а остальное приложится вам. А мы ищем остального и, очевидно, не находим его. Так вот оно, дело моей жизни. Только кончилось одно, началось другое». С этой ночи началась для Нехлюдова совсем новая жизнь не столько потому, что он вступил в новые условия жизни, а потому, что все, что случилось с ним с этих пор, получало для него совсем иное, чем прежде, значение. Чем кончится этот новый период его жизни, покажет будущее» [15].

Толстой воплотил в себе несоответствие идеала и реальности. Ибо, с одной стороны, он был убежден, что выполнять требования Нагорной проповеди «вполне возможно», с другой же стороны, его собственное поведение говорило ему, что это невозможно. На самом же деле истина находится посередине. Ибо стандарты Проповеди не доступны всем и каждому, с одной стороны, но и не являются недоступными никому, с другой. Ставить их выше возможностей кого-либо было бы игнорированием цели проповеди Христа; сделать их доступными каждому – значит игнорировать реальность человеческого греха. Они, конечно, выполнимы, но лишь теми, кто испытал новое рождение, что, как сказал Иисус Никодиму, является непременным условием для того, чтобы человек смог увидеть Царство Божье и войти в него. Ибо праведность, описанная Им в Проповеди, – это внутренняя правда. Хотя она и проявляется в словах, делах и отношениях, она все же остается, по существу, праведностью сердца. Имеют значение в действительности лишь помыслы сердечные и то, к чему человек привязывается сердцем своим (ср.: Мф. 5:28; 6:21). Проблема заключена также и в этом. Ибо люди по своей природе «злы» (Мф. 7:11). Именно из их сердца исходит зло (ср.: Мк. 7:21–23) и из сердца рождаются слова, по которым можно определить сущность человека, подобно тому, как дерево определяется по своим плодам. Нет иного решения, кроме как «признать дерево хорошим и плод его хорошим» (Мф. 7:16–20; 12:33–37). Следовательно, новое рождение составляет сущность христианской жизни.

Лишь вера в необходимость и возможность нового рождения способна удержать нас от прочтения Нагорной проповеди как с глупым оптимизмом, так и с безнадежным отчаянием. Иисус проповедовал тем, кто уже были Его учениками, то есть гражданам Царства Божьего и детям Божьей семьи (5:16,48; 6:9,32,33; 7:11). Высокие нормы, Им поставленные, предназначены лишь для подобных. Мы не занимаем (да и не могли бы занять) этого привилегированного положения, усвоив нормы Христа. Достигая же их, или, по крайней мере, приближаясь к ним, мы свидетельствуем о том, кем мы уже являемся по свободной благодати Божьей и дару Его.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 5:3–12

Христианский характер: заповеди блаженства

3 Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. 4 Блаженны плачущие, ибо они утешатся. 5 Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. 6 Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. 7 Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. 8 Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. 9 Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. 10 Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. 11 Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; 12 Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

Каждый, кто когда-либо слышал об Иисусе из Назарета и знает что-либо из Его учения, наверняка знаком с заповедями блаженства, которыми начинается Нагорная проповедь. Их простой слог и глубина мысли привлекали христиан каждого нового поколения, и не только христиан. Чем больше мы исследуем их значение, тем больше обнаруживается неизученного. Их богатство неисчерпаемо. Мы не можем измерить глубину их. Воистину, «мы находимся здесь близ небес» [16].

Прежде чем мы будем готовы рассмотреть каждое блаженство по отдельности, необходимо обратить наше внимание на три общих момента. Это касается людей, описанных в Проповеди, превозносимых качеств и обетованных блаженств.

В заповедях блаженства показан взвешенный и разнообразный характер христианина. Это не восемь отдельных и различных групп учеников, некоторые из которых кротки, иные – милосердны, другие же должны претерпеть гонения. Это, скорее, восемь качеств, которые присущи людям одной группы; эти люди одновременно и кротки, и милосердны, нищи духом и чисты сердцем, они плачут и алчут, являются миротворцами и гонимы.

Далее, группа, обладающая этими качествами, не является элитой, маленькой духовной аристократией, отделенной от остальных христиан. Наоборот, заповеди блаженства – характеристика, данная христианам Самим Христом, здесь показано, каким должен быть каждый из них. Все эти качества должны быть присущи всем Его последователям. Подобно тому, как девятикратный плод Духа, на который указывает Павел, должен зреть в характере каждого христианина, так и восемь блаженств, произнесенных Христом, описывают Его идеал для каждого гражданина Божьего Царства. В отличие от даров Духа, которые Он дает различным членам Тела Христа, посылая их на различные служения, тот же Дух заинтересован в проявлении во всех нас всех этих христианских благодатей. И мы должны принять их все, у нас нет другого выхода.

Б. Прославляемые качества.

Хорошо известно, что существует по крайней мере словесное расхождение между заповедями блаженства у Матфея и у Луки. Так, Лука пишет: «Блаженны вы, нищие», Матфей же – «Блаженны нищие духом». У Луки: «Блаженны алчущие ныне», у Матфея: «Блаженны алчущие и жаждущие правды».

В результате некоторые считали подлинной версию Луки; они утверждали, что Иисус рассуждал о бедных и голодных, что Он обещал недоедающим пищу, а пролетариату – богатства в Царстве Божьем и что Матфей одухотворяет исконные, вполне материальные обещания.

Но такое толкование невозможно, если только мы не думаем, что Иисус противоречил Самому Себе или что евангелисты были достаточно.bestоловы, представляя Его таковым. Ибо во время искушений в пустыне Иудейской, как повествует Матфей в предыдущей главе, Иисус отказывается обратить в хлеба камни и отвергает мысль об утверждении материального царства. Во время всего Своего служения Он отклоняет те же искушения. Когда же после насыщения пяти тысяч толпа пытается «прийти, нечаянно взять Его и сделать царем», Иисус немедленно удаляется в горы один (Ин. 6:15). И когда Пилат спрашивает Его, не было ли каких-либо оснований для обвинений, выдвинутых против Него иудейскими вождями, и имел ли Он в действительности некие политические расчеты, ответ Его недвусмыслен: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18:36). То есть, у Него иной источник и, таким образом, иной характер.

Говорить об этом не значит утверждать, что Иисус был равнодушен к бедным и голодным. Наоборот, Он сострадал нуждающимся и кормил голодных, и ученикам Своим Он заповедовал поступать так же. И все же блаженство Царства Его заключалось, в первую очередь, не в экономическом процветании.

Далее, хотя Он и не давал немедленного физического облегчения, а также не обещал этого в грядущих небесах, Он называл нищих и алчущих «блаженными». Несомненно, в некоторых обстоятельствах Бог может использовать бедность как средство, ведущее к духовному блаженству, так же как и богатство может быть препятствием на пути к нему. Но это не делает нищету саму по себе возделенным состоянием, благословляемым Иисусом. Церковь всегда ошибалась, используя первую заповедь блаженства как для оправдания нищеты масс, так и для восхваления добровольной бедности монахов или других принявших обет отказа от имущества. Возможно, Христос и призывает некоторых к жизни в нищете, но Его зов не может быть услышан только лишь из этой заповеди.

Нет. Нищета и голод, называемые Иисусом в этой заповеди, относятся к духовному состоянию. Он называет блаженными именно «нищих духом» и «алчущих и жаждущих правды». Отсюда правомерно вывести, что и другие упоминаемые Им качества также духовны. Верно то, что арамейское слово, используемое Иисусом, могло означать просто «бедных» («нищих»), как в варианте Луки. Но так как «бедняки», нищие Божьи, были вполне определенной группой в Ветхом Завете, Матфей точно переводит «нищие духом». Ибо «нищие» – это не столько прибитые бедностью, сколько благочестивые, которые возложили упование свое

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org и надежду на Бога – частично из-за своей нужды, угнетенности, подавленности или какой-либо ущемленности.

В. Обетованные блаженства

Эти качества превозносятся настолько, что все, в ком они проявляются, называются «блаженным». Греческое слово μακάριος может означать, и означает, «счастливый». Так, издание «Новый Завет на современном английском языке» переводит слова, открывающие каждую заповедь, так: «Как счастливы те...» И некоторые комментаторы объясняли их как предполагаемые Иисусом условия человеческого счастья. Наиболее откровенная из известных мне попыток сделана Эрнестом Лайгоном в его книге «Психология христианской личности»[17].

Воздавая должное Гарри Эмерсону Фосдику, он старается истолковать Нагорную проповедь «с точки зрения умственного здоровья» (с. vii). «Наиболее значительной ошибкой, совершаемой людьми, интерпретирующими эти высказывания Иисуса (т. е. блаженства), – пишет он, – является их невнимание к первым словам каждой заповеди: счастливы»[18].

На его взгляд, они образуют «теорию счастья Иисуса»[19].

Это не этические обязанности, а «серия из восьми основополагающих эмоциональных отношений».

Если человек реагирует на свою среду так, как предписано в «блаженствах», его жизнь будет счастливой», ибо он откроет для себя основную «формулу умственного здоровья»[20].

В особенности, как утверждает доктор Лайгон, Проповедь подчеркивает «силу» веры и любви – «экспериментальной веры» и «отеческой любви». Эти две основы незаменимы для развития «сильных и здоровых личностей»[21].

И не только хаос страха превозмогается верой, а деструктивный гнев – любовью, но также от «комплекса неполноценности со многими сопутствующими ему явлениями» можно избавиться с помощью Золотого правила[22].

Нет необходимости отвергать это толкование как полностью ложное. Ибо никто не знает лучше нашего Создателя, как мы можем проявить себя истинно человеческими существами. Он нас создал. Ему известно, как нам лучше всего функционировать. Мы находим себя и совершенствуемся, следуя Его нравственным законам. Все же христиане не могут засвидетельствовать, исходя из своего опыта, о существовании близкой связи между святостью и счастьем.

И тем не менее, было бы серьезным заблуждением передавать слово μακάριος как «счастливый». Ибо счастье – это субъективное состояние, Иисус же выносит об этих людях объективное суждение. Он заявляет не то, что они могут чувствовать («счастье»), но что о них думает Бог и каковы они в этом смысле: они «блаженны».

Что это за блаженство? Вторая половина каждой заповеди проясняет это. Блаженные обладают Царством Небесным и наследуют землю. Плачущие утешаются и алчущие насыщаются. Они получают милость, видят Бога, называются сынами Божиими. Велико их небесное вознаграждение. И все эти благословения едины. Так же, как восемь качеств описывают каждого христианина (по крайней мере в идеале), так и восемь благословений даются каждому христианину. Верно, что особое благословение, обетованное в каждом конкретном случае, соответствует особо упоминаемому качеству. В то же время, определено невозможно наследовать Царство Небесное, не наследуя землю, утешиться, не насытившись, или видеть Бога, не получив Его милости и не назвавшись детьми Его. Восемь качеств в комплексе образуют ответственность, а восемь благословений – привилегии граждан Царства Божьего. Именно это имеется в виду, когда речь идет об обладании законом Бога.

К настоящему или будущему относятся эти благословения? Я лично думаю, что единственно верным ответом будет – «к обоим». Некоторые комментаторы, однако, настаивают на том, что благословения устремлены в будущее, и подчеркивают «эсхатологическую» природу заповедей блаженства. Вторая часть последней заповеди определено обещает преследуемым великую награду на небесах, и это будет в будущем (ст. И). Также ясно, что только в первой и восьмой заповедях блаженства благословение выражается в настоящем времени,

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org «их есть Царство Небесное» (ст. 3,10); и даже в этом случае глагол, вероятно, отсутствовал в арамейском языке, на котором говорил Иисус. Другие шесть заповедей содержат глагол в простом будущем времени (напр., «утешатся», «насытятся» и т. д.). И тем не менее из остального учения Иисуса ясно, что Царство Божье – это реальность настоящего, которую мы можем получить, наследовать или вступить в нее, ныне. Подобным образом, мы можем получить милость и утешение теперь же, можем сейчас же стать детьми Божьими и еще в этой жизни сможем насытиться и утолить жажду. Иисус обещал Своим последователям исполнение этих блаженств здесь и теперь. Обетование «узреть Бога» может звучать напоминанием об окончательном «блаженном видении» (ср.: 1 кор. 13:12; Евр. 12:14; 1 ин. 3:2; Отк. 22:4) и, несомненно, включает в себя это. Но мы уже начинаем видеть Бога в этой жизни в лице Христа Его (Ин. 14:9) и духовным взором (1 ин. 3:6; 3 ин. 11). Мы даже начинаем «наследовать землю» в этой жизни, ибо, поскольку мы Христовы, все уже принадлежит нам, «мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее» (1 кор. 3:22,23).

Итак, обетования Иисуса в заповедях блаженства могут быть исполнены как в настоящем, так и в будущем. Начатки плодов мы пожинаем сейчас; полный урожай еще явится. И, как верно отмечает профессор Таскер, «будущее время... подчеркивает их определенность, а не только будущность. Плачущие, конечно же, будут утешены, и т. д.»[23].

Это подводит нас к следующему вопросу о «блаженствах», обетованных Иисусом. Этой проблемы нам не избежать. Создается впечатление, что учение заповедей противоречит учению всего Евангелия, так как здесь говорится о спасении с помощью добрых дел, о заслугах самого человека. Не утверждает ли Иисус, например, что милостивые будут помилованы, а чистые сердцем узрят Бога? Не означает ли это, что, выказывая милость, мы сами получаем милость, а стяжанием чистоты сердечной достигаем видения Бога?

Некоторые интерпретаторы смело выдвигали именно такой тезис. Они пытались представить Нагорную проповедь не чем иным, как слегка христианизированной формой ветхозаветного закона и иудейской этики. Это Иисус-раввин, Иисус-законодатель, говорят они, издающий заповеди, ожидающий послушания и обещающий спасение слушающим. Вероятно, наиболее ярким представителем этой точки зрения был Ханс Уиндиш, который изложил ее в своей книге «Смысл Нагорной проповеди» (1929). Он придает особое значение «историческому толкованию» и отвергает «толкование по Павлу» – «Paulinized exegesis», как он это называет, имея в виду попытку интерпретировать Проповедь в соответствии с пониманием Павлом учения о благодати. По его мнению, это недопустимо: «С позиции Павла, Лютера и Кальвина учение о спасении, изложенное в Нагорной проповеди, беспросветно еретично»[24].

Другими словами, в Проповеди провозглашается закон, а не Благая весть, и утверждается праведность по делам, а не по вере. Итак, «Иисуса и Павла здесь разделяет стремнина, которую нельзя преодолеть никаким мостом богословского толкования»[25].

Х. Уиндиш даже идет дальше. Он считает, что упор Павла на свободное спасение привел многих к поверхностному почитанию добрых дел и что Матфей сознательно сочинил Нагорную проповедь как своего рода трактат против Павла! [26]

Именно это же предположение, что исполнение обетования Нагорной проповеди зависит от человеческих усилий, побудило Дж. Н. Дарби отложить их на будущий «период Царства». Его теория спасения по делам была популяризована изданием Библии (1909) с примечаниями Ч. И. Скоуфилда, который, комментируя 5:2, называет Проповедь «законом Царства», соглашаясь, однако, с тем, что его принципы имеют «прекрасное, нравственное обращение к христианам».

Но как рассуждения Х. Уиндиша, так и опасения приверженцев этой теории беспочвенны. Конечно, самая первая заповедь блаженства провозглашает спасение по благодати, а не по делам, ибо в ней обещано! Царство Божье «нищим духом», то есть людям настолько духовно бедным, что они ничего не имеют, что бы вменилось им в заслугу. С каким горячим негодованием отверг Лютер предположение, выдвинутое неким его современником, о том, что Нагорная проповедь учит спасению по заслугам! К своему объяснению он добавил примечание на десяти страницах с целью опровергнуть эту чудовищную мысль. В нем он резко осудил «этих глупцов, ложных пророков», которые «вывели заключение, что мы достигаем Царства небесного и спасаемся нашими

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org собственными добрыми делами и действиями»[27].

Эта «мерзость софистов» переворачивает Евангелие с ног на голову, как считает он, она «сбрасывает крышу на землю, опрокидывает фундамент, воздвигает спасение на воде, выдворяя полностью Христа с трона Его и заменяя Его нашими делами»[28].

Как же объяснить, почему Иисус постоянно подчеркивал в Проповеди значение праведности? Похоже, верный ответ заключается в том, что Нагорная проповедь, как род «нового закона», подобно закону ветхому, имеет две божественных цели, обе из которых Лютер прекрасно понимал. Во-первых, нехристианину она показывает, что он сам по себе не может удовлетворить Бога (так как он не может соблюдать закон), и, таким образом, направляет его к Христу за оправданием. Во-вторых, она показывает христианину, пришедшему к Христу за оправданием, как ему жить, угождая Богу. Или проще, как обычно обобщали и реформаты, и пуритане, – закон посылает нас к Христу за оправданием, Христос же отсылает нас обратно к закону за освящением.

Не может быть сомнения в том, что Нагорная проповедь поначалу производит на многих людей эффект, подобный только что описанному. Читая ее, они впадают в отчаяние, так как видят в ней лишь недостижимый идеал. Как могут они развить эту праведность сердца, обратить для удара другую щеку, любить своих врагов? Это невозможно. Именно так! В этом смысле Проповедь является, по выражению Лютера, «Moisissimus Moses»: «Это Моисей учетверенный, Моисей до высшей степени умноженный»[29], так как это закон внутренней праведности, которому, вероятно, не может следовать ни один из сынов Адама. Он способен, таким образом, лишь осудить нас и сделать невозможным прощение Христа. Может быть, это и была отчасти цель Проповеди? Правильно, Иисус нигде не говорит об этом ясно, кроме как в первой заповеди, как уже упомянуто выше, но подобное значение можно вывести из нового закона в той же степени, как и из ветхого.

Еще более ясна для Лютера вторая цель Проповеди: «Христос ничего не говорит в этой Проповеди о том, как мы становимся христианами, но лишь о делах и плодах, которые никто не сможет совершить, пока не станет христианином, и лишь находясь в состоянии благодати»[30].

Вся Проповедь основана на принятии Благой вести (как это понимали Златоуст и Августин), опыте обращения и нового рождения, а также освоенности Духом Святым. Она описывает род возрожденных людей, какими являются (или должны быть) христиане. Таким образом, заповеди блаженства – это благословения, изливаемые Богом (не как награда за заслуги, но как дар благодати) на тех, в ком Он вырабатывает подобный характер.

Профессор Джеремиас называет первое объяснение («теория недостижимого идеала») «Лютеранской ортодоксией»[31] и не упоминает, что Лютер также давал и второе объяснение.

Сам профессор предполагает, что Проповедь использовалась как «раннехристианский катехизис», и, таким образом, имеет в виду, что слушателями были христиане: «Этому предшествовало провозглашение Евангелия, обращение и победа Благой вести»[32].

То есть Проповедь «дается людям уже прощенным, нашедшим жемчужину великой ценности, приглашенным на брачный пир, принадлежащим, благодаря своей вере в Иисуса, к новому творению, к новому миру Божьему»[33].

В этом смысле «Нагорная Проповедь – не Закон, а Благая весть». Для ясного обозначения разницы между этими двумя понятиями нужно избегать таких терминов, как «христианская нравственность» и говорить, вместо того, о «живой вере», ибо «тогда становится ясно, что дар Божий предваряет Его требования»[34].

Профессор А. М. Хантер включает этот вопрос в контекст всего Нового Завета: «Новый Завет проясняет, что весть ранней Церкви всегда... имела два аспекта – один богословский, другой этический: (1) Евангелие, проповеданное Апостолами; (2) заповедь, вырастающую из Евангелия, которой они обучали принимающих Евангелие. Евангелие было заявлением о том, что Бог благодатью Своей сотворил для людей через Христа; заповедь была утверждением о том, что Бог требует от людей, ставших объектами Его благодатного действия»[35].

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
Апостол Павел обычно так и разделял свои послания, первая часть – теоретическая, вторая – практическая. «Но в этом, – продолжает А. М. Хантер, –

Павел только исполнял то, что Господь его сделал перед ним. Иисус не только провозглашал, что Царство Божье пришло с ним и благодаря Его делу; Он ставил также перед учениками Своими моральный идеал этого Царства... Это идеал, обозначенный в Нагорной проповеди»[36].

Обобщая, мы можем сказать, что описанные здесь люди – это большинство христианских учеников, по крайней мере в идеале; что превозносимые качества носят духовный характер и что обетованное блаженство (как незаслуженный свободный дар) является славным благословением Божьего закона, ныне ожидаемым, а позже наследуемым, включающим в себя наследование земли и небес, комфорт, удовлетворение и милость, видение и сыновство Божье.

А теперь мы постараемся детально рассмотреть заповеди блаженства. Их пробовали классифицировать по-разному. Они, конечно, не случайно собраны вместе, а, по словам Златоуста, являются «звеньями одной золотой цепи»[37].

Вероятно, наипростейшим вариантом будет рассмотреть первые четыре заповеди как отношения христианина к Богу, четыре последующих – как его отношения и обязанности к своим ближним.

1. Нищие духом (ст. 3)

Уже упоминалось, что Ветхий Завет является необходимым фоном для толкования этой заповеди. Во-первых, быть «бедным» («нищим») означало находиться в буквальной, материальной нужде. Но постепенно, поскольку нуждающиеся не имеют иного прибежища, кроме Бога (Соф. 3:12), слово «нищета» приобрело духовный оттенок и стало идентифицироваться со смиренной зависимостью от Бога. Так, псалмопевец называл себя «сим нищим», кто воззвал к Богу в нужде своей, «и Господь услышал и спас его от всех бед его» (Пс. 33:7). Нищий в Ветхом Завете – это тот, кто угнетен и не способен спасти себя самого и кто поэтому ищет для спасения Бога, признавая в то же время, что он к Нему не имеет претензий. Этот род духовной нищеты особенно превозносится Исайей. Именно «бедные и нищие ищут воды, и нет ее; язык их сохнет от жажды», Бог обещает им «открыть на горах реки и среди долин источники» и сделать «пустыню... озером и сухую землю – источниками воды» (Ис. 41:17,18). «Нищие» описываются как люди «сокрушенные и смиренные духом», на них призрит Господь и с ними (хотя Он «Высокий и Превознесенный, вечно живущий, – Святым имя Его») Он обитель сотворит (Ис. 57:15; 66:1,2). Именно таким людям помазанник Господень объявит Благоую весть о спасении, пророчество, сознательно исполненное Иисусом в Назаретской синагоге: «Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим» (Ис. 61:1; Лк. 4:18; ср.: Мф. 11:5). Далее, богатые пытались пойти на компромисс с окружающим язычеством; именно нищий оставался верен Богу. Так шли рука об руку богатство и мир, бедность и набожность.

Итак, быть «нищим духом» означает признавать нашу духовную нищету, даже наше духовное банкротство, перед Богом. Ибо мы, грешники, находимся под святым гневом Божиим и стремимся к суду Божьему. Нам нечего пожертвовать, нечего предложить, нечем купить благоволение небес.

Это язык нищих духом. Мы ничего не можем, кроме как с мытарем из Иисусовой притчи восклицать с опущенными долу глазами: «Боже, будь милостив ко мне, грешнику!» Как писал Кальвин: «Лишь тот, кто уничижился и кто уповает на милость Божью, нищ духом»[38].

Такому, и только такому, дается Царство Божье. Ибо закон Божий, несущий спасение, является не только свободным даром, но и полностью незаслуженным. Его можно получить лишь со смиренным чувством зависимости, свойственным маленькому ребенку. Так, в самом начале Своей нагорной проповеди Иисус опровергает националистические чаяния и человеческие представления о Царстве Божьем. Царство дается нищим, а не богатым; немощным, а не сильным; малым детям, достаточно смиренным, чтобы принять его, а не солдатам, которые хвалятся, что могут получить его своею доблестью. В дни Господа нашего вошли в Царство не фарисеи, которые считали себя богатыми, настолько богатыми своими заслугами, что благодарили Бога за свои достижения; и не zeloty, мечтавшие об установлении Царства кровью и мечом; но мытари и блудницы, изгои человеческого общества, которые знали, что они настолько

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
бедны, что ничего не могут пожертвовать и ничего не могут достигнуть. Все, что они могли, – это звать к Богу о милосердии; и Он услышал вопль их.

Вероятно, наилучшим более поздним подтверждением этой истины может служить церковь, названная Лаодикийской, в которую был направлен Иоанн, чтобы передать весть от прославленного Христа. Он цитирует их самоуверенные слова и добавляет свою собственную оценку: «Ты говоришь, я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ, и слеп, и наг» (Отк. 3:17). Эта видимая церковь вовсе не была христианской в действительности. Самодовольная и поверхностная, она состояла (по Иисусу) из слепых и нагих нищих. Но трагедия в том, что они этого не признавали. Они были богатыми, а не нищими духом.

Даже сегодня непременным условием для получения Царства Божьего является признание нашей духовной нищеты. Бог все еще отпускает богатых ни с чем (Лк. 1:53). Как выразился Ч. Сперджен, «в Царство возносятся, погружаясь в себя» [39].

2. Плачущие (ст. 4)

Можно было бы перевести эту вторую заповедь почти как «счастливы несчастные», чтобы привлечь внимание к парадоксальному сочетанию этих слов. Что это за печаль, несущая тем, кто испытывает ее, радость благословения Христа? Из содержания понятно, что плачущие, которым обещано утешение, – это прежде всего оплакивающие не потерю любимого, а потерю своей невинности, своей праведности, своего самоуважения. Христос говорит не о печали тяжелой утраты, а о печали покаяния.

Это второй этап духовного блаженства. Одно дело – быть духовно нищим и признавать это, другое – скорбеть и плакать над этим. Или, выражаясь богословским языком, одно дело – исповедь, другое – раскаяние.

Нужно иметь в виду, что христианская жизнь, по Иисусу, заключается не только в радости. Похоже, некоторые христиане воображают, что они должны носить на своем лице постоянную улыбку, всегда шуметь и болтать, особенно если они исполнены Духом. Нет. В варианте Проповеди у Луки Иисус добавляет к этой заповеди торжественное «увы»: «Горе вам, смеющиеся ныне» (Лк. 6:25). Истина в том, что существуют христианские слезы, слишком же немногие из нас проливают их.

Иисус оплакивал грех других, предвидя их горькое положение на суде и в смерти, и плакал над нераскаившимся городом, который Его не принял. Так и мы, будем больше плакать о зле мира, как делали Божьи люди библейских времен. Псалмопевец говорит Богу: «Из глаз моих текут потоки вод от того, что не хранят закона Твоего» (Пс. 118:136). Иезекииль передает слова Бога о верных Ему людях, «скорбящих, вздыхающих о всех мерзостях, совершающихся среди него [Иерусалима]» (Иез. 9:4). И Павел пишет о лжеучителях, беспокоящих современные ему церкви: «Ибо многие, о которых я... со слезами говорю, поступают как враги креста Христова» (Флп. 3:18).

Однако не только грехи других пусть вызовут наши слезы; ибо у нас есть и свои грехи, чтобы плакать над ними. Печалимся ли мы о них? Преувеличивал ли Кренмер, когда во время Святого Причастия в 1662 году он попросил собравшихся в церкви людей сказать такие слова: «Мы признаем к оплакиваем многие наши грехи и немощи»? Ошибался ли Ездра, молясь и исповедуясь, «плача и повергаясь пред домом Божиим» (Езд. 10:1)? Был ли неправ Павел, жалуясь: «Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?» и обращаясь к грешной коринфской церкви: «И вы возгордились, вместо того чтобы лучше плакать» (Рим. 7:24; 1 Кор. 5:2; ср.: 2 Кор. 12:21)?

Я так не думаю. Я боюсь, что мы, евангельские христиане, придавая большое значение благодати, иногда легко относимся к греху. У нас недостает печали о грехе. Хорошо бы нам испытывать больше «печали ради Бога», которая «производит неизменное покаяние ко спасению» (2 Кор. 7:10), подобно чувствительному и похожему чем-то на Христа миссионеру американских индейцев Дейвиду Брейнерду, который писал в своем дневнике 18 октября 1740 года: «Во время моих утренних молитв душа моя словно плавилась и горько оплакивала великую греховность мою и низость». Подобные слезы являются водой святой, что Бог «кладет в сосуд» Свой (Пс. 55:9).

Эти плачущие, рыдающие над греховностью своей, будут утешены единственным

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
утешением – свободным прощением Бога, которое может дать облегчение страданиям их. «Величайшее из всех утешений – отпущение грехов, которое дается каждому сокрушенному, плачущему грешнику»[40].

Утешение, как и предсказывали ветхозаветные пророки, было одной из обязанностей Мессии. Он был Утешителем, который исцелял «сокрушенных сердцем» (Ис. 61:1; ср.: 40:1). Поэтому люди Божьи, подобные Симеону, «чаяли утешения Израилева» (Лк. 2:25). И Христос поливает елеем раны наши и умиротворяет нашу больную, мятущуюся совесть. Но и доселе оплакиваем мы бездну страдания и смерти, распространяемую грехом в мире. Ибо утешение Христа будет совершенно только на конечном этапе славы, ибо лишь тогда греха больше не будет и «Бог отрет всякую слезу с очей» наших (Отк. 7:17).

3. кроткие (ст. 5)

Греческое прилагательное *praus* обозначает снисходительные, смиренные, тактичные, вежливые и, таким образом, предполагает самоконтроль, без которого невозможно выработать в себе эти качества. Многим из нас трудно принять изображение Господа нашего, как «снисходительного Иисуса, кроткого и мягкого», Он видится нам в данном случае слабым и женственным, но ведь Он Сам говорил о Себе как о «кротком {*praus*) и смиренном сердцем», и Павел также упоминает Его «кротость и снисхождение» (Мф. 11:29; 2 Кор. 10:1; ср.: Зах. 9:9). Так, с лингвистической точки зрения, издание Новой английской Библии совершенно справедливо относит эту заповедь блаженства к «тем, кто снисходителен духом». Но что же это за снисходительность, благодаря которой обладающие ею объявляются блаженными?

Очень важно отметить, что в заповедях «кроткие» помещаются между плачущими о грехах и алчущими и жаждущими правды. Особая форма кротости, которую требовал Христос от Своих учеников, несомненно, имеет нечто общее с этим. Я думаю, что доктор Ллойд-Джонс прав, подчеркивая, что эта кротость является признаком смиренного и снисходительного отношения к другим, что определяется верной оценкой себя самих. Он отмечает, что быть честным с самим собой перед Богом и признавать себя грешником в Его глазах сравнительно легко. И он продолжает: «Но насколько же труднее позволять другим говорить обо мне подобные вещи! Я отвергаю это инстинктивно. Каждый из нас предпочтет осудить себя самого, нежели позволить такое кому-либо другому»[41].

Например (применяя этот принцип к церковной практике), во время Общей Исповеди в церкви я легко могу называть себя «жалким грешником». Это не вызывает больших сложностей. Я могу это преодолеть. Но пусть только кто-нибудь вне церкви назовет меня жалким грешником, как мне захочется тогда дать ему по физиономии! Другими словами, я не готов к тому, чтобы другие люди думали или говорили обо мне то, что я только что признал перед Богом. В этом заключается фундаментальное лицемерие; это всегда есть там, где отсутствует кротость.

Доктор Ллойд-Джонс замечательно обобщает это: «Кротость является, по существу, истинным взглядом на себя, и выражается она в отношении и уважительном обхождении с другими... Истинно кроткий человек удивляется, что Бог и человек могут так хорошо думать о нем и так хорошо обходиться с ним, как они это делают»[42].

Это делает его снисходительным, смиренным, чутким, терпеливым в общении с другими.

Эти «кроткие», добавляет Иисус, «наследуют землю». Можно было бы ожидать обратного. Можно было бы думать, что «кроткие» нигде не пройдут, так как все их игнорируют, грубо с ними обходятся и попирают ногами. В борьбе за существование выдерживает стойкий, свержвыносливый; слабые падают. Даже сыны Израилевы должны были сражаться за свое наследство, хотя Господь, Бог их, и дал им Землю обетованную. Но условие, с помощью которого мы овладеваем своим духовным наследством во Христе, – не сила, а кротость, ибо, как мы уже видели, все наше, если мы – Христовы (1 Кор. 3:22).

На это уповали святые и смиренные люди Божьи в дни Ветхого Завета, когда казалось, что злые торжествуют. Нигде это не выражено более точно, чем в Псалме 36, который, похоже, цитировал Иисус в заповедях блаженства: «Не ревнуй злодеям... А кроткие наследуют землю... Благословенные Господом наследуют землю... Уповай на Господа и держись пути Его: и Он вознесет тебя,

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org чтобы ты наследовал землю, и когда будут истребляемы нечестивые, ты увидишь» (Пс. 36:1,11,22,34; ср.: Ис. 57:13; 60:21). Тот же принцип действует и сегодня. Безбожный может хвалиться и оглядываться, а все же истинное богатство ускользнет от взгляда его. Кроткие же, хотя они могут быть бесправными людьми, лишенными имущества, зная, что значит жить и царствовать с Христом, способны наслаждаться землей и даже ее «наследовать», ибо та принадлежит Христу. Так как в день «восстановления» явятся «новые небеса и новая земля» им в наследство (Мф. 19:28; 2 Пет. 3:13; Отк. 21:1). В этом состоит отличие пути Христа от пути мира, и каждый христианин, даже если он, подобно Павлу, «ничего не имеет», может считать себя «всем обладающим» (2 Кор. 6:10). Как пишет Рудольф Стайер: «Путем к овладению миром является самоотречение»[43].

4. Алчущие и жаждущие правды (ст. 6)

Уже в песне, посвященной Деве Марии (магнификат – Magnificat – прославление), духовно нищие и голодные объявлялись блаженными. Ибо Бог «алчущих исполнил благ, а богатящихся отпустил ни с чем» (Лк. 1:53). Здесь этот общий принцип рассматривается подробно. Алчущие и жаждущие, насыщаемые Богом, «алчут и жаждут правды». Такой духовный голод присущ народу Божьему, высшая цель которого не материальна, а духовна. Христиане – это не язычники, движимые жаждой обладания; они должны искать прежде всего Царства Божьего и правды Его (Мф. 6:33).

Праведность, по Библии, имеет по крайней мере три аспекта: юридический (законный), нравственный и социальный.

Праведность закона – это оправдание, верные взаимоотношения с Богом. Иудеи «искали закона праведности», как пишет позже Павел, но не достигли своей цели, так как шли по ложному пути. Они «усиливались поставить собственную праведность», но «не покорились праведности Божией», которая – Сам Христос (ср.: Рим. 9:30–10:4). Некоторые комментаторы усматривали и здесь подобный намек, но это едва ли вероятно, так как Иисус обращается к тем, кто Ему уже принадлежит.

Нравственная праведность – это праведность характера и поведения, радующая Бога. После заповедей блаженства Иисус продолжает противопоставлять христианскую праведность праведности фарисеев (ст. 20). Последняя имела лишь внешнее соответствие законам; первая была внутренней праведностью сердца, ума и побуждений. Именно этого должны мы алкать и жаждать.

Однако было бы ошибкой полагать, что библейское слово «праведность» означает лишь верные взаимоотношения с Богом, с одной стороны, и нравственную праведность характера и поведения, с другой. Ибо библейская праведность – это не только дело частное или личное; она включает также социальную праведность. А праведность социальная, как узнаем мы из закона и пророков, занята поисками освобождения человека от угнетения, а также борьбой за гражданские права, справедливость в судах, честность в деловых операциях и честь в делах дома и семьи. Так, христиане призваны алкать правды во всех аспектах человеческой жизни, потому что это приятно праведному Богу.

Лютер выразил эту концепцию с присущей ему энергией: «Вы призваны не забиваться в угол, не уходить в пустыню, но выбежать, где бы вы ни были, и отдать свои руки, и ноги, и все тело, и рискнуть всем, что имеете и чем можете». «Вам требуется, – продолжает он, – голод и жажда правды, которые никогда не будут утолены, ничто не должно заботить вас, кроме поиска и сохранения правды, несмотря на все, что препятствует этой цели. Если не можешь сделать мир полностью благочестивым, тогда делай, что можешь»[44].

Не существует, возможно, более эффективного пути для достижения прогресса в христианской жизни, нежели здоровый духовный аппетит. Вновь и вновь Писание обращает свои обетования к голодным. Бог «насытил душу жаждущую и душу алчущую исполнил благами» (Пс. 106:9). Если мы осознаём медленный духовный рост, не в слабом ли аппетите причина? Недостаточно оплакивать прошлый грех; мы должны также жаждать будущей праведности.

И все же в этой жизни наш голод не будет полностью насыщен, а жажда наша полностью утолена. Действительно, мы получаем удовлетворение, обещанное в заповеди. Но голод наш утоляется, лишь чтобы возникнуть вновь. Даже обещание Иисуса о том, что пьющий воду, которую Он дает, «не возжадет

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org вовек», выполняется при условии, что мы продолжаем пить (Ин. 4:13,14; 7:37). Остерегайтесь успокаиваться на достигнутом и ценить прошлый опыт более, нежели будущее развитие. Как и все качества, включенные в заповеди блаженства, голод и жажда являются постоянными характеристиками учеников Иисуса, такими же постоянными, как нищета духа, кротость и плач. Лишь когда мы достигнем небес, не будем «ни алкать, ни жаждать», ибо лишь тогда Христос, Пастырь наш, будет нас «водить... на живые источники вод» (Отк. 7:16,17).

Более того, Бог обещал день суда, в который правые восторжествуют, а неправые будут низвергнуты, и после которого будут «новое небо и новая земля, на которых обитает правда» (2 Пет. 3:13). И этого окончательного торжества правых мы тоже жаждем, и мы не будем разочарованы.

Итак, можно отметить, что первые четыре заповеди блаженства с неумолимой логикой показывают духовное продвижение вперед. Каждый шаг ведет к следующему и предполагает наличие предыдущего. Для начала мы должны стать «нищими духом», признав свою полную несостоятельность перед Богом. Затем мы должны «плакать» над причиной нашей несостоятельности – нашими грехами, над порочностью нашей падшей природы, над властью греха и смерти в мире. В-третьих, мы должны быть «кроткими», смиренными и снисходительными по отношению к другим, позволяя нашей духовной нищете (понятой и оплаканной) определять наше отношение к ним, а также к Богу. И в-четвертых, мы должны «алкать и жаждать правды». Ибо для чего исповедовать и оплакивать свой грех, открывать правду о нас Богу и людям, если мы не оставляем греха? Исповедание греха должно пробудить в нас сильное стремление к правде.

Создается впечатление, что во второй половине заповедей блаженства (последние четыре заповеди) акцент переносится с нашего отношения к Богу на наше отношение к ближним. Действительно, «милостивые» проявляют милость к людям, а «миротворцы» стараются примирить людей между собой, «гонимые» преследуются тоже людьми. Похоже на то, что искренность, связанная с «чистотой сердечной», тоже затрагивает наши отношения с ближними.

5. Милостивые (ст. 7)

«Милость» – это сострадание к нуждающимся людям. Ричард Ленски верно отделяет ее от «благодати»: «Существительное *eleos* (милость)... всегда связано с тем, что мы видим результаты греха – боль, невзгоды, горе; *charis* (благодать) всегда имеет дело с самим грехом и виной. С одной стороны, – облегчение, с другой, – прощение; первое лечит, исцеляет, помогает, второе очищает и восстанавливает»[45].

Иисус не указывает, к кому ученики Его должны проявлять милосердие. Трудно сказать, думает ли Он прежде всего о пострадавших от несчастного случая, подобно путешественнику, идущему из Иерусалима в Иерихон, ограбленному разбойниками, над которым добрый самаритянин «смиловался», или о голодных, больных и отверженных, о ком Он Сам всегда заботился, или о клеветующих на нас, так что справедливость вопиет о наказании, а милосердие о прощении. Иисусу нет необходимости выбирать. Наш Бог милосерден и милует постоянно; граждане Царства Его также должны проявлять милость.

Конечно, мир (по крайней мере, когда он верен своей собственной природе) немилосерден. Мир предпочитает ополчаться против более и бедствий человеческих. Он смакует месть, прощение же, напротив, его не привлекает. Но ищущие милосердия находят его. «Как блаженны милостивые; им будет явлена милость» (НАБ). Та же истина звучит на следующей странице: «Если вы прощаете людям долги их, то Отец ваш небесный также простит вас» (6:14). Это не значит, что мы можем заслужить милость милостью, а прощение – прощением, но мы не можем получить милость и прощение Бога, пока не покаемся, а мы не можем покаяться в своих грехах, если не проявляем милость к грехам других. Ничто не заставляет нас прощать, кроме удивительного откровения о том, что сами мы были прощены. Ничто более ясно не доказывает, что мы были прощены, кроме нашей готовности прощать. Прощать и быть прощенным, выказывать милость и быть помилованным – все это идет неразделимо вместе, как проиллюстрировал Иисус в своей притче о немилосердном рабе (Мф. 18:21–35). Или, истолковывая в контексте заповедей блаженства, именно «кроткие» являются «милостивыми». Ибо быть кротким – значит признавать перед другими себя грешником; быть милостивым – значит сострадать другим, ибо и они грешники.

Сразу становится ясно, что слово «сердцем» указывает на особый род чистоты, которую подразумевает Иисус, подобно тому, как слово «духом» указывало на род нищеты, что Он и имел в виду. «Нищие духом» – это духовно нищие, в отличие от тех, чья бедность лишь материальна. От кого же тогда отличаются «чистые сердцем»?

Популярно мнение, что чистота сердечная является выражением внутренней чистоты, то есть очищенности от нравственной грязи – в противоположность ритуальному очищению. В Библии много говорится об этом, особенно в Псалмах. Считалось, что никто не мог взойти на юру Господню или встать на святом месте Его, пока у него не будут «руки неповинны и сердце чисто». Так, Давид, осозная, что Господь его желал «истины в сердце», молился: «Внутрь меня яви мне мудрость», и «сердце чистое сотвори во мне, Боже» (Пс. 23:3,4; 50:6,10; ср.: Пс. 72:1; Деян. 15:9; 1 Тим. 1:5). Иисус поднимает эту тему во время Своего спора с фарисеями и упрекает их в приверженности к внешней, ритуальной чистоте. «Ныне и вы, фарисеи, внешность чаши и блюда очищаете, а внутренность ваша исполнена хищения и лукавства». Они были подобны «окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (Лк. 11:39; Мф. 23:25–28).

Лютер придал отличию между внутренней и внешней чистотой земной оттенок. Он противопоставлял чистоту сердечную не только ритуальному осквернению, но и действительной физической грязи. «Христос... хочет чистого сердца, человек при этом может быть рабочим на кухне, черным, покрытым пылью, выполняющим любую грязную работу»[46].

И снова: «Хотя чернорабочий, сапожник или кузнец могут быть грязными, могут дурно пахнуть, так как они залиты грязью и смолой... и хотя он внешне смердит, внутренне он является курением чистым пред Богом», ибо он хранит Слово Божье в сердце своем и следует Ему[47].

Этот акцент на внутреннем и нравственном в противоположность внешнему и ритуальному или же внешнему и физическому, несомненно, находится в соответствии со всем учением нагорной проповеди, требующей праведности сердца более, нежели праведности по закону. И тем не менее, в контексте других блаженств «сердечная чистота», похоже, в некотором смысле имеет в виду и наши взаимоотношения. Профессор Таскер называет чистых сердцем «целостными, свободными от страданий, которые приносят с собой раздвоение личности»[48].

В этом случае чистое сердце – это сердце единое, приготавливающее путь «чистому оку», упоминаемому Иисусом в следующей главе (6:22).

Точнее будет отнести первое примечание к искренности. Уже в стихах Псалма 23, приведенных выше, человек с «руками неповинными и сердцем чистым» «не клянется душею своею напрасно и не божится ложно» (Пс. 23:4). То есть он свободен от фальши в своих взаимоотношениях с Богом и человеком. Итак, чистые сердцем – «совершенно искренни» (ДБФ). Вся их жизнь, публичная и частная, открыта для Бога и людей. Само их сердце – включая мысли и намерения – чисто. Лицемерие и коварство им отвратительны; в них нет лукавства.

Но заметьте, как мало тех, кто живет такой жизнью, и так открыто! Мы поддаемся искушению носить разные маски и играть все новые роли от случая к случаю. Это не реальность, а игра – в этом сущность лицемерия. Некоторые люди свивают вокруг себя такую паутину лжи, что и сами не могут сказать, какая часть их истинна. Лишь Иисус Христос был среди людей с чистым сердцем, совершенно лишенным лукавства.

Только «чистые сердцем узрят Бога», увидят Его ныне глазами веры и славу Его впоследствии, ибо лишь совершенно искренние смогут вынести ослепительное видение, в свете которого тьма лжи рассеется и огнем которого поглотится всякое притворство.

7. Миротворцы (ст. 9)

Переход от заповеди о чистых сердцем к заповеди о миротворцах вполне закономерен, так как наиболее частой причиной конфликта является интрига, в то время как для всякого примирения необходимы открытость и искренность.

Каждый христианин, в соответствии с этой заповедью блаженства, является, предположительно, миротворцем как в обществе, так и в церкви. Конечно, Иисус говорил потом, что Он «пришел принести не мир, но меч», ибо Он «пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее», так что врагами человека будут «домашние его» (Мф. 10:34–36). Говоря это, Он имел в виду, что конфликт, даже в собственной семье, будет неизбежным результатом Его прихода и что, если мы хотим быть достойными Его, мы должны возлюбить Его больше и почитать Его выше, нежели даже наших самых близких и дорогих родственников (Мф. 10:37). Из учения Иисуса и Его Апостолов ясно, однако, что мы никогда не должны сами искать конфликта и брать на себя за него ответственность. Наоборот, мы призваны к миру, должны активно «искать мира», «стараться иметь мир со всеми» и, насколько это возможно, «быть в мире со всеми людьми» (1 Кор. 7:15; 1 Пет. 3:11; Евр. 12:14; Рим. 12:18).

Миротворчество ныне – божественное дело. Ибо мир означает примирение, Бог же – источник мира и примирения. Так, тот же самый глагол, что и в этой заповеди, используется Апостолом Павлом, когда он говорит о том, что Бог сделал через Христа. Через Христа Бог смог «примирить с Собой все... умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное, и небесное». И целью Христа было «из двух [то есть Иудея и язычника] создать в Себе Самом одного нового человека, устроая мир» (Кол. 1:20; Еф. 2:15). Едва ли удивительно поэтому, что особое благословение, данное миротворцам, состоит в том, что они «будут наречены сынами Божиими». Ибо они ищут того, что сделал Отец их, – стремятся любить людей Его любовью, как вскоре объясняет Иисус (5:44,45). Возмутитель спокойствия – дьявол; Бог же любит примирение и ныне через детей Своих, как ранее через Сына Своего единородного, творит мир.

Это напоминает нам о том, что слова «мир» и «умиротворение» не являются синонимами. Ибо мир Божий – это не мир любой ценой. Он заключил мир с нами великой ценой, ценой пролития крови Его единственного Сына. Мы также, хотя и нашими меньшими путями, найдем миротворчество дорогим предприятием. Дитрих Бонхёффер познакомил нас с понятием «дешевой благодати»[49], существует также такая вещь, как «дешевый мир».

Провозглашать «мир, мир», когда мира нет, – это работа лжепророка, но не свидетельствующего христианина. Можно привести много примеров, когда мир обретается через боль. Так, если сами мы вовлечены в ссору, будет боль извинения перед человеком, которого мы обидели, или боль от обиды, причиненной нам. Иногда остается горечь от отказа простить виновного, пока тот не покается. Конечно же, «дешевый мир» может быть куплен дешевым прощением. Но истинный мир и настоящее прощение – драгоценное сокровище. Бог прощает нас, только если мы каемся. Иисус сказал нам поступать так же: «Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему, и если покается, прости ему». (Лк. 17:3). Как же можем мы простить оскорбление, если его не признали и не раскаялись в нем?

Или еще, мы можем не быть сами вовлечены в спор, но будем бороться за примирение друг с другом двух людей или групп, взаимно отчужденных или несогласных между собой. В этом случае мы испытаем боль, сопереживая спорящим, пытаясь избежать предвзятости и проявить доброжелательность, чтобы понять противоположные точки зрения и исключить непонимание, неблагоприятность или неудачи.

Другими примерами миротворчества является работа по воссоединению церквей и евангелизационная работа, чтобы привести грешников к Христу. В обоих случаях истинное примирение может быть низведено до «дешевого мира». Видимое единство церкви – это христианская задача, но только если единство достигается не за счет искажения учения. Иисус молился за единение народа Своего. Он молился также о том, чтобы они были удержаны от зла и сохранены в истине. У нас нет указания Христа искать единства любой ценой – без соблюдения чистоты учения и поведения. Если существует нечто вроде «дешевого воссоединения», существует также «дешевый евангелизм», а именно – провозглашение Евангелия без ученичества, требование веры без покаяния. Это запрещенные ходы. Они превращают евангелиста в обманщика. Они обесценивают Евангелие и уничтожают дело Христа.

8. Изгнанные за правду (ст. 10–12)

Может показаться странным, что Иисус переходит от миротворчества к гонению,
Страница 20

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org от работы по примирению к проявлению враждебности. Однако же факт остается фактом, как бы мы ни старались примириться с некоторыми, они отказываются жить с нами в мире. Некоторые даже намеренно нам противостоят, «клевета» или позоря нас. И дело здесь не в наших недостатках или особенностях характера. Страдаем мы «за правду» (ст. 10) и за Христа (ст. 11). Другими словами, им не по вкусу та правда, которую мы алчем и жаждем (ст. 6), и они отвергли Христа, которому мы стремимся подражать. Гонение – это просто конфликт двух непримиримых систем ценностей.

Какой же реакции ожидает Иисус от Своих гонимых учеников? «Радуйтесь и веселитесь!» (ст. 12). Конечно, мы не должны мстить, подобно неверующим, или обижаться, как дети, или же зализывать свои раны, подобно собаке, жалея себя, но никто и не призывает нас быть стойками, и уж тем более пытаться, подобно мазохистам, испытывать радость от страданий. Что же тогда? Мы должны по-христиански радоваться и даже «возвеселиться» (Лк. 6:23). Почему так? Частично потому, что, как Иисус добавляет, «велика ваша награда на небесах» (ст. 12а). Мы можем потерять все на земле, но наследуем все в небесах – однако не как награду за заслуги, потому что «обетование награды – это свободный дар» [50].

Частично же потому, что гонение подтверждает нашу принадлежность к христианству, ибо «так гнали и пророков, бывших прежде вас» (ст. 12б). Таким образом, мы становимся их преемниками. Но главное, мы должны радоваться, потому что страдаем за Иисуса Христа (ст. 11), сохраняя верность Ему и Его нормам истины и правды. Несомненно, Апостолы хорошо усвоили этот урок, вспомните, как, избитые и оскорбленные, «они пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» (Деян. 5:41). Они знали то, что и нам следует знать: «раны и обиды суть медали за доблесть» [51].

Важно отметить, что упоминание о гонениях является заповедью блаженства, как и другие. Только она является двойной заповедью, так как Иисус сначала произнес ее так же, как и другие семь («Блаженны изгнанные за правду», ст. 10), а затем повторил ее в прямой речи, употребив второе лицо («Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать...», ст. 11). Так как все заповеди блаженства описывают ученика Христа, каким он должен быть, мы заключаем, что быть презираемым и отвергнутым, оклеветанным и преследуемым является настолько же обычным знаком христианского ученичества, как быть чистым сердцем или милосердным. Каждому христианину следует быть миротворцем, и каждый христианин должен ожидать сопротивления. Жаждающие правды будут за эту правду страдать (см.: Ин. 15:18–25; 1 Пет. 4:13,14; Деян. 14:22; 2 Тим. 3:12). Так было в каждую эпоху. Не будем удивляться усилению антихристианской враждебности, скорее удивимся, если так не будет. Будем помнить дополнительное «увы»: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо» (Лк. 6:26). Всеобщая популярность характерна для лжепророков, а гонение – для истинных.

Немногие люди нашего века лучше поняли неизбежность страдания, нежели Дитрих Бонхёффер. Он никогда не колебался в своем христианском антагонизме нацистскому режиму, хотя для него это означало тюремное заключение, пытки, опасность для его собственной семьи и в результате – смерть. Он был казнен в концлагере по прямому приказу Генриха Гиммлера в апреле 1945 года, лишь за несколько дней до освобождения. Это было исполнением его всегдашней веры и учения: «Страдание есть знак истинной верности. Ученик не выше своего учителя. Подражание Христу означает *passio passiva*, то есть страдание как предопределение. Поэтому – то Лютер считал страдание прерогативой истинной Церкви, и в одном из меморандумов, написанном в процессе подготовки Аугсбургского исповедания, определяет Церковь как сообщество «преследуемых и мучеников Евангелия ради»... Ученичество означает верность страданиям Христа, и поэтому совсем неудивительно, что христиане призваны страдать. На самом деле, это радость и знак благодати Его» [52].

В заповедях блаженства изображен портрет ученика Христа. Мы видим его сначала в одиночестве, на коленях пред Богом, признающим свою духовную нищету и оплакивающим ее. Это делает его кротким, или снисходительным, во взаимоотношениях с людьми, так как честность помогает ему быть перед ними таким, каким он сам исповедал себя перед Богом. Но он не успокаивается на этом и всегда помнит о своей греховности, так как он алчет и жаждет правды, стремясь возрастая в благодати и добре.

Мы видим его потом в человеческом обществе. Взаимоотношения с Богом не

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org отделяют его от общества, не отгорожен он и от боли мира. Напротив, он находится в самой гуще событий, проявляя милость к тем, кого раздирают противоречия и губит грех. Он предельно искренен во всех своих действиях и пытается выполнять конструктивную роль миротворца. Его не благодарят за помощь, скорее наоборот, – противостоят, клеветуют, оскорбляют и преследуют за правду и за Христа, с которым он отождествляет себя.

Таковы «блаженные», то есть оправданные Богом и нашедшие свое человеческое самовыражение.

Однако ценности и нормы Иисуса находятся в прямом конфликте с общепринятыми мирскими ценностями и стандартами. Мир считает блаженными богатых, в материальном или духовном планах, а не бедных; счастливых и беззаботных, а не тех, кто воспринимает зло настолько серьезно, что оплакивает его; энергичных и ловких, а не кротких и снисходительных; сытых, а не голодных; интересующихся лишь своими делами, а не тех, кто участвует в делах других и посвящает свое время благотворительности – «милосердию» и «миротворчеству»; достигающих своих целей окольными путями, а не чистых сердцем, которые не идут на сделку со своей совестью; уверенных и популярных, легко живущих, а не гонимых.

Вероятно, мало кто так ненавидел «слабость» нагорной проповеди, как Фридрих Ницше. Хотя он был сыном и внуком лютеранских пасторов, он отверг христианство еще в студенческие годы. В своей книге «Антихристианин» [53] (название, которое он дерзнул применить к себе в своем автобиографическом очерке «Се человек») он яростно полемизирует с христианством. Эта книга была написана в 1888 году, за год до его сумасшествия. В ней он определяет, что «добро» есть «все то, что усиливает чувство власти, волю к власти, саму власть в человеке», «плохо» же все то, что «исходит из слабости» [54].

Последовательно отвечая на свой собственный вопрос «что вреднее любого порока», он говорит: «Активная симпатия болезненным и слабым – христианство» [55].

Он видит христианство религией жалости, а не религией власти; так, например, он пишет: «Ничего нет в нашей нездоровой современности более нездорового, чем христианская жалость» [56].

Он презирает «христианское понятие Бога – как Бога-мученика, Бога-человека»; по его мнению, это концепция, из которой вытравлено «все сильное, доблестное, властное, гордое» [57].

«Во всем Новом Завете существует лишь одна фигура, достойная уважения, – утверждает он, – и это Понтий Пилат, наместник римский» [58].

Иисуса он презирает как «Бога на кресте», а христианство – как «величайшую неудачу человечества» [59].

Причина его сарказма ясна. Дитя, превозносимое Иисусом, никак не вписывалось в ницшеанскую теорию «свехчеловека». Таким образом, Ницше отверг всю систему ценностей Иисуса. «Я осуждаю христианство, – писал он. – Христианская церковь не оставила ничего неизвращенным, каждую ценность она обесценила» [60].

И в последних словах своей книги он призывает к переоценке всех ценностей.

Но Иисус не станет изменять Свои нравственные нормы в угоду Ницше и его последователям или любого из нас, неосознанно принявших ницшеанскую философию власти. В заповедях блаженства Иисус бросает вызов нехристианскому миру и его воззрениям, предлагая взамен Свою собственную, совершенно иную систему ценностей. Этот вызов является основополагающим, и, как отмечает Тилике, «кто бы ни стал последователем Иисуса, он должен пройти переоценку ценностей» [61].

Именно это Бонхёффер (воспитанный в той же лютеранской традиции, что и Ницше) называет «экстраординарностью» христианской жизни. «Каждая заповедь блаженства, – пишет он, – расширяет поток между учениками и миром, и призыв отделиться от мира становится совершенно понятным». Особенно это заметно в благословении плачущих. Иисус «имеет в виду отказ от моральных норм мира – от приспособления к этим нормам. Такие люди оплакивают мир, вину его,

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org судьбу и счастье. Пока мир празднует, они держатся в стороне, и пока мир поет «собирайте розовые бутоны, пока можете», они плачут. Они видят, что на борту веселятся, а корабль уже тонет. Мир мечтает о прогрессе, власти и будущем, ученики же размышляют о конце, о последнем суде и пришествии Царства. До таких высот миру не дотянуться. Итак, ученики – странники в мире, незваные гости и возмутители спокойствия. Неудивительно, что мир их отвергает!»[62] Такое изменение человеческих ценностей – основа библейской религии. Пути Бога Писания кажутся человеку неисповедимыми. Ибо Бог возносит смиренных и низвергает гордых, зовет первых последними, а последних первыми, приписывает слуге величие, отпускает ни с чем богатых и объявляет кротких Своими наследниками. Культура мира и контркультура Христа противостоят друг другу. Другими словами, Иисус приветствует тех, кого презирает мир, и отверженных мира называет «блаженными».

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 5:13–16

Влияние христианина: соль и свет

13 Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленую? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям. 14 Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на вершине горы. 15 И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. 16 Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного.

Если заповеди блаженства описывают сущность учеников Иисуса, образы соли и света указывают на их доброе влияние в мире.

Однако само замечание, что христиане могут оказывать здоровое воздействие на мир, с самого начала ставит нас в тупик. Какое же влияние в этом тяжелом, грубом мире могут оказать люди, описанные в заповедях блаженства? Какое неветшающее добро могут совершать нищие и кроткие, плачущие и милосердные, а также миротворцы? Не будут ли они попросту сметены потоком зла? Чего могут добиться люди, единственной страстью которых является стремление к правде, единственное оружие которых – сердечная чистота? Не слишком ли немощны эти люди, чтобы добиться чего-либо, особенно если они составляют ничтожное меньшинство в мире?

Совершенно очевидно, что Иисус не разделял подобного скептицизма. Скорее наоборот. Несомненно, мир будет преследовать церковь (ст. 10–12); однако призыванием церкви является служение этому преследующему ее миру (ст. 13–16). Как выразился Рудольф Стайер, «единственной расплатой должна быть любовь и правда в ответ на ненависть и ложь»[63].

Как ни невероятно звучит это, Иисус назвал солью земли и светом мира именно эту горстку палестинских крестьян. Насколько же велико должно было быть их влияние! Замечательное провидение Божье, которое содержится в этом Евангелии (наиболее иудейском из всех четырех), состоит в том, что Его указание Своим последователям творить добро распространяется на всю землю, на весь мир.

Для определения природы их влияния Иисус приводит две метафоры, связанные с домом. В каждом, пусть даже бедном доме использовали и до сих пор используют как соль, так и свет. В детстве Иисус, вероятно, часто наблюдал, как мать пользуется солью на кухне, а также зажигает светильники, когда солнце садится. Соль и свет являются неотъемлемой принадлежностью домашнего хозяйства. Некоторые комментаторы цитируют высказывание Плиния о том, что нет ничего более полезного, нежели «соль и солнечный свет» (*sale et sole*) [64].

Необходимость в свете очевидна. Соль же имеет множество применений. Это и пряность, и вещество, предохраняющее от порчи. С незапамятных времен была она существенным компонентом человеческого питания, а также пряностью или вкусовой добавкой к пище: «Едят ли безвкусное без соли?» (Иов. 6:6). Однако, в особенности до изобретения холодильника, соль использовалась и для предохранения мяса от порчи. Так происходит и по сей день. Х. В. Мортон описывает приготовление в Южной Африке «билтонга», сушеного мяса: «Разрезанное и измельченное до кусков нужных размеров мясо обильно посыпается грубой солью... Приготовленное правильно, оно сохраняется длительное время» [65].

Обе эти метафоры содержат общую истину, и заключается она в том, что церковь и мир являются разными, отличающимися друг от друга сообществами. Существует «земля», с одной стороны, с другой – «вы», являющиеся солью земли. С одной стороны, – «мир», с другой – «вы», свет мира. Конечно, два сообщества («они» и «вы») соотносятся друг с другом, но их соотносительность зависит от их различия. Это важно помнить, особенно в наше время, когда в богословии стало допустимым размывать различия между церковью и миром, все человечество без исключения называя «народом Божиим».

Далее, при сравнении открывается нам кое-что об обоих сообществах. Мир, очевидно, является темным местом, имеющим мало или вообще не имеющим собственного света, так как необходим внешний источник света для его освещения. Правда, он «всегда говорит о своей просвещенности» [66], но большая часть его хваленого света является в действительности тьмой. В мире также постоянно проявляется тенденция к деградации. Дело не в том, что мир «безвкусен» и христиане могут сделать его менее пресным («мысль сделать мир приятным Богу совершенно невозможна» [67]), а в том, что он загнивает. Он не может предохранить сам себя от порчи. Лишь соль, добавленная извне, сможет это сделать. Церковь, с другой стороны, играет в мире двоякую роль: как соль, она предотвращает, или по крайней мере затрудняет, процесс социального разложения, как свет – рассеивает тьму.

Рассматривая более подробно обе метафоры, убеждаемся, что в них специально используется принцип параллелизма. В обоих случаях Иисус вначале нечто утверждает («Вы – соль земли», «Вы – свет мира»). Затем Он что-то добавляет: условие, на котором основано это утверждение (соль должна сохранять свою соленость, свет должен сиять). Соль не годится ни на что, если она лишилась солености; свет ни на что не годен, если он скрыт.

1. Соль земли (ст. 13)

Утверждение является прямым: «Вы – соль земли». Это значит, что если каждое сообщество остается самим собой, то мир разлагается, подобно гнилой рыбе или мясу, церковь же может препятствовать его разложению.

Конечно, Бог предусмотрел и иные стабилизирующие механизмы для общества. Руководствуясь Своей благодатью, Он Сам установил определенные институты, ограничивающие эгоистические тенденции человека и удерживающие общество от анархии. Основные среди них – это государство (имеющее авторитет издавать и вводить в действие законы) и дом (включая брак и семейную жизнь). Они действуют в совокупности. И тем не менее Бог предполагает, что наиболее предохраняющим фактором в грешном обществе будет Его собственный, искупленный, возрожденный и праведный народ. Как отмечает Р. В. Д. Таскер, ученики «должны быть моральным дезинфицирующим средством в мире, где нравственные стандарты низки, постоянно изменяются или вообще не существуют» [68].

Эффективность соли, однако, возможна лишь при условии: она должна сохранять свою соленость. Конечно, строго говоря, соль никогда не может лишиться солености. Мне объяснили, что хлорид натрия – очень стабильное химическое соединение, устойчивое почти к каждому воздействию. Тем не менее, смешанное с нечистотами, оно может быть испорчено и стать бесполезным, даже опасным.

Соль, лишенная своей силы, не годится даже на удобрение, то есть для кучи компоста. Доктор Дэвид Терк сообщил мне, что обычно в те времена так называемая «соль» представляла собой белый порошок (возможно, из окрестностей Мертвого моря), содержащий хлорид натрия, и много другого добавок, так как тогда не было очистителей. Хлорид натрия, вероятно, был наиболее легкорастворимым компонентом этой смеси и, таким образом, наиболее легко вымываемым. Остаток белого порошка все еще выглядел как соль и, несомненно, все еще назывался солью, но ни по вкусу, ни по действию солью не был. Это была просто дорожная пыль.

Так же и христианин. «Имейте в себе соль», – сказал Иисус в другом случае (Мк. 9:50). «Соленость» христианина – это христианский характер, изображенный в заповедях блаженства, преданное христианское ученичество, выраженное как словом, так и делом (Лк. 14:34,35; Кол. 4:6). Для того чтобы быть действенным, христианин должен сохранить свое подобие Христу, как и соль должна сохранить свою соленость. Если христиане уподобляются нехристианам и заражаются мирской нечистотой, они теряют свое влияние.

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
Влияние христиан в обществе определяется их отличием, а не идентичностью. Доктор Ллойд-Джонс подчеркивает это: «Слава Евангелия проявляется в том, что, если Церковь абсолютно отличается от мира, она неминуемо притягивает его. Именно тогда мир вынужден прислушаться к ее вести, хотя поначалу он может ее ненавидеть» [69].

И, с другой стороны, если мы, христиане, ничем не отличаемся от нехристиан, то мы бесполезны. Мы можем быть так же отброшены, как и несоленая соль, «выброшены на поправление людям». «Как велико падение, – замечает А. Б. Брюс, – из спасителей общества – в строительный материал для дорог!» [70]

2. Свет мира (14–16)

Иисус вводит Свою вторую метафору похожим утверждением: «Вы – свет мира». Правда, Он говорит позже: «Я свет миру» (Ин. 8:12; 9:5). Но также и мы сияем светом Христа, сияем в мире, подобно светилам в ночных небесах (ср.: Флп. 2:15).

Что же это за свет? Иисус разъясняет, называя это нашими «добрыми делами». Он говорит, что если люди увидят «ваши добрые дела», то они прославят «Отца вашего Небесного», ибо свет наш сияет благодаря таким добрым делам. Похоже, что выражение «добрые дела» обозначает все, что говорит и делает христианин именно как христианин, каждое внешнее и видимое проявление его христианской веры. Так как свет является обычным библейским символом истины, сияющий свет христианина наверняка должен включать и устное свидетельство. Поэтому говорят, что ветхозаветное пророчество о том, что Раб Божий будет «светом для народов», исполнилось не только в Самом Христе, свете миру, но и в христианах, о Христе свидетельствующих (Ис. 42:6; 49:6; Лк. 2:32; Деян. 26:23; 13:47). Благовестив должно быть причислено к одному из «добрых дел», благодаря которому свет наш сияет и Отец наш прославляется.

Лютер был прав, подчеркивая это, но, как я думаю, ошибался, придавая этому исключительное значение. «Матфей не подразумевает обычные дела, совершаемые людьми из любви друг к другу... Он, скорее, имеет в виду такую христианскую деятельность, которая правильно передает учение, подчеркивает веру и показывает, как укрепить и сохранить ее; именно таким образом мы свидетельствуем о том, что мы действительно христиане». В своем комментарии он продолжает проводить различия между первой и второй скрижалями Декалога (десять заповедей), выражающими наш долг по отношению к Богу и ближним. «Дела, о которых мы сейчас рассуждаем, имеют отношение к первым трем великим заповедям, относящимся, в свою очередь, к Божьей славе, имени и Слову» [71].

Было бы уместным вспомнить, что вера, исповедание и наставление в истине также являются «добрыми делами», свидетельствующими о нашем возрождении Духом Святым (ср.: Ин. 6:28,29; 1 Кор. 12:3; 1 Ин. 3:23,24; 5:1). Мы, однако, не должны этим ограничиваться. «Добрые дела» являются также делами любви и веры. В них выражается не только наша верность Богу, но также и наша забота о ближних. Действительно, первичное значение «дел» должно заключаться в практических, видимых делах сострадания. И когда люди увидят их, они, как говорит Иисус, прославят Бога, ибо в этом воплощается Благая весть Его любви, возвещаемая нами. Без них наше Евангелие теряет свою убедительность, а Бог – славу Свою.

Как в предыдущих стихах, когда речь шла о соли, так же и здесь за утверждением следует условие: «Так да светит свет ваш пред людьми». Если соль может потерять соленость свою, свет, что в нас, может стать тьмою (6:23). Но мы должны позволить свету Христа, что в нас, сиять так, чтобы люди видели его. Мы должны быть подобны не городку или деревне в долине, огни которых скрыты от взоров, но городу на горе, который «не может укрыться» и огни которого ясно видны на мили вокруг. Также, мы должны быть подобны зажженному светильнику, «горящему и светящему светильнику», каким был Иоанн Креститель (Ин. 5:35), поставленному на подставке на видное место так, чтобы светил «всем в доме», а не спрятанному «под корыто» (НАБ) или «под бадью» (ДБФ), где толку от него нет.

Таким образом, мы, как ученики Иисуса, не должны скрывать истину, которую знаем, или истину о том, кто мы такие. Мы не должны пытаться быть иными, но ради нашего христианства мы должны стремиться к тому, чтобы нас видели все. «Бегство в укрытие есть отказ от призвания. Если община Иисуса пытается спрятаться, значит она перестала следовать Ему» [72]. Мы должны быть

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
истинными христианами, открыто жить по заповедям блаженства и не стыдиться Христа, тогда люди увидят нас и наши добрые дела и, глядя на нас, прославят Бога. Ибо они неизбежно признают, что мы являемся теми, кто мы есть по благодати Божьей, что наш свет – это Его свет и что наши дела суть Его деяния, сотворенные в нас и через нас. Поэтому они будут восхвалять свет, а не несущего светильник; они будут прославлять Отца небесного, а не усыновленных Его детей, в которых проявляется определенное семейное сходство. Даже оскорбляющие нас не смогут не прославлять Бога, видя нашу праведность, из-за которой они нас преследуют (ст. 10–12).

3. Уроки, которые следует усвоить

Метафоры о соли и свете, использованные Иисусом, много важного говорят нам о наших христианских обязанностях в мире. Примечательны три урока.

А. Существует фундаментальная разница между христианами и нехристианами, между церковью и миром.

Конечно, некоторые нехристиане могут производить обманчивое впечатление людей, имеющих отношение к христианской культуре. И наоборот, некоторые христиане, исповедующие себя таковыми, ничем не отличаются от нехристиан и, таким образом, лишаются имени христиан из-за своего нехристианского поведения. Однако существенное различие все-таки сохраняется. Мы могли бы сказать, что они отличаются так, как мел отличается от сыра. Иисус сказал, что они отличаются так же, как свет от тьмы, как просоленный от гниющего. Мы не служим ни Богу, ни самим себе, ни миру, если пытаемся стереть или хотя бы уменьшить это различие.

Эта тема является основной в Нагорной проповеди. Проповедь построена на утверждении, что христиане являются иными, и она призывает нас быть иными. Возможно, величайшая трагедия церкви заключалась в ее постоянном стремлении приспособиться к господствующей культуре, вместо того чтобы развивать христианскую контркультуру.

Б. Мы должны принять обязанность, возлагаемую на нас этим различием.

Что это за обязанность, можно понять, соединив утверждения и условия, выраженные в каждой метафоре. Каждое утверждение начинается в греческом предложении подчеркнутым местоимением «вы», то есть, «вы и только вы» – соль земли и свет мира. И с неумолимой логикой следует условие – вы не должны уподобляться миру, которому призваны служить. Вы должны оставаться теми, кто вы есть. Вы соль, и вы должны поэтому сохранять свою соленость и не терять своего христианского «привкуса». Вы свет, и вы должны позволить свету своему светить и не скрывать его никоим образом: грехом или компромиссом, ленью или страхом.

Этот призыв принять на себя христианскую обязанность, учитывая, кем нас сотворил Бог и что Он нам предназначил, особенно актуален, когда речь идет о молодежи, чувствующей себя потерянной в современном мире. Проблемы человеческого общества так велики, они же чувствуют себя такими маленькими, беспомощными, недееспособными. Термин «отчуждение» (популяризованный Марксом) сегодня используется обычно для описания состояния подавленности, возникающего в результате крушения надежд.

Что же мы можем дать этим людям, чувствующим себя задавленными «системой», сокрушенными машиной современной технократии, политическими, социальными и экономическими силами, их контролирующими, но которые они сами контролировать не могут? Они чувствуют себя жертвами ситуации, которую бессильны изменить. Как же им быть? Именно так появляются революционеры, которые посвящают свою жизнь насильственному свержению систем. И также могут подняться революционеры Иисуса, тоже преданные своим идеалам, но посвятившие себя распространению революции любви, радости и мира. И эта мирная революция более радикальна, нежели любая программа насилия, ибо нравственные нормы ее нетленны и она способна изменить как людей, так и структуры. А может быть, мы потеряли нашу уверенность в могуществе Евангелия Христа? Тогда послушаем Лютера: «Я могу хвалиться одним-единственным Его словом более, чем они всей своей властью, мечами и пушками» [73].

Итак, мы все же не беспомощны и не бессильны! У нас есть Иисус Христос, Его Евангелие, идеалы и сила, а Иисус Христос – это именно та соль и тот свет,

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org в котором нуждается этот темный и гниющий мир. Но и мы должны иметь соль сами в себе и давать возможность нашему свету светить.

В. Нам нужно видеть два аспекта нашей христианской обязанности.

«Соль и свет имеют одну общую особенность: они отдают и растрачивают себя – и представляют собой, таким образом, полную противоположность для любого рода эгоцентрической религиозности»[74].

И тем не менее, функции их различны. Действительно, результаты их воздействия взаимно дополняют друг друга. Роль соли по большей части отрицательная: она предотвращает гниение. Функция же света положительная: освещение тьмы.

Итак, Иисус призывает Своих учеников влиять на мирское общество двояко: отрицательно, предотвращая его разложение, и положительно, внося свет в его тьму. Ибо одно предназначено для того, чтобы остановить распространение зла, другое – способствовать распространению правды, красоты и добра.

Объединив обе метафоры, можно ясно увидеть в них точное соответствие между евангелизационными и социальными действиями в общей миссии Христа в мире – соответствие, которое многих современных верующих может сбить с толку. Итак, мы призваны быть в мирском обществе как солью, так и светом.

Рассмотрим сначала наше призвание быть солью. Апостол Павел в конце первой главы своего Послания к Римлянам изображает мрачную картину, он пишет о том, что происходит, когда общество из любви к греху скрывает истину, которая известна ему от природы. Оно развращается. Ценности и стандарты его падают до тех пор, пока не разрушаются полностью. Когда люди отвергают то, что им известно о Боге, Он передает их своим собственным искаженным представлениям и извращенным страстям, пока общество не становится зловонием для Бога и всех добрых людей.

Христиане помещены Богом в мир, чтобы препятствовать этому процессу. Бог предназначил нас для того, чтобы мы «пропитали» мир. Христианская соль не должна удобненько пребывать в церковных солоночках; наша задача – «натирать» изнутри мирское общество, подобно тому, как солью натирается мясо для предохранения его от порчи. Когда же общество портится, мы, христиане, обычно воздеваем руки в святом ужасе и осуждаем нехристианский мир; но не лучше ли нам осудить самих себя? Едва ли можно упрекнуть непосоленное мясо в том, что оно испортилось. Иначе и быть не могло. Разумней было бы спросить: а где же соль?

Иисус учил где-то близ моря Галилейского. Менее чем через сто миль к югу река Иордан впадает в другое море, соленое настолько, что оно стало мертвым. А на западной его стороне жила в это время община Мертвого моря (библиотека свитков которой вызвала такую сенсацию, когда ее случайно обнаружили несколько лет назад). Это была монашеская община ессеев, удалившихся от падшего мира. Они называли себя «сынами света», но ничего не предпринимали, чтобы свет их светил, и в их гетто соль их была так же бесполезна, как и в отложениях на морском берегу. Может быть, Иисус размышлял о них? У. Д. Дейвис считает, что Он видел их «боковым зрением»[75]. Это любопытное замечание.

Что значит на практике быть солью земли? Для начала нам, христианам, надо быть более мужественными, более красноречивыми при осуждении зла. Конечно, само по себе осуждение является негативным действием, но и действие соли тоже негативное. Иногда нравственные нормы общества изменяются под воздействием ясно выраженного христианского протеста. Лютер делает сильный акцент на этом, говоря, что обличение и провозглашение идут рука об руку, когда Евангелие проповедуется верно: «Соль должна разъедать. Хотя нас и осуждают за это, все же мы знаем, что именно так и должно быть и что Христос повелел соли быть острой и едкой... Если хотите проповедовать Евангелие и помогать людям, вы должны быть остры и сыпать соль на их раны, показывая обратную сторону и обличая неправду... Настоящей солью является истинное толкование Писания, обвиняющего весь мир и исключаящего все, кроме простой веры в Христа»[76].

Гельмут Тилике поднимает эту же тему. Он говорит, что, глядя на некоторых христиан, «можно подумать, что их целью является быть горшком меда для мира. Они сластят горечь жизни с помощью слишком простой концепции о

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org любящем Боге... Но ведь Иисус не сказал: «Вы мед мира». Он сказал: «Вы соль мира». Соль разъедает, и неизвращенная весть о суде и благодати Божьей всегда была едкой» [77].

Но, осуждая ложь и зло, мы должны также поддерживать то, что истинно, хорошо и порядочно, будь то с нами по соседству, в нашем колледже, на работе или в бизнесе, или же в более широких сферах общенародной жизни, включая и средства массовой информации.

Христианская соль эффективна как в действиях, так и в словах. Мы уже говорили, что Бог создал государство и семью как социальные структуры, способные предотвращать зло и поддерживать добро. И христиане обязаны наблюдать, чтобы эти структуры не только сохранялись, но и действовали по справедливости. Слишком часто евангельские христиане истолковывали свою социальную ответственность лишь как помощь в частных проявлениях больного общества и ничего не делали для изменения структур, вызывающих эти проявления. Подобно тому, как врачи озабочены не только лечением пациентов, но и профилактической медициной и общественным здоровьем, также и мы должны быть озабочены тем, что могло бы называться социальной профилактикой и более высокими нормами моральной гигиены. Как бы ни были мы малочисленны, мы не можем не пытаться создавать лучшие социальные структуры, которые бы гарантировали справедливое законодательство и применение законов, свободу и достоинство личности, гражданские права для меньшинств и отмену социальной и расовой дискриминации. Не будем закрывать на это глаза и уклоняться от своей обязанности. Все это является частью Божьего плана. Будучи сознательными гражданами, христиане действуют в обществе подобно соли. Как отметил сэр Фредерик Катервуд в своем докладе на симпозиуме «Является ли революция изменением?»: «Попытка исправить общество – это не обмирщение, а любовь. Обмирщение же – стремление умыть руки, отвернувшись от общества» [78].

Но падшие человеческие создания нуждаются в большем, нежели в баррикадах, чтобы остановиться на пути полного своего падения. Они нуждаются в возрождении, в новой жизни, которую способно дать Евангелие. Отсюда наше второе призвание быть «светом мира». Ибо истина евангельская – это свет, содержащийся, конечно, в хрупких земных светильниках, но тем ярче он должен светить, чтобы пробиться через нашу земную природу. Мы призваны к распространению Евангелия, а также и нашего образа жизни в соответствии с евангельским идеалом (ср.: Флп. 1:27).

Итак, не нужно противопоставлять наши два призвания – быть солью и светом, нашу христианскую социальную и евангелизационную обязанности, как будто бы мы хотим выбирать между ними. Не будем ни преувеличивать, ни преуменьшать одно за счет другого. Одно не может быть заменителем другого. Миру нужны оба. Он плох и нуждается в соли; он темен и ему нужен свет. Христианское наше призвание – быть и тем, и другим. Иисус Христос сказал так, и этого достаточно.

Одно из пастырских служений в Соединенных Штатах, описанное как вершина так называемого «движения Иисуса», известно под названием «Дом света и силы Иисуса Христа». «Свет и сила» – прекрасное сочетание, и то, и другое можно найти в Иисусе Христе. Но когда же будет учреждена в Америке «Компания соли и света Иисуса Христа»?

В прежние годы в Великобритании возникло почти спонтанное движение, известное как «Праздник Света». Я благодарю Бога за мужественное и плодотворное свидетельство молодых людей, участвовавших в этом движении. Они пытались соединить протест против порнографии и кампанию за введение нравственного закона Бога в общественную жизнь с ясным свидетельством об Иисусе Христе. Возможно, это движение стало бы еще более осозанным, если бы называлось «Праздником Соли и Света».

При любых обстоятельствах мы не должны стыдиться нашего призвания быть солью и светом, или мы будем виновны в том, что пытаемся разделить то, что Иисус соединил.

Христианский характер, описанный в заповедях блаженства, и влияние христиан, определенное метафорами соли и света, органически связаны между собой. Влияние наше зависит от наших свойств. Но заповеди блаженства ставят необычайно высокий и точный стандарт. Поэтому в заключение этой главы оглянемся на оба параграфа и обратим внимание на призыв к праведности,

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
выраженный Иисусом.

Во-первых, на этом пути мы будем благословенны. Заповеди определяют тех, кого Бог называет «блаженными», кто угоден Ему и кто сам реализует свое призвание. Истинное блаженство можно найти в добродетели, и нигде больше.

Во-вторых, на этом пути мы лучше всего послужим миру. Иисус дает Своим последователям невероятные привилегии – быть солью и светом мира, при условии, что они будут жить по заповедям блаженства.

В-третьих, на этом пути Бог будет прославлен. В конце Своего служения Он выразит ту же истину в подобных словах: «Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода, и будете Моими учениками» (Ин. 15:8).

Таким образом, это является огромным стимулом к доброй жизни, подобной жизни Христа, а также к развитию христианской контркультуры. Этот путь дает благословение нам самим, спасение другим и, наконец, – славу Богу.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 5:17–20

Праведность христианина: Христос, христианин и закон

17 Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить,

18 Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все, 19 Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном, 20 Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное.

Так говорил Иисус о христианском характере и о влиянии христианина, которое он будет иметь в мире, если проявит этот характер и если плоды его характера будут выражаться в «добрых делах». Теперь Он, говоря об этом характере и его добрых делах, употребляет термин праведность. Он объясняет, что праведность, которую Он уже упоминал дважды и которую алчут и Жаждают Его ученики (ст. 6), во имя которой они страдают (ст. 10), соответствует нравственному закону Бога и, тем не менее, превосходит праведность книжников и фарисеев (ст. 20). «Добрые дела» – это дела послушания. Он начал Свою проповедь с заповедей блаженства, употребляя третье лицо («Блаженны нищие духом»); продолжил Он во втором лице («Вы соль земли»); теперь же Он переходит на авторитетное первое лицо и впервые использует Свою особую, не допускающую возражения формулу «истинно говорю вам» (ст. 18) или «говорю вам» (ст. 20).

Этот параграф очень важен не только тем, что в нем дается определение христианской праведности, но и тем, что здесь проясняются отношения между Ветхим и Новым Заветами, между Евангелием и законом. Параграф разделяется на две части: первая – Христос и закон (ст. 17,18) и вторая – христианин и закон (ст. 19, 20).

1. Христос и закон (ст. 17,18)

Христос начинает с предупреждения, чтобы исключить любую попытку даже подумать, будто Он «пришел нарушить закон и пророков», то есть весь Ветхий Завет или любую его часть (ср. 7:12). По тому, как Иисус формулирует это отрицательное утверждение, видно, что некоторые действительно могли думать нечто подобное, и поэтому Он возражает им. Хотя Его публичное служение началось значительно раньше, все же современники Христа были глубоко обеспокоены Его, как им казалось, негативным отношением к Ветхому Завету. Возможно, это проявилось уже в споре о субботе, ибо Марк в своем Евангелии помещает эти два события (срывание колосков в субботу и субботнее исцеление сухорукого) даже перед избранием двенадцати (Мк. 2:23–3:6). Конечно, с самого начала Его служения люди поражались власти Его. «Что это? – спрашивали они. – Что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему?» (Мк.1:27). Поэтому естественно, что многие хотели знать, как соотносится Его власть с авторитетом закона Моисея. Им было ясно, что книжники подчиняются закону, ибо они были «учителями закона». Они посвящали себя его истолкованию и утверждали, что не существует для них иного авторитета, кроме авторитетов

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org тех, кого они цитировали. С Иисусом же было не все так ясно. Иисус говорил, опираясь на свой собственный авторитет. Он любил употреблять фразу, которую до него не использовал ни один из древних пророков или современных законников. Он вводит некоторые из наиболее примечательных своих утверждений словами: «Истинно говорю вам», и говорит Он это во имя свое и со своей собственной властью. Что же это была за власть? Восставал ли он со властью против священного закона, Слова Божьего? Так казалось некоторым. Отсюда возник и их вопрос, высказанный или невысказанный, на который Иисус отвечает недвусмысленно: «Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков».

И сегодня люди спрашивают, хотя и по-другому, об отношениях между Иисусом и Моисеем, Новым и Ветхим Заветами. Иисус, когда видел проблему, высказывался прямо по существу, поэтому и мы должны поступать так же. Он пришел (обратите внимание, Он постоянно осознавал свою миссию в мире) не нарушить закон или пророков, отстраняя или упраздняя их, но и не просто утвердить их мертвым и литературным способом, но чтобы их исполнить.

Глагол *plerosai*, переведенный как «исполнить», означает буквально «наполнять» и указывает, по выражению Златоуста, на то, что «высказывания Его (то есть Христа) не отменяют прежнее, но разрабатывают и наполняют» [79].

Чтобы охватить взглядом все далеко идущие последствия этого, мы должны вспомнить, что «Закон и пророки», а именно, Ветхий Завет, содержат различного рода учения. И хотя отношение Иисуса Христа к ним неоднозначно, слово «исполнение» покрывает все.

Во-первых, Ветхий Завет содержит догматическое учение. Слово «тора», которое переводят как «закон», обозначает на самом деле «открытое обучение»; и действительно, Ветхий Завет дает нам сведения о Боге, о человеке, о спасении и так далее. Там содержатся все великие библейские учения. Однако это лишь частичное откровение. Иисус «исполнил» все в том смысле, что Ветхий Завет нашел завершение в Его лице, Его учении и работе (ср.: Евр. 1:1,2). Епископ Райл обобщает это так: «Ветхий Завет – это почка, в которой сокрыто Евангелие, Новый Завет – Благая весть в полном цвету. Ветхий Завет – это Евангелие в стебельке; Новый Завет – его полный колос» [80].

Во-вторых, Ветхий Завет содержит пророчества на будущее. Многие из них содержат предсказания о дне, когда придет Мессия, выраженные словом или символом. Однако это было лишь ожидание. Иисус «исполнил» все это в том смысле, что предсказанное совершилось с Его приходом. Первое утверждение Его публичного служения было: «Исполнилось время...» (Мк. 1:15). Его слова «Я пришел» содержат в себе ту же истину. Снова и снова утверждал Он, что Писания свидетельствуют о Нем. Матфей делает особое ударение на этом, повторяя фразу: «Все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка...» (1:22) [81].

Кульминацией была Его смерть на кресте, в которой нашла свое полное завершение вся обрядовая система Ветхого Завета – священство и жертвоприношение. После чего обряды прекратились. И, как верно комментирует Кальвин, «отменено было лишь их исполнение, ибо значение их было более полно подтверждено» [82].

Они были не более чем «тень» грядущего; «сущность» (или, как сказано в Послании к Колоссянам, «тело») принадлежала Христу (Кол. 2:17).

В-третьих, Ветхий Завет содержит этические предписания – нравственный закон Бога. Однако часто они неверно понимались, а еще чаще не исполнялись. Иисус «исполнил» их, прежде всего подчинившись им, ибо Он был «рожден под законом» и был предназначен к тому, чтобы, как Он сказал Иоанну Крестителю, «исполнить всякую правду» (Гал. 4:4; Мф. 3:15). «Он фактически ничего не добавил к Божьим заповедям, – писал Бонхёффер, – кроме того, что Он их выполнил» [83].

Он делает гораздо больше; Он не только подчиняется им Сам, но и разъясняет, что будет означать подобное послушание для Его учеников. Он отрицает поверхностное толкование закона, данное книжниками; Он Сам дает верную интерпретацию. Его цель состоит не в том, чтобы изменить закон, еще менее – аннулировать его, а в том, чтобы «раскрыть полностью глубину его

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org значения»[84]. Поэтому Он «исполняет его, объявляя основные требования Божьей правды»[85]. Именно это, как мы увидим, Он подчеркивает в оставшейся части 5 главы Евангелия от Матфея, приводя примеры.

В каждом поколении христианской эры находились люди, которые не могли принять такое отношение Христа к закону. Знаменитый еретик второго века Маркион, который переписал Новый Завет, опустив при этом ссылки на Ветхий, естественно, убрал и этот отрывок[86].

Некоторые из его последователей пошли дальше. Они даже дерзнули исказить его значение, изменив слова так, что предложение теперь звучало: «Я пришел не исполнить закон и пророков, но отменить их!» Сегодня, похоже, их сторонниками являются принявшие так называемую «новую нравственность», ибо они заявляют, что само понятие закона для христианина упряднено (хотя Христос и говорил, что Он пришел не отменить его), что никакой иной закон отныне не связывает христиан, кроме закона любви, и что фактически это единственная истинная заповедь. Позже я скажу об этом больше. Сейчас достаточно подчеркнуть, что, судя по этому стиху (ст. 17), отношение Иисуса к Ветхому Завету было не разрушительным или непослужительным, но именно конструктивным, органически связанным. Он выразил Свою позицию в одном-единственном слове: «исполнение».

Апостол Павел совершенно ясно говорил о той же истине (см.: Деян. 26:22,23). Его утверждение, что «конец закона – Христос» (Рим. 10:4), не означает, что мы отныне освобождаемся от подчинения закону, здесь имеется в виду прямо противоположное (Рим. 8:4).

Это означает, вернее всего, что Бог нас принимает не благодаря послушанию, а через веру в Христа, и что сам закон свидетельствует об этой Благой весте (Рим. 3:21).

Заявив, что цель Его прихода – исполнение закона, Иисус далее приводит причины и следствия этого. Причиной является неизменность закона вплоть до его исполнения (ст. 18), следствием – подчинение закону, которое должны проявить граждане Царства Божьего (ст. 19,20).

Вот что сказал Иисус о законе, который Он пришел исполнить: «Истинно говорю вам, доколе не преидет небо и земля, ни одна йота (греческое *yod*, наименьшая буква еврейского алфавита, размером почти что с запятой) или ни одна черта (*keraiá* – «рог», что относится, вероятно, к какому-либо крючочку или черточке, разделяющим некоторые еврейские буквы) не преидет из закона, пока не исполнится все». Это Его замечание относится скорее только к «закону», нежели к «закону и пророкам», как в предыдущем стихе, но у нас нет причин предполагать, что пророков Он выпустил сознательно; «закон» – собирательный термин для обозначения всего божественного откровения Ветхого Завета. Ничто из него не преидет и не будет отменено, как говорит Иисус, ни одна буква или черта, покуда не исполнено будет все. И это исполнение не будет совершенным, пока не преидут небо и земля. Ибо они окончатся однажды в мощном возрождении вселенной (Мф. 24:35; ср.: 19:28). Затем время, нам известное, прекратится, и более не будет нужды в написанном слове Божьего закона, ибо все в нем будет исполнено. Таким образом, закон остается, пока существует вселенная. Окончательное исполнение и новое рождение совпадут. Оба «прейдут» совместно (*parelthe* повторяется). Вряд ли Иисус мог более ясно выразить Свое собственное суждение о ветхозаветных Писаниях (ср.: Лк. 16:16,17).

2. Христианин и закон (ст. 19,20)

Со слова «итак» Иисус начинает перечислять последствия, которые ждут Его учеников, если они не осознают непреходящую значимость закона и Его собственное отношение к нему. Это слово указывает на связь закона Бога с Его Царством. Так как Он пришел не отменить, но исполнить, и так как ни одна йота или черта из закона не преидут, доколе не исполнится все, следовательно («итак»), величие в Божьем Царстве будет измеряться послушанием закону. Недостаточно лишь самому подчиняться; ученики Христа должны также учить других, раскрывая неизменность и обязательность заповедей закона. Конечно, не все заповеди имеют одинаковый «вес» (ср. 23:23). Однако даже «малейшая» из этих заповедей важна, именно потому, что это заповедь Бога-Царя. Ослабить ее значение, то есть освободить наше сознание от ее содержания и жизнь нашу от ее авторитета, – значит оскорбить Бога, законом Которого она является. Посчитать какую-либо заповедь в законе

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org «наименьшей» (как в смысле послушания, так и поучения) – значит стать «наименьшим» в Царстве; великими в Царстве нарекутся те, кто верно исполняет весь нравственный закон и учит этому других. «Знать» в Царстве Христа, – пишет Сперджен, – занимает места с учетом своего послушания»[87].

Иисус же продолжает. Не только величие в Царстве достигается послушанием закону, но и войти в Царство невозможно без подчинения, лучшего (намного лучшего: греческое выражение чрезвычайно усилено), чем у книжников и фарисеев, ибо Царство Божье – Царство правды. Конечно, некоторые возразят, а разве книжники и фарисеи не были известны своей праведностью? Не было ли послушание Божьему закону главной страстью их жизни? Не насчитали ли они в законе 248 заповедей и 365 запретов, и не старались ли они их все соблюдать? Как же тогда может праведность христианская превзойти фарисейскую и как эта высшая христианская праведность может стать условием, при котором можно войти в Божье Царство? Не о спасении ли добрыми делами говорится здесь, и, следовательно, не противоречит ли это первой заповеди блаженства, утверждающей, что Царство принадлежит «нищим духом», ничего не имеющим, даже праведности?

Утверждение Господа нашего, конечно, ошеломило первых Его слушателей, как ошеломяет и нас сегодня. Но за ответом на этот вопрос не надо далеко ходить. Христианская праведность намного превосходит праведность фарисеев скорее качеством, нежели степенью. Невелика заслуга, скажем, если христианин удастся соблюдать все 240 заповедей, в то время как лучшим из фарисеев – лишь каких-нибудь 230. Нет. Христианская праведность превосходит фарисейскую своей глубиной, ибо это праведность сердца. Со времен Фрейда много рассуждают о «глубинной психологии»; заботой Иисуса была «глубинная нравственность». Фарисеям было довольно внешнего и формального послушания, жесткого следования букве закона; Иисус учит тому, что Бог требует от нас более глубокого отношения. Правда, о которой Он говорит, – это внутренняя праведность мыслей и желаний. Ибо «Господь смотрит на сердце» (1 Цар. 16:7; ср.: Лк. 16:15).

Именно эту праведность сердца как одно из благословений эры Мессии предвидели пророки. «Я вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его», – обещает Бог через Иеремию (31:33). Как же Он это сделает? Он сказал Иезекиилю: «Вложу внутрь вас дух Мой и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих» (36:27). Таким образом, совпадают оба обетования Бога – вложить закон Свой внутрь нас и Дух Свой в нас. Мы не должны воображать (как некоторые сегодня), что, имея Духа, можно оставить закон, ибо действие Духа в нас и заключается в начертании там Божьего закона. Итак, «Дух», «закон», «праведность» и «сердце» – все суть одно. Фарисеи думали, что для праведности будет достаточно внешнего согласия с законом. «Учитель Праведности», фигурирующий в свитках Мертвого моря, был более строг, ибо Он «определял требования Закона более широко и обязал всю секту (то есть Кумранских ессеев) к полному исполнению всех их». Иисус же был еще радикальнее, ибо если ессеи требовали «все большего послушания», то Он настаивал на «все более глубоком послушании»[88]. Именно это глубокое послушание является праведностью сердца, оно возможно лишь для тех, кого Дух Святой возродил и в ком ныне обитает. Вот почему вход в Царство Божье невозможен без праведности более великой (то есть глубокой), нежели праведность фарисеев. Потому что подобная праведность свидетельствует о новом рождении, никто же не достигает Царства, не будучи возрожденным (Ин. 3:3,5).

В остальной части пятой главы Матфея даются примеры этой большей или, скорее, более глубокой, праведности. Эта часть состоит из шести параллельных параграфов, которые иллюстрируют принцип, только что выдвинутый Иисусом в стихах 17–20, а именно: о постоянстве нравственного закона, о том, что Иисус пришел для исполнения его и об обязанности Его учеников подчиняться закону более полно, нежели то делали книжники и фарисеи. Каждый параграф содержит противопоставление, или «антитезу», которая вводится одной и той же формулой (немного варьируемой): «Вы слышали, что сказано древним... А Я говорю вам...» (ст. 21,22).

Что же это за антитезы? Совершенно ясно, кто имеется ввиду под авторитетным его – Я. Но кому противопоставляет Себя Иисус? Важно обсудить этот вопрос, прежде чем в следующих трех главах мы поподробнее рассмотрим сами антитезы. Многие комментаторы утверждали, что в этих параграфах Иисус противопоставляет себя Моисею; что Он здесь сознательно вводит новую нравственность, противоречащую старой и отрицающую ее; и что Его вводная

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org формула может быть перефразирована: «Вы знаете, чему учил Ветхий Завет... Я же учу совсем другому». Как бы ни была распространена эта интерпретация, я не колеблясь утверждаю, что она ошибочна. Она более чем ошибочна; она неубедительна. Иисус противоречит не самому закону, но определенным его извращениям, виновниками которых являлись книжники и фарисеи. Иисус далек от противоречия закону, Он его утверждает, настаивая на его авторитете, и дает верное истолкование. Для доказательства этого достаточно четырех аргументов.

Во-первых, это содержание самих антитез. На первый взгляд кажется, что все цитируемое Иисусом взято из закона Моисея. Все шесть примеров или точно передают его-, или включают некие намеки на него, а именно «не убивай» (ст. 21), «не прелюбодействуй» (ст. 27), «если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную» (ст. 31). И мы не замечаем, что тут кое-что не так, пока не подходим к шестой и последней антитезе. Ибо она гласит: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего» (ст. 43). Итак, первая половина этого предложения является ясной заповедью закона (Лев. 19:18), хотя и это – укороченная заповедь, в ней упущены жизненно важные слова, устанавливающие стандарт нашей любви к ближнему, а именно: «как самого себя». Однако вторая половина предложения вовсе не содержится в законе. Ее нет ни в книге Левит, 19:18, ни где бы то ни было еще. Итак, здесь содержалось современное добавление к закону, целью которого было истолкование последнего, но которое, в сущности, его исказило. Если мы более пристально рассмотрим пять других антитез (что мы и сделаем в следующих главах), то с совершенной ясностью увидим подобные же искажения. Именно эти искажения закона отвергал Иисус, а не сам закон. Обратите внимание, ведь в первых двух антитезах не говорится так: «сказано не убивай и не прелюбодействуй, но Я говорю, что вы можете это делать». Наоборот, «а Я говорю вам, даже не гневайтесь и не вожделейте».

Во-вторых, есть вводная формула, начинающаяся со слов «вы слышали, что сказано древним» (ст. 21,33), или «вы слышали, что сказано» (ст. 27,38,43), или еще короче: «сказано также» (ст. 31). Общие слова в этой формуле – «сказано», что выражается единственным греческим глаголом *erethe*. Цитируя Писание, Иисус не использовал этого слова. Когда Он вводил библейскую цитату, и глагол, и время были иными, а именно *gegraptai* (перфект, «написано»), но не *erethe* (аорист, «сказано»). Поэтому в шести антитезах Иисус противоречил не Писанию, а преданию, не Слову Божьему, которое они «читали» (см.: 12:3,5; 19:4; 21:16,42; 22:31), а устному наставлению, которое давалось «древним» и которое они также «слышали», ибо книжники продолжали давать это наставление в синагогах.

Профессор Дэвид Доб это подтверждает, опираясь на свои обширные знания раввинистической традиции. «Глагол «слышать» связан, – говорит он, – с поверхностным, буквальным значением Писания». Так, в двух частях вводной формулы, «первая дает более узкую интерпретацию закона Писания, вторая – более широкое требование Иисуса». А также «эти заявления: «вы слышали – но Я говорю вам» – призваны доказать, что Иисус поддерживает закон, а не упраздняет... это открытие более полного значения для новой эпохи. Вторая часть скорее раскрывает, нежели отрицает первую»[89].

Подводя итоги, можно сказать, что термин «антитеза» верно описывает учение Иисуса, тогда как для самого закона более точным словом будет «экзегеза» (толкование). Его спор был не о законе, так как и Он Сам, и иудейские предводители принимали его божественный авторитет, но о его верном толковании.

В-третьих, существует непосредственный контекст. Мы уже видели, что в стихах, предвещающих и вводящих антитезы (ст. 17–20), Иисус совершенно недвусмысленно показывает свое отношение к закону и то, как должны относиться к нему Его ученики. В Его случае это было «исполнение», а в их случае – послушание. Ни одна черта или йота не пройдет, все должно быть исполнено. Ни одной малейшей заповедью нельзя пренебрегать; все должно исполняться. Можем ли мы всерьез утверждать, что Иисус противоречил Сам Себе? «Комментаторы исчерпали всю свою изобретательность, – пишет У. К. Аллен, – в попытках однозначно объяснить этот отрывок»[90].

Он же продолжает изощряться далее, предполагая, что стихи 18 и 19 не принадлежали проповеди изначально, но были помещены сюда редактором. По его мнению, «описанное здесь отношение к закону несовместимо с общим духом проповеди». Но это суждение совершенно субъективно, более того – оно не

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org разрешает дилеммы. Единственное, что ему удается сделать, это удалить предполагаемое искажение из учения Иисуса и приписать его либо первому евангелисту, либо некоей раннехристианской общине. Лучше же принять утверждения стихов 17–20 как подлинные и показать, что они согласуются не только с проповедью в целом, но и с остальным записанным учением Иисуса. Это приводит нас к последнему аргументу.

В–четвертых, известно отношение Христа к Ветхому Завету. В предыдущей главе Матфей описал Его искушения в течение сорока мрачных дней в пустыне Иудейской. Каждое тонкое искушение дьявола сопровождалось соответствующей цитатой из Писания Ветхого Завета. Иисусу не нужно было дискутировать или спорить с дьяволом. Каждое положение просто подкреплялось тем, что было написано (*degraptai*). И это уважительное подчинение воплощенного Слова слову написанному продолжалось всю Его жизнь, и не только в Его поведении, но и в Его миссии. Он должен был исполнить Ему предписанное, и Он не мог сойти со стези, проложенной для Него Писанием. Поэтому Его заявление в Мф. 5:17 о том, что Он пришел не отменить, но исполнить закон и пророков, полностью согласуется с Его отношением к Писанию.

Из этих четырех факторов с очевидностью следует, что в антитезах противопоставляются друг другу не Христос и Моисей, не Новый и Ветхий Заветы, не Евангелие и закон, но истинное использование закона, данное Христом, противопоставляется ложным интерпретациям книжников, а, следовательно, христианская праведность – праведности фарисеев, как указывается в стихе 19.

Что же, в таком случае, делали книжники и фарисеи? Что же это были за «окольные методы», как назвал их Кальвин, которыми они испортили закон? Они пытались, в общем, преуменьшить вызов закона, «ослабить» (ст. 19) Божьи заповеди, а также сделать его нравственные требования более управляемыми и менее однозначными. Они считали Тору игом и бременем (они так ее и называли) и хотели это иго облегчить и бремя сделать менее тяжелым. Как они этого добивались, зависело от формы выражения каждого конкретного закона, в особенности же от того, было ли это заповедью (предписанием или же запретом) или разрешением. Четыре из шести антитез подпадают под категорию «заповеди», первые три из них отрицательные (запрещающие убийство, прелюбодеяние и лжесвидетельство), а последняя, шестая, положительная (предписывающая любить ближнего). Эти четыре – определенно Божьи заповеди, призывающие нечто делать или не делать. Остальные две антитезы, четвертая и пятая, лучше назвать «разрешениями». Они не принадлежат к той же категории нравственных требований, как остальные четыре. В обеих отсутствуют предписывающие слова «делай» или «не делай»[91]. Четвертая антитеза говорит о разводе, который не предписывался, но в определенных условиях и при определенных обстоятельствах допускался. Пятая касается расплаты («око за око»), она применялась в судах и сводилась к определению точного соответствия между проступком и наказанием, которое могло быть наложено израильскими судьями. Поэтому оба эти разрешения были определенным образом ограниченными.

Чтобы сделать более легким путь послушания, книжники и фарисеи ограничивали заповеди и расширяли границы разрешений. Они делали требования закона менее требовательными, а разрешения закона – еще более разрешающими. Иисус же сделал обратными обе эти тенденции. Он настаивал на том, что полное исполнение заповедей Божьих должно приниматься без установления каких бы то ни было искусственных границ, в то время как пределы, наложенные Богом на Свои разрешения, должны быть приняты в том виде, как они установлены Богом, и не должны увеличиваться по собственному усмотрению. В заключение будет полезным увидеть применение этих принципов к антитезам, до того как рассматривать их подробно.

Очевидно, что книжники и фарисеи ограничивали библейские запреты на убийство и прелюбодеяние, сводя их лишь до непосредственного действия; Иисус их расширил, включив сюда и гневные мысли, и оскорбительные слова, и похотливые взгляды. Они ограничили заповедь о клятве лишь определенными клятвами (где упоминалось имя Божье), а заповедь о любви к ближнему – лишь определенными людьми (которые относились к тому же народу и религии); Иисус сказал, что все обещания нужно держать и всех людей любить, без ограничения.

Но книжники и фарисеи не только стремились ограничить заповеди, чтобы облегчить себе их исполнение, они, более того, расширяли границы

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org разрешил. Иисус же подтвердил изначальные ограничения. На иных основаниях назвал Он развод «прелюбодеянием» и настаивал на отказе от любой мести в личных взаимоотношениях.

Это предварительное рассмотрение антитез показало нам, что Иисус не противоречит закону Моисея. Наоборот, в действительности это делали фарисеи. Иисус же объяснял истинное значение нравственного закона. Он расширял заповеди, которые они ограничивали, и ограничивал разрешения, которые они расширяли. Закон Моисеев для Него был законом Божиим. В Нагорной проповеди, как это верно выразил Кальвин, мы видим Иисуса не «новым законодателем, но верным толкователем уже данного закона»[92]. Фарисеи «затемнили» закон; Иисус «восстановил его во всей полноте»[93].

И в этом христианские ученики должны следовать Христу, а не фарисеям. Мы можем, конечно, попытаться преуменьшить стандарты закона и облегчить себе подчинение ему. Но это фарисейский, не христианский, подход. Христианская праведность должна превзойти праведность фарисеев.

Однако защитники «новой нравственности» или «этики ситуаций» пытаются, в принципе, делать то же, что делали фарисеи. Конечно, они утверждают, что принимают сторону Христа против фарисеев, но они напоминают последних своей нелюбовью к закону. Они считают закон жестким и авторитарным и (совсем как фарисеи) пытаются «уменьшить» его авторитет, ослабить его власть. Так, они заявляют, что отменена сама категория закона (о котором Иисус сказал, что Он пришел его не нарушить), и они противопоставляют друг другу закон и любовь (то, что Иисус никогда не делал). Да, Иисус не был согласен с фарисейской интерпретацией закона; но Он никогда не был против его авторитета. Скорее наоборот. Настрожайшим образом Он утверждал власть его, как написанного Слова Божьего, и призывал учеников Своих принять его истинное и глубинное толкование.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 5:21–30

Христианская праведность: умение избегать гнева и вожделения

Первые две иллюстрации, данные Иисусом (когда Он показывал, что углубляет, а не упраздняет требования закона), относятся к шестой и седьмой заповедям, запрещающим убийство и прелюбодеяние.

1. Избегать гнева (ст. 21–26)

21 Вы слышали, что сказано древним: «не убивай; кто же убьет, подлежит суду». 22А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной. 23 Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, 24 оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. 25 Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; 26 истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта.

Заповедь «не убий» может быть лучше выражена словами: «не совершай убийства» (НАБ), ибо это не запрещение забирать всякую человеческую жизнь при любых, каких бы то ни было условиях, но запрет в особенности против убийц или преднамеренного убийства. Это ясно из того, что этот же закон, запрещающий убивать, в Декалоге, в иных случаях, разрешает смертную казнь в качестве главного наказания и убийство во время войн, которые велись с целью уничтожения развратившихся языческих племен, населявших Землю обетованную. Война и смертная казнь – большие вопросы, всегда волновавшие совесть чутких христиан. И всегда были христиане, находившиеся по обе стороны баррикад. Но все христиане должны помнить, что концепция «справедливой войны» может быть убедительна, а применение смертной казни может быть оправдано не потому, что жизнь человеческая дешево ценится и ею можно легко распорядиться. Совершенно наоборот, она драгоценна как жизнь созданий, сотворенных по образу Бога. Борющиеся за отмену смертной казни на том основании, что жизнь человека (то есть убийцы) не может быть отнята, обычно забывают о ценности жизни жертвы этого убийцы: «кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека; ибо человек создан по образу Божию» (Быт. 9:6). Те же, кто борются за безусловный пацифизм,

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org обычно забывают, что, хотя пытки и убийства мирных жителей совершенно неоправданны, Бог дал обществу (государству или, в более широком смысле, некоему международному сообществу) право и ответственность наказывать за злодеяния (Рим. 13:1). Я упоминаю теперь обо всем этом не потому, что сложные вопросы, касающиеся войны и смертной казни, могут быть здесь рассмотрены, но утверждая, что они не могут быть разрешены лишь простым упоминанием заповеди «Не убий».

Ясно, что книжники и фарисеи пытались ограничить применение шестой заповеди, сводя его лишь к самому убийству, к акту пролития человеческой крови. Если они от этого воздерживались, то считали, что выполнили заповедь. Очевидно, что так и наставляли учителя народ. Но Иисус не был с ними согласен. Настоящее применение запрета много шире, как он считал. Оно включало в себя мысли и слова вместе с действиями, как гнев и оскорбление, так и убийство.

Гнев упоминается в начале 22 стиха; «Всякий, гневающийся на брата своего». Добавление «напрасно» (AB) встречается во многих греческих рукописях, но не в лучших. Это, возможно, позднейшая вставка, поэтому она опускается в современных исправлениях и переводах. Тем не менее имеются все основания полагать, что она верно передает то, что мог иметь в виду Иисус. Не каждый гнев – зло (например, гнев Божий, всегда святой и чистый). И даже падшие человеческие существа могут иногда испытывать праведный гнев, хотя, будучи падшими, мы должны знать, что такой гнев никогда не должен быть чрезмерным (см.: Иак. 1:19 и Еф. 4:26,27). Наверняка Лютер знал значение праведного гнева по собственному опыту. Он называл его «гневом[^]любви, никому не желающим зла, дружелюбным по отношению к человеку, но враждебным к греху»[94]. Замечание Иисуса поэтому относится к неправому гневу, гневу гордыни, суеты, ненависти, злобы и мести.

Оскорбления упоминаются в конце 22 стиха. Иисус советует не называть брата своего «Раса» (возможно, это слово означает по-арамейски «пустой») или «тоге» (греческое слово для обозначения безумца). Похоже, оскорбление «Раса» относится к умственным способностям человека – «пустоголовый» человек, и комментаторы соревнуются один с другим, предлагая такие английские параллели, как «nitwit»[95], «blockhead»[96], «numskull» или «bonehead»! [97] [98]

Слово «moron» также обозначает глупца, но едва ли можно его тут использовать в обычном значении, так как Сам Иисус называл фарисеев и их учеников «безумцами» (Мф. 23:17; Лк. 24:25), а Апостолы упрекали иногда своих читателей за их безрассудство (1 Кор. 15:36; Гал. 3:1; Иак. 2:20). Итак, нам нужно помнить, что слово приобрело как религиозное, так и моральное звучание, так как в Ветхом Завете оно применялось к тем, кто отрицал существование Бога и в результате впал в гнусные беззакония (Пс. 13:1-4; Пс. 52:1-4). Как альтернатива, по предположению некоторых ученых, слово «тоге» может быть транслитерацией еврейского слова, обозначающего «мятежника», «отступника» или «отверженного» (ср.: Пс. 77:8; Иер. 5:23). В этом случае, по высказыванию Таскера, «человек, говорящий брату своему, что тот достоин ада, сам находится в подобной опасности»[99].

Насчет точного значения этих двух оскорблений остается некоторая неясность. Это очевидно насмешливые, оскорбительные эпитеты, в издании же НАБ они заменены более общими: «Если он оскорбляет брата своего... если он насмехается над ним». В то же время А. Б. Брюс, вероятно, подчеркивает большую разницу между словами, когда пишет: «Раса выражает пренебрежительное отношение к умственным способностям человека – ты, тупица!; тоге выражает отношение к человеческим качествам – ты, негодяй (подлец)!»[100].

Но гневные мысли и оскорбительные слова могут и не повлечь за собой убийства. Однако в очах Божьих они равняются убийству. Как позже писал Иоанн: «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца» (1 Ин. 3:15). Гнев и оскорбление – мерзкие симптомы, за которыми скрывается желание освободиться от того, кто стоит на нашем пути. Обо всем этом свидетельствуют наши мысли, взгляды и слова. Иногда мы осмеливаемся говорить: «Хорошо бы было, чтобы он умер». Такое злое пожелание является нарушением шестой заповеди. И оно делает человека виновным, заслуживающим того же наказания, что и убийца, конечно, не буквально в человеческом судилище (ибо ни один суд не может обвинить человека за гнев), но пред лицом Божьим.

Мы можем долго выяснять точное значение различных суждений, но ясно по крайней мере одно, что Иисус торжественно предупреждал о божественном осуждении. Раввины, возможно, учили не только тому, что единственным нарушением шестой заповеди является убийство, но и тому, что единственным наказанием за убийство является суд человеческий: «кто же убьет, подлежит суду» (ст. 21). Иисус же добавил, что «всякий, гневающийся» напрасно, также «подлежит суду». Хотя для обозначения «суда» используется одно и то же греческое слово в стихах 22 и 21, теперь это должно относиться к суду Божьему, ибо ни один из человеческих судов не уполномочен разбирать дела, связанные с внутренним гневом. Подобным же образом, продолжает Иисус, оскорбление приведет нас не только «на синедрион», но и «в геенну огненную» (ст. 23). В обоих случаях Иисус расширял природу как преступления, так и наказания. Не только гнев и оскорбление равняются убийству, говорил он, но и наказание, которому мы за это подлежим, – не что иное, как божественное осуждение на ад.

«Итак, если...», – продолжал Иисус (ст. 23) и давал далее практическое применение принципов, которые только что провозгласил. Он говорил, что если гнев и оскорбление столь серьезны и опасны, мы должны избегать их как заразы и действовать быстро, насколько это возможно. Он привел две иллюстрации, первая – принесение жертвы Богу в храме (ст. 23,24), а вторая – пожелание не доводить дело до суда (ст. 25,26). Иисус взял примеры с учетом культурных понятий Своей эпохи, в которой храм еще стоял и жертвы все еще приносились. Возможно, будет допустимым придать Его примерам несколько более современный вид.

«Если ты находишься в церкви, во время богослужения, и внезапно вспоминаешь, что брат твой держит на тебя обиду, немедленно покинь церковь и исправь положение. Не ожидай окончания службы. Найди брата своего и проси у него прощения. Сначала иди, затем возвращайся. Иди прежде и примиришься с братом твоим, затем приходи и поклоняйся Богу».

Также, «если имеешь непогашенный долг, и кредитор твой ведет тебя в суд, чтобы получить назад свои деньги, быстро приди с ним к соглашению. Уладь дело помимо суда. Даже если ты уже следуешь в суд, заплати свой долг. В противном случае, в самом суде будет уже поздно. Твой обвинитель обвинит тебя перед судьей, судья же передаст тебя полиции, и ты окажешься за решеткой. Ты не выйдешь оттуда, пока не заплатишь до последней копейки. Итак, гораздо лучше будет расплатиться еще до тюрьмы».

Картины проясняются: одна иллюстрация взята из жизни церкви, другая из судебной практики. Одна касается «брата» (ст. 23), вторая же – врага (ст. 25). Но в обоих случаях исходная ситуация одинакова (кто-то обижен), похож и основной урок (необходимость немедленно, срочно действовать). Во время самого богослужения, если мы вспоминаем об обиде, мы должны прервать нашу молитву, пойти и исправить ситуацию. И еще находясь на пути в суд, мы должны заплатить свой долг.

Как же редко, однако, мы достаиваем вниманием призыв Христа к немедленному действию! Если убийство – ужасное преступление, злобный гнев и оскорбление также ужасны. И таковы каждое действие, слово, взгляд или мысль, которыми мы раним или обижаем ближнего. Мы должны быть более внимательными и не позволять возникать отчуждению, и главное – не давать ему расти. Нельзя нам откладывать и его исправление. Тотчас же, как только мы осознаем, что взаимоотношения нарушены, мы должны взять на себя инициативу по восстановлению их: просить прощения за причиненную обиду, заплатить неоплаченный долг, попытаться исправить положение. И эти невероятно простые указания Иисус вывел из шестой заповеди как логическое заключение! Если мы хотим избежать всего, что будет выглядеть убийством в очах Божьих, мы должны предпринимать все возможные позитивные шаги, чтобы жить со всеми в мире и любви.

2. Избегать вождения (ст. 27–30)

Итак, Иисус переходит от шестой заповеди к седьмой, от запрещения убийства к запрещению прелюбодеяния.

27 Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй». 28А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
в сердце своем. 29 Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. 30 И если правая рука твоя соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

И снова раввины пытались ограничить заповедь «не прелюбодействуй». С их точки зрения и они, и ученики их соблюдали седьмую заповедь, если они избегали самого акта прелюбодеяния. Они давали поэтому удобное узкое определение сексуальному греху и удобное широкое определение половой чистоте.

Иисус же учил иначе. Он расширил значения божественного запрета. Кроме того, Он подтвердил, что истинное значение заповеди Божьей намного шире, нежели простой запрет сексуально-безнравственных действий. Так же, как запрещение убийства включало в себя гневную мысль и оскорбительное слово, так и запрет на прелюбодеяние включал в себя вожделеющий взгляд и воображение. Мы можем убить своими словами; мы можем блудить в наших сердцах или умах. То есть (ст. 28), «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем».

Давайте остановимся на двух моментах, прежде чем двигаться дальше. Тут нет ни малейшего сомнения в том, что естественные половые отношения в браке являются не чем иным, как Богом данными и прекрасными. Мы можем быть благодарны Богу за то, что Песнь Песней Соломона входит в канон Священного Писания, ибо в ней – не старомодное жеманство, но несказанный восторг влюбленных друг в друга жениха и невесты. Нет, учение Иисуса подразумевает здесь запрещение внебрачных половых связей, практикуемых женатыми или неженатыми. Он не запрещает нам смотреть на женщину, но запрещает смотреть с вожделением. Все мы знаем разницу между обычным взглядом и похотливым.

Это подводит нас ко второму моменту, а именно: Иисус имеет в виду все формы безнравственности. Спорить о том, что сказанное относится – де только к мужчине или же только к человеку женатому, а не холостому, ибо здесь говорится о «прелюбодеянии», а не о «блуде» – значит быть виновным в той самой казуистике, которую Иисус осуждал в фарисеях. Он подчеркивает, что аморальна любая безнравственная сексуальная практика, даже выраженная взглядом или в мыслях.

Особенно важно иметь в виду, что Он ставит знак равенства между вожделенным взглядом и прелюбодеянием, совершенным в сердце. Именно отношение между глазами и сердцем побуждает Иисуса в следующих двух стихах дать очень практические указания о сохранении целомудрия. Потому что, если прелюбодеяние сердца является результатом прелюбодеяния глаз (так как «глаза» сердца стимулируются глазами плотскими), то единственный выход – решить проблему в самом начале, то есть начинать надо со своих глаз. Праведный Иов утверждал, что научился этому. «Завет положил я с глазами моими, – сказал он, – чтобы не помышлять мне о девице». Затем он заговорил о своем сердце: «Если... сердце мое следовало за глазами моими... если сердце мое прельщалось женщиною...» Случись такое, то он признал бы, что согрешил и что ему необходим суд Божий (Иов. 31:1,7,9) [101]. Но Иов не совершал ничего подобного. Он бодрствовал над сердцем своим благодаря контролю над глазами.

Это учение Иисуса, подтверждаемое опытом Иова, истинно также и сегодня. Позорные дела предваряются позорными фантазиями, которые воспламеняются распущенным воображением глаз. Наше зрительное воображение (одна из многих способностей, отличающих людей от животных) является драгоценным Божьим даром. Ничто из мирового искусства и мало что из благороднейших достижений человека было бы возможно без него. Воображение качественно обогащает жизнь. Но к дарам Бога нужно подходить ответственно; они могут легко потерять свое истинное значение и извратиться. Безусловно, это верно и в отношении нашего воображения. Я сомневаюсь, что можно пасть жертвой безнравственности, если прежде не отворятся страстям врата глаз. Подобным же образом мужчины и женщины смогут научиться самоконтролю в сексуальных действиях, если прежде они научатся контролировать свои плотские взгляды и фантазии. Это может быть подходящим моментом, чтобы попутно упомянуть о том, как одеваются девушки. Было бы глупым, конечно, диктовать условия, когда речь идет о моде, но мудро (я думаю) попросить девушек различать следующее: одно дело – стремиться быть привлекательной, другое – становиться исключительно соблазнительной. Вы, девушки, знаете разницу; знаем это и мы, мужчины.

Эти рассуждения подводят нас к стихам 29 и 30: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя... И если правая рука твоя соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя...» Это, очевидно, любимое высказывание Иисуса, так как Он цитирует его не единожды. Оно появляется позже в этом же Евангелии (Мф. 18:8,9), где к глазу и руке добавляется нога, что относится вообще к «греховным искушениям», а не только к искушению сексуальному. Итак, принцип применяется более широко. И тем не менее, в Нагорной проповеди Иисус применил его в этом узком смысле. Что же Он имел при этом в виду?

На поверхности – немного жуткое повеление вырвать согрешивший глаз, отсесть согрешившую руку или ногу. Некоторые христиане, рвение которых намного превосходило мудрость, приняли слова Иисуса *ai pied de la lettre*[102] и изувечили себя. Вероятно, наиболее известным примером может служить ученый I века Ориген Александрийский. Он дошел до крайностей аскетизма, отвергая собственность, пищу и даже сон, чрезмерно буквально интерпретируя этот отрывок из Мф. 19:12, он сделал себя настоящим евнухом. Вскоре после того, в 325 году, Никейский собор запретил эту варварскую практику.

Но Христос ратовал не за буквальное физическое увечье, но за неустанное нравственное самоотвержение. Он учил пути святости, который включает в себя не просто отказ от угождения плоти, но умерщвления ее, а «умерщвление», или «взятие на себя креста», чтобы следовать за Христом, означает такой решительный отказ от греховных поступков, что мы умираем для них или их умерщвляем (см.: Мк. 8:34; Рим. 8:13; Гал. 5:24; Кол. 3:5).

Что это означает на практике? Позвольте мне продолжить и таким образом интерпретировать учение Иисуса: «Если глаз твой заставляет тебя грешить, так как искушение приходит к тебе через глаза (видимые тобою объекты), вырви же тогда глаза свои. То есть – не смотри! Веди себя так, будто ты действительно вырвал свои глаза и отбросил их, и стал слепым, и не можешь видеть объекты, толкавшие тебя ранее на грех. Также, если рука твоя и нога побуждают тебя ко греху, так как искушение приходит к тебе через руки (то, что ты делаешь) или через ноги (то, куда ты ходишь), отруби же их. То есть: не делай этого! Не ходи! Веди себя так, как если бы ты действительно отрубил себе руки и ноги и отшвырнул их и, став калекой, не смог бы посещать прежние места или совершать то, что раньше побуждало тебя ко греху». Вот что значит «умертвить» плоть.

Опрашивается, было ли когда-либо поколение, более нуждавшееся в этом учении Иисуса, в очевидном Применении его, чем наше собственное, когда поток грязи (порнографической литературы и фильмов) вышел из берегов. Порнография вредна христианам (да и всем здравомыслящим людям) прежде всего потому, что она низводит женщину как человеческое существо на уровень сексуального объекта, но также и потому, что снабжает глаз владельца неестественной сексуальной стимуляцией. Если у нас проблема с сексуальным самообладанием и если тем не менее наши ноги несут нас на эти фильмы, руки наши держат эту литературу, а глаза смакуют предлагаемые нам картинки, мы не только грешим, но в действительности накликаем на себя беду.

Говоря это, я очень далек от желания издать какой-либо закон или смастерить некие правила о том, какие книги и журналы может читать христианин, какие спектакли или фильмы смотреть и какие выставки изобразительного искусства посещать. Ибо следует признать, что все мы весьма разные люди. Сексуальное желание просыпается в одних легче, чем в других, и оно вызывается разными причинами. Сексуальная самодисциплина и самоконтроль более естественны для одних, нежели для других. Некоторые могут смотреть на откровенно сексуальные картины (на бумаге или в фильме) и оставаться совершенно спокойными, в то время как другие испытывают на себе их развращающее действие. Наши темпераменты и, следовательно, наши искушения различны. Поэтому мы не имеем права судить о других на основании того, что они могут себе позволить, как они чувствуют.

Что мы свободно можем сказать, так только одно (ибо это то, о чем говорил Иисус): если твой глаз соблазняет тебя, не смотри; если твоя нога ведет тебя к греху, не ходи; и если рука твоя соблазняет тебя, не делай этого. Правило, данное Иисусом, – гипотетично, а не универсально. Он не требовал от всех Своих учеников, чтобы те (образно говоря) ослепили или искалечили себя, но только от тех, глаза, руки и ноги которых провоцировали грех. Это они должны так поступать; другие могут сохранять оба глаза, обе руки или

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
обе ноги нетронутыми. Конечно, даже они должны бы были отказаться от определенных вольностей из любящей заботы о тех, совесть которых или воля слабее, но это другой принцип, здесь не провозглашенный.

Что же необходимо для всех, сильно искушаемых в сексуальном плане, да и для всех нас? Это дисциплина, охраняющая подступы к греху. Караул обычно используется в военной тактике; «нравственная караульная служба» необходима и для нас. Так ли мы глупы, чтобы позволить своему врагу обрушиться на нас лишь по той причине, что мы не выставили часовых для предупреждения о его приходе?

Подчинение этому повелению Иисуса будет для многих из нас в некотором роде «увечьем». Мы должны будем удалить из наших жизней некоторые вещи (хотя некоторые могут быть сами по себе вполне невинными), которые либо являются, либо могут легко стать источником искушения. Используя Его образные выражения, мы можем оказаться безглазыми, безрукими или безногими. То есть мы сознательно откажемся от чтения определенной литературы, просмотра определенных фильмов, посещения определенных выставок. Если мы поступим так, то некоторые современники будут нас считать узколобыми, недалекими мещанами. «Как? – скажут они нам насмешливо. – Вы не читали такой-то книги? Вы не видели такого-то фильма? Почему, до чего же вы необразованны!» Они могут оказаться правы. Мы, возможно, станем в культурном отношении «калеками», но сохраним чистоту нашего сознания. Единственный вопрос в том, хотим ли мы нести эти потери и выносить эти насмешки?

В этом Иисус был совершенно категоричен. Лучше потерять один член и войти в жизнь калекой, говорил Он, нежели сохранить все наше тело и попасть в ад. То есть, лучше миновать некоторые виды опыта, предоставляемые этой жизнью, чтобы войти в жизнь вечную; лучше примириться с некоторым недостатком культуры в этом мире, чем рисковать окончательным разрушением в мире грядущем. Безусловно, это учение полностью противоречит современным нормам вседозволенности. Оно основано на принципе, который утверждает, что вечность важнее времени, а целомудрие – культуры и что всякая жертва оправданна, так как в этой жизни необходимо обеспечить свой переход в жизнь грядущую. Мы должны попросту решить, живем мы для этого мира или для иного, следовать нам за толпой или за Иисусом Христом.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 5:31–37

Христианская праведность: верность в браке и честность в речи

Третья антитеза (о разводе) вполне закономерно следует за второй (о прелюбодеянии). Ибо, как теперь говорит Иисус, при определенных условиях повторный брак разведенного или с разведенным равнозначен прелюбодеянию. Эта третья антитеза является, в сущности, призывом к верности в браке.

Признаюсь, я со страхом приступаю к разъяснению этих стихов. Частично потому, что развод – это предмет спорный и сложный, но еще больше потому, что этот предмет затрагивает эмоции людей на глубоком уровне. Никакое другое несчастье не является таким болезненным, как несчастный брак, и никакая иная трагедия – столь великой, как превращение того, что имел в виду Бог под любовью, в отношения горечи, разлада и отчаяния. Я надеюсь, что смогу писать с чуткостью, так как мне знакома боль, от которой страдают многие, и мне не хочется усугублять их беду. Однако, поскольку я уверен, что учение Иисуса по этому и по любому вопросу хорошо – воистину Хорошо – как для личностей, так и для общества, – я собираюсь с мужеством и продолжаю писать.

1. Верность в браке (ст. 31,32)

31 Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную, 32 А я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.

Едва ли можно подумать, что эти два стиха полностью передают все наставления о разводе, данные нашим Господом на горе. Они похожи, скорее всего, на сокращенную сводку Его учения; более полную версию Матфей приводит в главе 19. Давайте попробуем соединить вместе оба отрывка и прокомментируем краткий в свете более длинного. Вот так продолжался Его позднейший спор с фарисеями:

«И приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею? Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочел, того человек да не разлучает. Они говорят ему: как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею? Он говорит им: Моисей, по жестокосердию вашему, позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так; но я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует».

Нам известно, что между соперничавшими школами раввинов Гиллеля и Шаммая как раз тогда велись споры о разводе. Равви Шаммай придерживался жесткой линии и учил на основании Втор. 24:1, что единственной причиной для развода является какое-нибудь тяжкое преступление против брака, нечто очевидно «неприличное» и «непристойное». Равви Гиллель, с другой стороны, придерживался весьма свободных взглядов. Если можно верить иудейскому ксторнику Иосифу, он применял закон Моисеев к человеку, «желающему развестись со своею женою во что бы то ни стало»[103].

Гиллель, утверждая, что причиной развода является нечто «непристойное», интерпретировал этот термин наиболее широко, чтобы включить сюда самые тривиальные проступки жены. Если она показала свою несостоятельность на кухне или если муж потерял к ней интерес, так как он влюбился в другую, более красивую женщину, то, по мнению Гиллеля, все это было «неприличным» и могло служить поводом для развода. Похоже, фарисеев привлекала неопределенность трактовки равви Гиллеля, что объясняет формулировку их вопросов: «По всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею?» (19:3). Другими словами, они хотели знать, на чьей стороне Иисус в теперешнем споре и к какой школе Он относится.

В ответе Господа нашего на их вопрос можно выделить три части. Лучше всего будет рассмотреть их по отдельности и в том порядке, как Он их произносил. В каждой части Он выразил Свое несогласие с фарисеями.

А. фарисеи были озабочены поводами для развода; Иисус – укреплением брака.

Их вопрос был построен так, чтобы выяснить, что Он считал законным основанием для развода. По какому же поводу может мужчина разводиться со своей женой? По одному, по многим или по любому?

Ответ Иисуса не был ответом. Он отказался отвечать на их вопрос. Вместо этого Он задает встречный вопрос. Он отсылает их к книге Бытия, к сотворению человечества – мужчин и женщин (гл. 1) и к созданию брака (гл. 2), вступая в который, человек оставляет родителей своих и прилепляется к жене своей, и становятся двое одной плотью. Это библейское определение подразумевает, что брак исключителен («человек... жена его») и нерасторжим («прилепиться» или «соединиться» со своею женою). Именно эти два аспекта брака Иисус использует как веские аргументы в Своих последующих комментариях (ст. 6). Во-первых, «ныне же стали двое одной плотью», и, во-вторых, «что Бог соединил, того же человек да не разлучает». Поэтому брак является божественным установлением, через которое Бог соединяет нерушимо в одно двоих, которые решительно и открыто оставляют своих родителей, чтобы сформировать новую ячейку общества и стать таким образом «одною плотью».

Б. фарисеи называли установления Моисея по поводу развода заповедью; Иисус же назвал это снисхождением к жестокосердию человеческому.

Фарисеи на разъяснения Иисуса по поводу института брака и его нерасторжимости тоже ответили вопросом: «Как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею?» (19:7). В Нагорной проповеди Иисус цитирует подобное же учение книжников: «Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную» (5:31).

Обе эти версии являются искажением постановлений Моисея, что весьма типично для фарисеев, которые стремились отвергнуть то, что в действительности говорится и подразумевается в Писании. Сначала они акцентировали внимание на том, что Моисей дал разводное письмо, словно это было наиважнейшее из

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
его постановлений, а затем указывали на это событие как на «заповедь»
Моисея.

При внимательном прочтении Втор. 24:1–4 открывается нечто совсем иное. Так, весь параграф построен на длинной серии условных предложений. Это видно из следующего: «Если кто возьмет жену и сделается ее мужем, и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего... и [если] она выйдет за другого мужа... и [если] сей последний муж напишет ей разводное письмо... и отпустит ее из дома своего, или [если] умрет сей последний муж ее... то не может первый ее муж, отпустивший ее, опять взять ее себе в жену...» Цель данного отрывка – запретить повторный брак со своим собственным разведенным партнером. Причина подобного правила неясна. Дело, кажется, в том, что если ее «непристойность» настолько ее «осквернила», что стала достаточным поводом для развода, то повод остается достаточным, чтобы не принимать ее назад. Возможно также, здесь было намерение предупредить мужа против скоропалительного решения, ибо, единожды принятое, оно уже не могло быть пересмотрено, и (или) для защиты жены от эксплуатации. Для наших целей здесь достаточно иметь в виду, что этот запрет является единственным повелением во всем отрывке; конечно же, здесь нет никакого указания мужу разводиться со своей женой. Все, что там есть, – это упоминание определенных необходимых процедур при условии развода; и поэтому в большинстве случаев имеется сдержанное разрешение и признается имеющаяся практика.

Как же Иисус отвечает на вопрос фарисеев? Он отнес его к человеческому жестокосердию. Он не отрицал, что это правило от Бога. Но он подразумевал, что это не божественное указание, а всего лишь божественное снисхождение к человеческой слабости. Именно по этой причине «Моисей позволил вам разводиться...», – говорил Он (19:8). Но после этого Он опять немедленно ссылается на первоначальную цель Бога: «А сначала не было так». Поэтому даже божественное снисхождение, в принципе, противоречило божественному установлению.

В. фарисеи легко относились к разводу; Иисус относился к нему настолько серьезно, что, лишь за одним исключением, Он называл любой повторный брак после развода прелюбодеянием.

Это было заключением Его спора с фарисеями, и именно об этом говорится в Нагорной проповеди. Может быть, будет полезным взглянуть на два Его утверждения вместе.

С:32: «А я говорю вам: кто разводится с женою

свою, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной,

тот прелюбодействует».

19:9: «Но я говорю вам: кто разведется с женою

свою не за прелюбодеяние и женится на другой,

тот прелюбодействует».

Кажется допустимым, чтобы развод повел к повторному браку разведенных. Только это допущение может объяснить утверждение, что муж, разводящийся со своей женой без причины, «заставляет ее прелюбодействовать». Это привело бы к таким результатам лишь при условии ее повторного брака. Кроме того, разделение помимо развода – официально называемое *a mensa et toro* (от стола и постели), но не *a vinculo* (от брачной связи) – является нововведением, неизвестным в древнем мире.

Поскольку Бог установил брак как исключительный и нерушимый союз, Им заключаемый, который человек не имеет права нарушать, Иисус неминуемо делает вывод, что развестись со своим партнером и соединиться с другим или же выйти за разведенного, – значит вступить в запрещенные, прелюбодейные отношения. Ибо лицо, разведенное по закону человеческому, в очах Божьих все еще может состоять в браке со своим первым партнером.

Этот принцип имеет только одно исключение: «Кроме вины любодеяния» (5:32) или «не за прелюбодеяние» (19:9). Так называемый «исключающий пункт» является хорошо известным тупиком. Комментаторы до сих пор не пришли к общему соглашению по поводу его подлинности и значения.

Во-первых, о подлинности. Я утверждаю, как делают почти все консервативные комментаторы, что мы должны принять этот пункт не только как подлинную часть Евангелия от Матфея (ибо ни одна из рукописей его не выпускает), но и как истинные слова Иисуса. Причина, по которой многие его отвергла, считая его вставкой Матфея, состоит в том, что он отсутствует в параллельных местах в Евангелиях Марка и Луки. Однако Пламмер был прав, называя это предположение «насильственным» [104]. Кажется гораздо более вероятным, что его отсутствие у Марка и Луки объясняется не их неведением, но тем, что они принимали его как нечто само собой разумеющееся. Кроме того, согласно закону Моисея, прелюбодеяние каралось смертью (хотя смертная казнь за это преступление во времена Иисуса, похоже, вышла из употребления) [105], поэтому никто бы не оспаривал, что неверность в браке является достаточной причиной для развода. Даже противники, равви Шаммай и равви Гиллель, были в этом единодушны. Они спорили о том, насколько широко можно интерпретировать выражение из Втор. 24:1: «что-нибудь противное».

Второй вопрос об исключаемом пункте касается значения нечистоты. По-гречески это называется *porneia*. Обычно это слово переводится как «блуд», обозначая безнравственность холостых, и часто отличается от *moicheia* («прелюбодеяние») – безнравственности состоящих в браке. По этой причине некоторые утверждали, что исключаемый пункт разрешает развод, если позже обнаруживается грех добрачной сексуальной связи. Некоторые думают, что «противное» из Втор. 24:1 имеет то же значение. Но это не совсем точное употребление греческого слова. Слово *porneia* происходит от *poros*, обозначающего проститутку, и не уточняет, состоит ли в браке она (или ее клиент). Далее, оно используется в Септуагинте для обозначения неверности Израиля, невесты Яхве, как видим на примере жены Осии Гомери (Ос. 1:2,3; 2:2,4). Поэтому, похоже, мы должны согласиться с заключением Р. В. Дж. Таскера, что *porneia* является «собирательным словом, включающим прелюбодеяние, блуд и противоестественные сексуальные пороки» [106].

В то же время мы не должны бросаться в противоположную крайность и утверждать, что *porneia* включает в себя всяческое и любое преступление, имеющее под собой, хоть в самом отдаленном смысле, сексуальную основу. Нет, *porneia* означает «нечистоту», некий акт физической половой безнравственности.

О чем же тогда говорил Иисус? Н. Б. Стоунхауз хорошо перефразирует первую часть антитезы Нагорной проповеди: «Вы слышали, что иудейские учителя в целях подтверждения своей позиции, позволяющей мужьям свободно, по собственному усмотрению разводиться со своими женами – лишь снабдив их соответствующим документом, удостоверяющим происшедшее, – ссылаются на Втор. 24:1» [107].

«Но я говорю вам», что подобное безответственное поведение со стороны мужа приведет его самого, его жену и их вторых партнеров к союзам, которые будут не браком, но прелюбодеянием. Этот общий принцип имеет одно исключение. Единственным поводом для развода и повторного брака, не нарушающим при этом седьмую заповедь, является уже случившийся тяжкий сексуальный грех. Похоже, этот, и только этот повод Иисус считает достаточным для развода иди, по крайней мере, что при таких условиях на невиновную половину в дальнейшем не ляжет пятно супружеской неверности. Сегодня в западных странах существует тенденция к улучшению законодательства о разводе с целью сделать его более справедливым, когда развод становится возможным на основании скорее «невосполнимого разрыва» или «смерти» брака, нежели «преступления против брака»; однако и это еще далеко отстоит от учения Иисуса.

Тем не менее, дело не может быть так оставлено. Ибо это сдержанное разрешение Иисуса должно рассматриваться лишь как уступка человеческому жестокосердию, чем оно и является на самом деле. Кроме того, его необходимо рассматривать в непосредственном контексте (Христос указывает на нерасторжимость брака во имя Бога), а также в более широком контексте Нагорной проповеди и всей Библии, провозглашающей Благую весть о примирении. Не знаменательно ли, что божественный Возлюбленный желал получить назад даже свою жену-блудницу – Израиль? (см.: Иер. 2:1; 3:1; 4:1;

Итак, не нужно дискутировать по этому вопросу, вопрошая о законности развода. Выискивать поводы для развода – значит быть виновным в том же фарисействе, которое осудил Иисус. В Своем споре с законоучителями Он всегда подчеркивал истинное значение брака, установленного Богом как исключительный и нерушимый союз (Бог «соединял» двоих «игом» союза, нерушимого для людей), и Он призвал Своих последователей к любви и взаимному прощению, к миротворчеству в каждой спорной ситуации. Златоуст верно связал этот отрывок с заповедями блаженства и прокомментировал это в своей проповеди так: «Ибо и кроткий, и миротворец, и нищий духом, и милосердный – как же он прогонит жену свою? Тот, кто примиряет других, – как он может находиться в несогласии с той, которая принадлежит ему самому?»[108] С точки зрения этого божественного идеала, цели и призвания, развод может рассматриваться лишь как трагическое отклонение от нравственных норм, установленных Богом.

Итак, лично я, как христианский пастор, уже в течение ряда лет отказываюсь говорить с супружескими парами о разводе, пока не поговорю прежде с ними на две другие темы, а именно, о браке и примирении. Иногда обсуждение этих двух тем делает обсуждение темы о разводе ненужным. Лишь в том случае, когда человек понял и принял Божий взгляд на брак и призыв Бога к примирению, когда создан необходимый настрой, можно осторожно продолжать беседовать о разводе. Этот принцип пастырских приоритетов, мне кажется, соответствует учению Иисуса[109].

2. Честность в речи (ст, 33)

Законоучителя снисходительно относились не только к разводу, но и к учению о клятвах. Это еще один пример, который показывает их стремление обойти заповеди Ветхого Завета с целью сделать их исполнение более легким. Сначала нужно взглянуть на закон Моисея, затем на искажение его фарисеями и, наконец, на истинное применение закона, на чем настаивал Иисус.

33 Еще слышали вы, что сказано древним: «не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои».

Эта цитата не является точной формулировкой ни одного из законов Моисея. В то же самое время, она является обобщением некоторых предписаний Ветхого Завета, требующих от людей соблюдения данных ими обетов. И обеты являются, строго говоря, «клятвами», когда говорящий призывает Бога в свидетели своего обета и наказание Божье на себя в случае нарушения этого обета. Моисей, похоже, часто подчеркивал зло, проистекающее от ложной клятвы, а также обязанность держать свою клятву пред Господом. Вот несколько примеров:

«Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно» (Исх. 20:7, третья заповедь).

«Не клянитесь именем Моим во лжи, и не бесчести имени Бога твоего» (Лев. 19:12).

«Если кто даст обет Господу, или поклянется клятвою.,, то он не должен нарушать слова своего» (Чис. 30:3).

«Если дашь обет Господу, Богу твоему, немедленно исполни его» (Втор. 23:21).

Даже при поверхностном чтении этих заповедей можно ясно увидеть их цель. Они запрещают клясться ложно или преступать клятву, то есть, дав обет, нарушить его.

Но фарисеи–казуисты работали над этими неудобными запретами, пытались их ограничить. Они переносили внимание людей с самого обета и необходимости его исполнять на его формулировку. Они утверждали, что в действительности закон' говорил не о том, что нельзя призывать имя Господа всуе, а о том, что вообще нельзя призывать имя Господа, «Ложная клятва», заключали они, означает профанацию (неуместное использование божественного имени), а не клятвopреступление (бесчестное отношение к собственному слову). Поэтому они

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org выработали сложные правила, где перечислили, какие формулировки допускаются при даче обета, и добавили, что лишь формулировки, включающие божественное имя, делают обязательным выполнение обета. По их мнению, не нужно быть столь щепетильными и соблюдать обеты, в которых не использовалось божественное имя.

Иисус выразил Свое презрение к подобной софистике в одном из Своих «увы», обращенном к фарисеям (Он назвал их «вождями слепыми»), что Матфей приводит позже (23:16–22):

«Горе вам, вожди слепые, которые говорите: «если кто поклянется храмом, то ничего; а если кто поклянется золотом храма, то повинен». Безумные и слепые! Что больше: золото или храм, освящающий золото? Также: «Если кто поклянется жертвенником, то ничего; если же кто поклянется даром, который на нем, то повинен». Безумные и слепые! Что больше: дар или жертвенник, освящающий дар? Итак, клянущийся жертвенником клянется им и всем, что на нем; и клянущийся храмом клянется им и живущим в нем; и клянущийся небом клянется престолом Божиим и сидящим на нем».

Учение Господа нашего в Нагорной проповеди говорит об этом же. Вторая часть Его антитезы, в которой Он противопоставляет Свое учение учению законоучителей, гласит:

«А Я говорю вам: не клянитесь вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет», а что сверх этого, то от лукавого».

Он начинает с утверждения, что вопрос о формулировке обетов совершенно не имеет смысла. И говорит, что, как бы мы ни пытались, нам не избежать упоминания Бога, ибо весь мир – Божий. Если вы клянетесь «небом», то это престол Божий; если «землей», то она – подножие ног Его; если «Иерусалимом», то это Его град, «город великого Царя». Если клянетесь головою своею, то она ваша в том смысле, что больше никому не принадлежит, а все же и она создана Богом и находится под Ним. Вы не можете даже изменить естественный цвет одного–единственного волоса, черного в молодости и седого в старости.

Итак, если не имеет смысла точная словесная формула клятвы, то озабоченность формулировками вообще не касается закона. Действительно, поскольку всякий клянущийся должен клятву сдерживать (как бы он ее ни сформулировал), то всякая формулировка, строго говоря, поверхностна. Ибо формула ничего не добавляет к торжественности клятвы. Клятва имеет силу вне зависимости от сопутствующей формулы. Поскольку это так, истинный смысл закона в том, что мы должны держать наши обещания и быть людьми слова. Тогда отпадает необходимость в клятвах. «Не клянитесь вовсе» (ст. 34), но «да будет слово ваше «да» или «нет» (ст. 37). Как позже скажет Апостол Иаков: «Да будет у вас «да, да» и «нет, нет» (Иак. 5^Λ: 12). Что же «сверх того», как добавляет Иисус, «то от лукавого», от зла ли сердец наших или присущей лукавому хитрости, или от того, кого Иисус описывает как «лжеца и отца лжи» (Ин. 8:44). Если разводятся из-за жестокосердия человеческого, то клянутся из-за человеческой ненадежности. И то, и другое лишь разрешено законом; ничто не предписано (см. Втор. 23:22); ничто из упомянутого не является необходимым.

У нас могут возникнуть два вопроса. Во-первых, если клясться запрещено, почему же в Писании клянется Сам Бог? Почему же, например, Он сказал Аврааму: «Мною клянусь... (что) Я благословляя благословлю тебя...»? (Быт. 22:16,17; см. также: Евр. 6:13–18). На это, думается, следует ответить, что целью божественных клятв было не усиление их правдоподобия (ибо «Бог не человек, чтобы Ему лгать» (Чис. 23:19), а усиление и укрепление в нас веры. Бог снизошел до человеческого уровня не потому, что Он не заслуживал доверия, а потому, что в нас был недостаток веры.

Во-вторых, если клясться запрещено, то абсолютен ли этот запрет? Могут ли христиане, например, чтобы быть последовательными в своем послушании, отказываться во что бы то ни стало давать под присягой письменные показания перед ответственным за это лицом или присягать в суде? Анабаптисты в XVI

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org веке поступали именно так, то же делают большинство квакеров сегоднѣ. Восхищаясь их желанием не идти на компромисс, можно все же спросить, а не является ли чересчур буквальной их интерпретация? В конце концов, Сам Иисус, как потом пишет Матфей, не отказывался отвечать, когда первосвященник поставил Его под клятву, сказав: «Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?» Он ответил утвердительно и добавил, что отныне они узрят Его, сидящего одесную силы (Мф. 26:63,64). Иисус в Своем учении подчеркивал, что честные люди не нуждаются в клятвах; но не говорил, что им нужно отказываться клясться, если то требуется некоей внешней властью.

Нужно помнить, что учение Иисуса действенно и сегодня. Присяга (то есть клятва) в действительности является патетическим признанием нашей бесчестности. Почему нам кажется столь необходимым вводить свои обещания какой-нибудь грозной формулой: «Клянусь архангелом Гавриилом и всем воинством небесным» или «Присягаю на святой Библии»? Единственная причина состоит в том, что мы знаем, что нашему простому слову не поверят. Поэтому мы пытаемся заставить людей нам верить, прибавляя торжественную клятву. Интересно/ что ессеи (иудейская секта времен Иисуса) придерживались <в этом высоких стандартов. Иосиф Флавий писал о них: «Они славны своей верностью и являются служителями мира. Что бы они ни говорили, то крепче клятвы. Но они избегают присягать и считают, что это хуже, чем клятвопреступление, ибо они утверждают, что тот, кому нельзя верить, если он поклянется Богом, уже проклят» [110]. Как пишет А. М. Хантер, «клянутся люди потому, что часто они – лжецы» [111]. То же верно и в отношении любых форм преувеличения, гиперболы и использования превосходных степеней. Нам недостаточно сказать, что мы приятно провели время; нам нужно его называть «фантастическим», «сказочным» или даже «сказочно фантастическим» или придумать еще что-нибудь. Но чем больше мы опираемся на подобные выражения, тем больше мы обесцениваем человеческую речь и человеческие обещания. Христиане говорят то, что они имеют в виду, и имеют в виду то, что говорят. Достаточно будет нашего неприукрашенного слова «да» или «нет». А если достаточно односложного слова, зачем же тратить свое дыхание, добавляя к нему что-либо еще?

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 5:38–48

Христианская праведность: отказ от возмездия и действенная любовь

Две последние антитезы подводят нас к кульминации Нагорной проповеди, к тому, чем больше всего восхищаются и чаще всего отвергают; речь идет о проявлении любви ко всем без исключения, которую призывает нас Христос проявить и к злему (ст. 39), и к нашим врагам (ст. 44). Именно здесь вызов Нагорной проповеди проявляется с наибольшей силой. Именно здесь с наиболее очевидной определенностью выражена христианская контркультура. И именно здесь предельно ясно видна наша нужда в силе Духа Святого.

1. Пассивный отказ от возмездия (ст. 38–42)

38 Вы слышали, что сказано: «око за око, и зуб за зуб». 39 А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; 40 и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; 41 и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди у с ним два. 42 Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Отрывок из устного учения законоучителей, цитируемый Иисусом, берет своё начало непосредственно из закона Моисея. Размышляя об этом, нам необходимо помнить, что закон Моисея был как нравственным, так и гражданским кодексом. Например Исх. 20 содержит Десять заповедей (квинтэссенцию нравственного закона). Главы с 21 по 23 книги Исход, с другой стороны, содержат ряд «уложений», в которых стандарты Десяти заповедей применяются к жизни молодой нации. Дается широкий спектр «законов на случай», особое внимание уделяется ситуациям, когда наносится вред людям или их собственности. В этом законодательстве появляются слова: «Когда дерутся люди... если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх. 21:22–25; см.: Лев. 24:19,20; Втор. 19:21).

Контекст вполне определенно разъясняет, что это наставление дается судьям Израильским. Действительно, они упоминаются во Втор. 19:17–18. Здесь находит свое выражение *lex talionis*, принцип равного возмездия, целью

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org которого было положено основание справедливости, уточнить наказание, которому подвергался преступник, а также ограничить компенсацию его жертве до точного соответствия и не более того. Отсюда и двойной эффект: определение справедливости и ограничение возмездия. Этим наставлением запрещался самосуд и кровная вражда.

Подобным же образом, в исламском законодательстве *lex talionis* определял максимально допустимое наказание. Он применялся буквально (и до сих пор существует, например, в Саудовской Аравии), пока пострадавший не откажется от наказания или его наследники (в случае убийства) не потребуют расплаты кровью вместо этого. (Эти факты я узнал от сэра Нормана Андерсона, эксперта по исламскому праву.)

Почти наверняка ко времени Иисуса буквальное возмездие за причиненный вред в иудейской юридической практике было заменено денежными штрафами или «компенсациями». О подобной замене существуют гораздо более ранние свидетельства. В книге Исход говорится о том, что если человек, ударив своего раба, выбивает ему глаз или зуб, то вместо собственного глаза или зуба (что не может быть компенсацией для бесправного раба) он должен потерять своего раба: «Пусть (он) отпустит (раба) на волю за глаз (зуб)» (Исх. 21:26,27). Мы можем быть также вполне уверены, что и в других случаях это наказание не применялось буквально, кроме как в случае убийства («душу за душу»); оно смягчалось до выплаты компенсации.

Но очевидно, что книжники и фарисеи расширили этот принцип от простого возмещения в судах (где ему и следует быть) до области личных взаимоотношений (где ему применяться не следует). Они пытались его использовать для оправдания личной мести, хотя закон ясно запрещал это: «не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего» (Лев. 19:18). То есть, «этот замечательный, пусть и жесткий, принцип судебной кары использовался для того, что он был призван отменить, то есть для личной мести»[112].

В своем ответе Иисус не противоречит принципу воздаяния, считая, что этот принцип истинен и справедлив. Позже в Проповеди Он Сам утвердит его: «Не судите, да не судимы будете» (7:1), и все Его учение об ужасной реальности божественного суда в последний день основывается на том же основополагающем принципе. В антитезе же Иисус утверждал, что этот принцип, хотя и относится к судам и суду Божьему, не может быть применим в наших личных взаимоотношениях. Эти отношения должны быть основаны на любви, а не на справедливости. Мы обязаны не воздавать людям, причиняющим нам вред, но принимать несправедливость, не мстя и не пытаясь отплатить им: «Не противься злему» (ст. 39).

Но что же в действительности обозначает этот призыв к непротивлению? Греческий глагол (*anthistemi*) обозначает: сопротивляться, возражать, восставать против чего-либо или кого-либо. Итак, кому же или чему нам запрещается сопротивляться?

Возможно, другие значения глагола в Новом Завете помогут нам образовать контекст для наших размышлений. Чаще всего этот глагол используется в отрицательном смысле, когда речь идет о том, что мы не должны сопротивляться Богу, Его воле, Его истине или противиться Его власти[113].

С другой стороны, нас постоянно призывают сопротивляться дьяволу. Так, Апостолы Павел, Петр и Иаков призывают нас сопротивляться тому, кто является «лукавым (злым)» *par excellence*, в распоряжении которого все силы зла (см.: Еф. 6:13; 1 Пет. 5:9; Иак. 4:7). Итак, как же согласовать это с повелением Иисуса не противиться злему? Безусловно, Иисус не призывает нас идти на компромисс с грехом или сатаной. Первым ключом к верному пониманию Его учения будет слово *to rpbego* («злой»), которое употребляется здесь в мужском, а не в среднем роде. Нам запрещено сопротивляться не злу как таковому, а злу в абстрактном смысле, и не «злему» в значении дьяволу, но злему человеку, «тому, кто зол» (как верно переводит ПНВ), или «человеку, причиняющему тебе зло» (НАБ). Иисус не отрицает, что человек этот злой. Он не просит нас надеяться, что тот станет другим, и не предлагает нам прощать его за злое поведение. Нет, Он нам не позволяет мстить. «Не мсти никому, причиняющему тебе зло» (ББВ).

Следующие затем четыре мини-иллюстрации (я их называю маленькими камнями) содержат принцип христианского отказа от возмездия и указывают на границы, до которых можно доходить. Они отражают различные жизненные ситуации.

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
Каждая вводит лицо (контекстуально – человека в некотором смысле «злого»), пытающееся нас обидеть. Один бьет нас по лицу, другой подает на нас в суд, третий пользуется нашими услугами и четвертый выпрашивает у нас деньги. Все выглядит очень современно. Глагол, переведенный как «заставляет» (*angareusei*), заимствован из персидского языка, и Иосиф Флавий, например, использовал его обычно, когда речь шла о «принудительной транспортировке военного груза»[114]. Сегодня его можно было бы применить к любой службе, которую мы исполняем скорее принудительно, нежели добровольно. В каждой из четырех ситуаций, как говорит Иисус, мы, христиане, обязаны не только отказаться от мести, но и даже позволить «злому» человеку удвоить обиду.

Сразу же оговоримся, что есть случаи, когда мы не можем избежать этого требования, но должны ему подчиняться буквально. Может показаться невероятным, что нас призывают подставить левую щеку тому, кто ударил нас по правой (особенно если вспомнить, что удар по правой щеке можно нанести только тыльной стороной руки, а на Востоке это является оскорблением до сего дня), и что Иисус, вероятно, имел в виду не простое оскорбление, но «совершенно особый оскорбительный удар: так били учеников Иисуса, считая их еретиками»[115].

Однако это норма, которую требует Иисус, это то, что Он Сам исполнял. В Ветхом Завете о Нем написано: «Я предал хребет мой бьющим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплеваний». Так было и в том случае, когда стражники иудейские плевали на Него, закрывали Ему лицо и ударяли Его, потом этому примеру последовали римские солдаты. Они увенчали Его терновым венком, одели Его в багряницу, дали Ему скипетр из трости и издевались над Ним: «Радуйся, Царь Иудейский», становились перед Ним на колени в шутовском приветствии, плевали на него и били Его руками (Ис. 50:6; Мк. 14:65; 15:16–20). Иисус же с бесконечным достоинством любви сохранял спокойствие и самообладание. Он показал Свой полный отказ от мести, позволив им продолжать жестокие насмешки. Далее, прежде чем мы решим, что Его учение и поведение – это попросту непрактичный идеализм, не лишне будет вспомнить, что Иисус призвал учеников Своих к тому, что Бонхёффер обозначил как «видимое участие в Его кресте»[116]. Вот как Петр говорит об этом: «Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его... Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному» (1 Пет. 2:21–23). Мы, по образному выражению Сперджена, «должны быть подобны наковальне, в то время как злые люди – подобны молоткам»[117].

Да, одно дело – наковальня, а совсем другое – половичок для вытирания ног. Иллюстрации Иисуса и Его личный пример показывают, что Он не был слабаком, который не может оказать сопротивление. Он Сам бросил вызов первосвященнику, когда тот спрашивал Его в синедрионе (Ин. 18:19–23). Перед нами – сильный человек, самообладание которого и любовь к другим так велики, что он отвергает любую возможную форму возмездия. И далее, как бы нам ни хотелось избежать применения этого учения Иисуса, мы не можем все же забыть четыре маленькие камеи, обрамленные деревянной, без всякого воображения, буквальнойностью. Частично это потому, что они даны не как отдельные указания, а в качестве иллюстрации принципа, и должны рассматриваться с учетом этого принципа. Этим принципом является любовь, беззаветная любовь человека, который отказывается от мщения и, учитывая высшее благо другого человека и общества, сообразует соответственно свои реакции. Конечно, он не ударит в ответ, воздавая злом за зло, ибо он полностью освободился от личной ненависти. Напротив, он попытается воздать добром за зло. Так, он будет отдавать все до последнего – свое тело, одежду, свои услуги, деньги, – если любовь потребует эти дары.

Поэтому единственным ограничением христианского благородства будет ограничение, которое поставит сама любовь. Например, Апостол Павел некогда «цротивостал» Апостолу Петру лично. Поведение Петра было ошибочным, злым. Он отказался от общения с братьями из язычников и тем противоречил Евангелию. Оставил ли это Павел без внимания? Нет. Он встал в оппозицию, открыто упрекая его и осуждая его действие. И мне думается, мы должны воспринимать поведение Павла как истинное выражение любви. Ибо, с одной стороны, личной вражды к Петру у него не было (он не ударил, не оскорбил и не обидел его), с другой же – была сильная любовь к христианам из язычников, которой изменил Петр, и к Евангелию, которое тот отверг (Гал. 2:11–14).

Иллюстрации Христа не должны также использоваться для оправдания любого

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org беспринципного тирана, грубияна, попрошайки и хулигана. Целью Христа было запретить месть, а не способствовать несправедливости, бесчестию или пороку. Как же могут те, кто считает своим первым долгом распространение праведного закона Божьего, в то же время принимать участие в распространении нечестия? Истинная любовь, заботясь о личности и об обществе, старается удалить зло и способствовать добру. И повелением Христа был «закон любви, а не глупости»[118]. Он учит не безответственности, способствующей злу, но терпимости, отвергающей месть. Истинное христианское непротивление – это отказ от возмездия.

Известные слова Авторизованной Версии «не сопротивляйся злу» были приняты некоторыми как основа для бескомпромиссного пацифизма, как запрет использовать силу в любой и каждой ситуации.

Один из абсурдных примеров этого – «безумный святой», о котором Лютер пишет, что тот «позволял вшам себя кусать и отказывался убить хоть одну из них, ссылаясь на этот текст, утверждая, что ему надлежит страдать и не сопротивляться злу!»[119]

Более серьезным примером, хотя тоже исключительным, была жизнь Льва Толстого, великого русского романиста и общественного реформатора XIX века. В произведении «В чем моя вера» (1884) он описывает, как во время личных исканий смысла жизни он «остался наедине со своим сердцем и таинственной книгой». Читая и перечитывая Нагорную проповедь, он «внезапно понял то, чего не понимал ранее» и что, по его мнению, вся церковь не понимала в течение 1800 лет. «Я понял, что Христос говорит только то, что говорит», особенно в Своем повелении «не противься злему». «Эти слова.. в их прямом значении, были для меня настоящим ключом, открывающим все остальное»[120].

Во второй главе («Заповедь о непротивлении») он интерпретирует слова Иисуса как запрет любого физического насилия как в отношении лиц, так и учреждений. «Невозможно в одно и то же время исповедовать Христа Богом, основа учения Которого – непротивление злему, и сознательно и спокойно работать для упрочения собственности, судов, правительства и вооруженных сил...»[121]. По его мнению, «Христос запрещает любой человеческий суд, так как он противится злу и даже воздаёт злом за зло»[122]. Этот же принцип, как считает Толстой, применим к полиции и армии. Когда, наконец, будут выполняться Христовы заповеди, «все люди будут братьями, и каждый будет примирен с другими... Тогда явится Царствие Божье»[123]. В последней главе, пытаясь защитить себя от обвинений в наивности, он излагает свое искреннее убеждение в том, что человеческие существа в основе своей разумные и добрые. Даже «так называемые преступники и разбойники... любят добро и ненавидят зло...». И когда они увидят с помощью истины, переданной им христианами, что непротивящиеся посвящают жизнь свою служению другим, «никто не будет столь бесчувствен, чтобы лишить пищи или убить тех, кто им служит»[124].

Ганди был одним из тех людей, на кого философия Толстого оказала глубокое влияние. Ребенком он усвоил учение ахимса – «отказ от причинения боли и зла живым существам». Еще юношей он прочел в Лондоне Бхагават Гиту и Нагорную проповедь (впоследствии он напишет: «Именно через эту Проповедь Иисус стал мне дорог»), и затем, в Южной Африке, – «Царство Божье внутри нас» Толстого. Возвратившись в Индию десять лет спустя, он воплотил идеалы Толстого в жизнь. Строго говоря, его политикой было не «пассивное сопротивление» (которое он считал слишком отрицательным), не «гражданское неповиновение» (слишком вызывающее), но *satyagraha* или «сила истины», попытка завоевать своих противников истиной и «примером добровольно переносимого страдания». Его теория очень близка к анархии. По его мнению, «государство представляет собой насилие в концентрированной и организованной форме». В совершенном государстве, о котором он говорил, полиция будет существовать, но силу она будет использовать редко; прекратится наказание; тюрьмы превратятся в школы; и тяжба заменится третейским судом[125].

Невозможно не восхищаться смирением Ганди и искренностью его намерения. Однако нужно учесть, что его политика нереальна. Он говорил, что воспротивился бы японским захватчикам (если те явятся), выступив против них «отрядом мира», но его утверждение никогда не было испытано делом. Он склонял евреев оказывать Гитлеру ненасильственное сопротивление, но те не приняли это во внимание. В июле 1940 года он обратился к каждому британцу с воззванием о прекращении военных действий, в котором утверждал: «Я

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org практиковал ненасилие непрерывно в течение более чем пятидесяти лет и с научной скрупулезностью выяснял его возможности. Я применял его в каждой сфере жизни – домашней, общественной, экономической и политической. И не знаю ни единого случая его провала»[126]. Но его воззвание не было услышано. Жак Эллюль с пониманием комментирует, что «существенным фактором в успехе Ганди» были вовлеченные люди. С одной стороны, это Индия, «народ, сформированный вековой заботой о святости и духовности... люди... невероятно способные к пониманию и восприятию его вестей», с другой стороны – Британия, «официально объявившая себя христианской нацией», которая «не могла остаться бесчувственной к проповеди ненасилия Ганди»... «Но поместите Ганди в условия России 1925 года или Германии 1933. Развязка была бы простой: через несколько дней он был бы арестован и ничего бы о нем более не было слышно»[127].

Однако мы больше всего не можем согласиться с Толстым и Ганди не потому, что их взгляды были нереалистичными, а потому, что они были небиблейскими. Ибо мы не можем принять заповедь Иисуса «не противься злему» как абсолютное запрещение использовать любую силу (включая полицию), если, конечно, мы не хотим сказать, что Библия противоречит сама себе и что Апостолы понимали Иисуса неверно. Ведь Новый Завет учит, что государство является божественным учреждением, призванным (через своих исполнителей) карать преступника (то есть «противься злему» вплоть до вынесения им наказания за совершенное зло), а также награждать тех, кто творит добро (Рим. 13:1 и дал.). Однако нельзя использовать эту истину, чтобы оправдать узаконенное насилие деспотического режима. Конечно же, нет. И действительно, то же самое государство – Римская империя, – которая в Послании к Римлянам, глава 13, называется «Божьим слугой», пользующимся Его авторитетом, в Откровении, глава 13, показано союзником дьявола, использующего его власть. Но эти два аспекта государства дополняют друг друга, а не противоречат. Факт, что государство было установлено Богом, не означает, что оно застраховано от злоупотреблений своей властью и не может превратиться в орудие сатаны. А историческая правда о том, что государством преследовались иногда хорошие люди, искажает библейскую истину, которая гласит, что действительная функция государства состоит в наказании злодеев. И когда государство использует свою Богом данную власть для наказания, оно есть «Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13:4).

Как же применим этот принцип к войне? Похоже, что невозможно дать удачный или простой ответ на этот вопрос, хотя наверняка все христиане согласятся с тем, что по самой своей природе война жестока и ужасна. Ясно также, что понятие «справедливой войны», развитое Фомой Аквинским, войны, причины, методы и результаты которой могут быть «справедливыми», трудно соотносимо с современностью. И тем не менее, мне бы хотелось сказать, что, с одной стороны, нельзя совершенно отказаться от войны (так же, как от полиции и тюрем) на основе заповеди «не противься злему», а с другой стороны, нельзя считать, что единственно возможное оправдание войны (с библейской точки зрения) подобно прославлению полицейской акции. Далее, именно подавление является сущностью полицейской акции; ее цель – арестовать злодеев, чтобы поступить с ними по справедливости. Именно потому, что в современной войне чаще всего отсутствует подобный подход, христианская совесть противится ей. Конечно, неисчислимы ужасы ядерной войны, гибели невинных вместе с виновными – всего этого достаточно, чтобы окончательно осудить ее.

Рассуждая подобным образом, я хотел сказать, что обязанности и функции государства совершенно отличаются от обязанностей и функций личности. Ответственность отдельного человека по отношению к злодею была установлена Апостолом Павлом в конце 12 главы Послания к Римлянам: «никому не воздавайте злом за зло [наверняка отклик на слова «не противься злему»], но пекитесь о добром пред всеми человеками... не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию; ибо написано: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь». Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья [то есть разбудишь его совесть, и он раскается]. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (12:17–21). Мы видим, что Павел запрещает мстить не потому, что месть плоха сама по себе, но потому, что это прерогатива Бога, а не человека. «Мне отмщение», – говорит Господь. В настоящее время Он выражает Свой гнев, или месть, с помощью судов (как продолжает Павел в Рим. 13), а в финале это будет Судный день.

Это различие в функциях, данных Богом двум «слугам Божьим» – государству для наказания злодея и отдельному христианину, не воздающему злом за зло,

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org но одолеваящему злу добром, – создает во всех нас болезненное напряжение, так как все мы в различной степени являемся как личностями, так и гражданами государства, и поэтому участвуем в обеих функциях. Например, если однажды ночью мой дом подвергнется нападению и я поймаю вора, моим долгом, возможно, будет усадить его и дать ему что-нибудь поесть и попить, но в то же время и позвонить в Полицию.

Лютер объяснил это напряжение специально созданным различием между нашей «личностью» и нашей «должностью». Это было частью его учения о «двух царствах», которое, однако, справедливо критиковалось. Он вывел свое утверждение из текста «отдавайте же кесарю кесарево, а Божье Богу». В этих словах он увидел существование как божественной, или духовной, области, «царства Христа», так и области мирской, или преходящей, «царства мира сего» (или «кесаря»). В первом, которое он также называет «царством Божьей десницы», христианин живет как «личность»; во втором, «царстве кесаря», он занимает некую «должность», как «отец» или «наставник», «князь» или «судья». «Вы не должны смешивать, – писал Лютер, – вашу личность и вашу должность» [128].

Вот как он применял это различие к заповеди о непротавлении злону: христианин «живет одновременно как христианин по отношению ко всем, лично претерпевая всяческие страдания в мире, и как мирянин, сохраняя, используя и исполняя все функции, требуемые законом его страны или города...» «Христианин не должен сопротивляться никакому злу; но в пределах своей должности мирянин должен противиться любому злу». «Короче говоря, правилом в царстве Христа является терпимость ко всем, прощение и воздаяние добром за зло». С другой стороны, в области кесаря не должно быть никакой терпимости по отношению к любой несправедливости, но защита от зла и наказание его... в соответствии с тем, что требует должность или статус каждого». «Христос... не говорит: «никто да не противится никогда злу», ибо это полностью отвергло бы любой порядок и власть. Но Он говорит вот что: «Вы, вы не делайте этого» [129].

Такое четкое различие между двумя «областями» было, конечно, преувеличением. «Трудно избавиться от чувства, – пишет Гарвей Макарутур, – что учение его предоставляло мирской сфере автономию, на которую та, по правде говоря, не может претендовать» [130].

Он доходил до того, что говорил христианину, будто в царстве мира сего он «не должен спрашивать Христа о своем долге», ибо о том можно узнать у кесаря. Но Писание не позволяет нам противопоставлять два царства друг другу так, как если бы церковь была сферой Христа, руководимой любовью, а государство – кесаревой, управляемой справедливостью. Ибо власть Иисуса Христа распространяется на все, и ни одна из сфер не может быть исключена из Его закона. Далее, государство, осуществляя справедливость, должно руководствоваться любовью, в церкви же любовь иногда должна подтверждаться дисциплиной. Сам Иисус говорил о необходимости отлучения упрямого и нераскаявшегося нарушителя.

И тем не менее, я думаю, что различие, проводимое Лютером между «личностью» и «должностью» или, как мы бы сказали, между личностью и обществом, имеет смысл. Христианин должен полностью освободиться от желания мстить, не только фактически, но также и в сердце; однако как должностное лицо, в государстве или же в церкви, он может быть уполномочен Богом противостоять злу и наказывать его.

Подводя итог анализу этой антитезы, можно сказать, что Иисус не запрещал творить справедливость, но, скорее, не разрешал нам чинить самосуд. «Око за око» – это принцип справедливости, присущий судам. В личной жизни мы должны быть свободны не только от мщения словом и делом, но от всякой злобной мысли. Мы можем и должны передавать дело свое доброму и праведному Судии, как делал Сам Иисус (1 Пет. 2:23), но не следует нам искать или желать какой-либо личной мести. Мы не должны отвечать на обиду, но вытерпеть ее и тем самым превозмочь зло добром.

Итак, повеление Иисуса не противиться злу не должно использоваться для оправдания временной слабости или нравственного компромисса, политической анархии или пацифизма. Иисус требует от всех Своих последователей относиться к злодеям с милосердием, а не справедливостью, отвергать возможность возмездия, даже если мы рискуем при этом сильно пострадать в дальнейшем, наше отношение должно быть обусловлено не желанием причинить им

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
вред, но решением послужить им ради высшего блага.

Я не знаю никого, кто бы полнее воплотил это в своей жизни, чем Мартин Лютер Кинг, учившийся у Ганди так же, как Ганди учился у Толстого, хотя я думаю, что он понимал учение Иисуса лучше, нежели те двое. Не может быть сомнения в несправедливости страданий, перенесенных Мартином Лютером Кингом. Доктор Бенджамин Мейс перечислил их на его похоронах: «Если кто и знал смысл страдания, так это Кинг. Разрушенный дом* в течение тринадцати лет жизнь под постоянной угрозой смерти; злобное обвинение в коммунизме; ложное обвинение в неискренности... ножевое ранение, нанесенное собратом по расе; он был обстрелян в вестибюле гостиницы; более двадцати раз арестовывался; глубоко обижен друзьями, предавшими его, – и все же этот человек не имел горечи в своем сердце, не держал злобы в душе, мстительности в уме; он исходил этот мир вдоль и поперек, проповедуя ненасилие и освобождающую силу любви»[131].

Одна из его наиболее трогательных проповедей, основанная на тексте Мф. 5:43–45, была названа «Любовь к врагам своим» и была написана в тюрьме в Джорджии. Мучительно размышляя над вопросами, почему и как должны любить христиане, он описывал, как «ненависть умножает ненависть... по восходящей спирали насилия» и «так же поражает ненавидящего», как и его жертву. Но именно «любовь – единственная сила, способная обратить врага в друга», ибо она имеет «творческую» и «освобождающую» власть. Далее он применял свою теорию к расовому кризису в Соединенных Штатах. Ибо более трех веков американские негры терпели угнетение, крушение надежд и дискриминацию. Но Лютер Кинг и его друзья решились «ненависть встретить любовью». Тогда они завоевали бы свободу и своих угнетателей... и победа была бы двойной»[132].

2. Активная любовь (ст. 43–48)

43 Вы слышали, что сказано: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего».
44 А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас,
благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас,
45 да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему
восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.
46 Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? не то же ли
делают и мытари? 47 И если вы приветствуете только братьев ваших, что
особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? 48 Итак будьте
совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.

Мы уже видели, как явно извратился смысл закона, превратившись в указание «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего», когда из него кое-что было выпущено и кое-что добавлено к нему. Это указание намеренно снижает критерий любви (выпуская ключевые слова «как самого себя», которые делают этот критерий весьма высоким) и сужает круг ее объектов (особым образом исключая из категории «ближних» врагов и, вместо этого, добавляя указание их ненавидеть). Я называю извращение «явным», поскольку оно ничем не оправдывается, и все же законоучителя защищали эту интерпретацию как вполне допустимую. Они указывали на непосредственный контекст неудобной заповеди любить ближнего, отмечая, что слова из Лев. 19 обращены ко «всему обществу сынов Израилевых». Так, даются указания израильтянам по поводу их обязанностей в отношении своих собственных родителей, а более широко – своего «ближнего» и «брата». Они не должны угнетать или обирать его, каков бы ни был его социальный статус. «Не враждуй на брата твоего в сердце твоём... не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего; но Люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19:17,18).

Для казуистов (сознательно или неосознанно желавших облегчить бремя этой заповеди) было достаточно легко приспособить ее к своим собственным интересам. «Мой ближний, – утверждали они, – принадлежит к моему собственному народу, собрат-иудей, родной и знакомый, принадлежащий к моей расе и исповедующий мою религию. Закон ничего не говорит о чужеземцах и врагах. И поскольку заповедь говорит только о любви к моему ближнему, можно считать, что она разрешает, даже призывает, ненавидеть врага моего. Ибо он не ближний мне, чтобы мне любить его». Рассуждение звучит достаточно разумно, чтобы убедить тех, кто хочет быть убежденным, и чтобы утвердить их в своих собственных расовых предрассудках. Но это кажущаяся разумность. Они намеренно игнорировали указание, содержащееся в той же главе (Лев. 19), не подбирать оставшегося от жатвы и не обирать дочиста виноградника, но оставить это «бедному и пришельцу», не иудею, а также однозначное высказывание против расовой дискриминации в конце главы: «Пришелец,

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя» (ст. 34). Подобным же образом: «Один закон да будет и для природного жителя и для пришельца, поселившегося между вами» (Исх. 12:49).

Они также закрыли глаза на другие заповеди, регулирующие их поведение по отношению к врагам их. Например: «Если найдешь вола врага твоего, или осла его, заблудившегося, – приведи его к нему. Если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставляй его: развьючь вместе с ним» (Исх. 23:4,5). Почти подобная же инструкция была дана в отношении вола и осла «брата твоего» (Втор. 22:1–4), это указывает на то, что требование любви одно и то же не зависимо от того, принадлежат ли животные «брату» или «врагу». Раввины, должно быть, хорошо были знакомы с учением книги Притч, которую позже цитировал Апостол Павел как иллюстрацию к преодолению зла, а не к отмщению: «Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою» (Прит. 25:21; см.: Рим. 12:20).

Совершенно очевидно, что книжники и фарисеи могли использовать или израильские войны против хананеев, или проклинающие псалмы как библейский призыв ненавидеть своих врагов. Но если это так, то они неверно понимали и эти войны, и эти псалмы. Из современных ближневосточных исследований известно, что хананеи были совершенно развратившимися в религиозном и культурном смысле людьми. Их поведение было настолько гнусным, что, как говорится о них, сама земля «извергла их вон». Если бы Израиль последовал их обычаям, то разделил бы и их судьбу (см.: Лев. 18:25,28; 20:22). «Израильские войны, – писал Бонхёффер, – были единственными «священными войнами» в истории, ибо это были войны Бога против мира, поклоняющегося идолам. Так что Иисус осуждает не эту вражду, иначе Он осудил бы всю историю взаимоотношений Бога с Его народом. Наоборот, Он подтверждает Ветхий Завет. Но с этих пор не будет более войн за веру» [133].

Что же касается проклинающих псалмов, то в них псалмопевец говорит не с какой-то личной ненавистью, но как представитель богоизбранного народа Израильского, он считает нечестивых врагами Бога, своими же собственными врагами он их считает лишь потому, что он полностью идентифицировал себя с провидением Божиим, ненавидит их потому, что любит Бога, и поэтому уверен, что эта «ненависть» является «совершенной ненавистью», и он призывает Бога в следующий момент, чтобы Бог испытал его и узнал сердце его, испытал и узнал помышления его, чтобы увидеть, не на опасном ли он пути (Пс. 138:19–24) [134].

То, что нам нелегко это выполнять, указывает не на нашу духовность, но на ее отсутствие, не на нашу превосходящую любовь к людям, но на нашу небольшую любовь к Богу и даже на неспособность ненавидеть нечестивых ненавистью «совершенной», а не «личной».

Истина в том, что злые люди должны одновременно быть объектами нашей «любви» и нашей «ненависти» так же, как они являются одновременно объектами Божьей «любви» и «ненависти» (хотя «ненависть» Его выражается как Его «клятва»). «Любить» их – значит пламенно желать, чтобы они покались и уверовали и таким образом спаслись. «Ненавидеть» их – значит с той же силой желать, чтобы они, если, упорствуя, откажутся покаяться и уверовать, подверглись бы Божьему осуждению. Не молились ли вы когда-нибудь за спасение нечестивых (то есть хулщих Бога или эксплуатирующих своих ближних ради собственной выгоды, как если бы те были животными), а затем добавляли: если они отвергнут спасение Божье, то да падет на них Божье осуждение? Я да. Это естественное выражение нашей веры в Бога, который является Богом спасения и осуждения, и нашего желания, чтобы исполнилась Его совершенная воля.

Поэтому существует такая вещь, как совершенная ненависть, так же, как существует праведный гнев. Но это ненависть к врагам Бога, а не к нашим собственным. Она совершенно свободна от всяческой злой воли, ненависти и мстительности и воспламеняется только любовью к чести и славе Божьей. Она находит выражение теперь в молитве мучеников, убиенных за слово Божье и свидетельство свое (Отк. 6:10). И она будет выражена в последний день всем сообществом людей, искупленных Богом, которые, видя суд Божий над нечестивыми, согласятся с Его совершенной справедливостью и единогласно воскликнут: «Аллилуйя! Спасение и слава, и честь и сила Господу нашему, ибо истинны и праведны суды Его!.. Аминь! Аллилуйя!» (Отк. 19:1,2,4).

Теперь можно с уверенностью заключить, что такая чистая «ненависть» ко злу

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org и к злодеям, не смешанная с личной злобой, никак не оправдывает желание законоучителей изменить заповедь Божию о любви к ближнему, добавив к ней разрешение ненавидеть тех, кто ненавидит нас, наших личных врагов. Слова «и ненавидьте врагов ваших» были «паразитическим наростом»[135] на законе Бога; им нечего там делать. БОГ не давал Своим людям двойную нравственную норму» одну для отношений с ближними, а другую – с врагами.

Итак, Иисус противоречил их добавлению как грубому искажению закона: «А Я говорю вам, любите врагов ваших» (ст. 44). Ибо ближний наш, как Он позже так ясно проиллюстрировал в притче о добром самарянине (Лк. 10:29–37), совершенно не обязательно принадлежит к нашей собственной расе, сословию или религии. Он может даже вообще быть ничем с нами не связанным. Он может быть нашим врагом, который точит на нас нож или держит наготове пистолет. Наш «ближний» в слове Бога включает и нашего врага. Нашим ближним его делает то, что он – нуждающееся человеческое существо, нужду которого мы знаем и можем до некоторой степени удовлетворить.

Каков же наш долг по отношению к ближнему, будь он друг или враг? Мы должны любить его. Более того, если мы добавим сюда предложения из той версии Проповеди, которая приведена в Евангелии от Луки, любовь наша к нему будет выражаться в наших делах, словах и молитвах. Во-первых, наши дела. «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас... Любите врагов ваших, и благотворите...» (Лк. 6:27,35). «Благотворители» презираемы в современном мире, и, совершенно точно, филантропия – это не то, что подразумевал Иисус под «творением блага». Он подчеркивает, что истинная любовь – не столько проявление чувств, сколько служение, практическое, смиренное, жертвенное служение. Враг наш ищет возможность причинить нам вред, мы же должны искать возможность сделать ему добро. Именно так Бог обращался с нами. Мы «были врагами», но Христос умер за нас, чтобы примирить нас с Богом (Рим. 5:10). Если Он отдал Себя за врагов Своих, мы должны отдавать себя за наших врагов.

Однако слова тоже могут выразить нашу любовь, как слова, обращенные к самим нашим врагам, так и слова за них, обращенные к Богу. «Благословляйте Проклинающих вас». Если они призывают несчастья на наши головы, в словах выражая свое желание нашего падения, мы должны воздать им, призывая на них небесное благословение, словами объясняя, что мы им желаем только блага. Наконец, мы обращаем слова свои к Богу. Оба евангелиста упоминают эту заповедь Иисуса: «Молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44; Лк. 6:28). Златоуст считал это умение молиться за врагов наших «наивысшей вершиной самообладания»[136]. Оглядываясь на требования этих двух последних антитез, он отмечает девять восходящих шагов и ходатайство как вершину этого восхождения. Во-первых, мы не должны быть сами инициаторами зла. Во-вторых, мы не должны мстить за зло другим. В-третьих, мы должны быть спокойны, и в-четвертых – несправедливо страдать. В-пятых, мы должны давать злодею даже более требуемого. В-шестых, мы не должны его ненавидеть, но (шаги 7 и 8) любить его и благотворить ему. И, в-девятых, мы должны «умолять Самого Бога за него»[137].

Современные комментаторы также видят подобное ходатайство как вершину христианской любви. «Это наибольшая заповедь, – писал Бонхёффер. – Посредством молитвы мы идем к нашему врагу, становимся рядом с ним и молим за него Бога»[138].

Более того, если молитва-посредничество является выражением любви, которую мы имеем, это также дает возможность для возрастания нашей любви. Невозможно молиться за кого-либо, не любя его, и невозможно продолжать за него молиться, не видя, что наша любовь к нему растет и созревает. Мы должны начать свою за него молитву до того, как осознаем свою к нему любовь, и мы обнаружим, что наша любовь превращается сначала в почку, потом в цветок. Иисус молился за Своих мучителей как раз в то время, как металлические гвозди проходили сквозь Его руки и ноги; и даже время, в котором употреблен глагол (имперфект), говорит о том, что Он продолжал молиться, повторяя свое ходатайство: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34). Если жестокая пытка распятия на кресте не могла заставить умолкнуть молитвы Господа нашего за врагов Своих, то какая же боль, гордыня, предрассудок или леность могут оправдать наше молчание?

В этой главе я цитирую Бонхёффера более, нежели любого другого комментатора, потому что, хотя он и писал свое толкование до начала войны, он мог предвидеть, куда приведет нацизм, и мы знаем, к какой участи в конце

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org привело его христианское свидетельство против нацизма. Он цитировал некоего А. Ф. К. Вилльмара, который написал это в 1880 г., но слова его звучат почти пророчески в отношении времени Бонхёффера: «Значение заповеди о том, что мы должны любить врагов своих и отказаться от возмездия, еще более возрастет в предстоящей священной борьбе... Христиан будут гонять с места на место, подвергать физическому преследованию, расправе и всякого рода убийствам. Мы приближаемся к веку массовых преследований... Скоро настанет время, когда мы будем молиться. Это будет молитва горячей любви за тех самых сынов погибели, что стоят вокруг и смотрят на нас взорами, полными ненависти, и кто, возможно, уже поднял руку свою, чтобы убить нас... Да, церковь, действительно ожидающая своего Господа и различающая знамения, должна со всей своей силой и в доспехах своей святой жизни включиться в эту молитву любви».

Указав, что наша любовь к врагам должна выражаться в делах, словах и молитвах, Иисус сказал, что только тогда мы наконец покажем, чьими сынами являемся, ибо лишь тогда будем мы являть любовь, подобную любви нашего Небесного Отца. «Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить [заметьте, кому принадлежит солнце!] над злыми и добрыми и посылает дождь над праведных и неправедных» (ст. 45). Любовь божественная в равной степени распространяется на всех людей: добрых и злых. Богословы (следуя Кальвину) называют это «общей благодатью» Бога. Это не «спасающая благодать», дающая возможность грешникам покаяться, уверовать и спастись; но благодать, явленная всему человечеству, кающимся и нераскаянным, равно же верующим и неверующим. Эта всеобщая благодать Бога выражается не в даре спасения, но в дарах творения, и не в последнюю очередь в благословенных дарах дождя и солнечного света, без чего жизнь на планете не могла бы продолжаться. Такой должна быть норма христианской любви. Мы должны любить как Бог, а не как люди.

Ибо, «если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?» Или какая вам за то благодарность? «И грешники любящих их любят» (Лк. 6:32). Падший человек не лишен способности любить. Учение о всеобщей греховности не означает (и никогда не означало), что первородный грех сделал людей неспособными вообще ни к какому добру, но что любое добро, которое они совершают, до некоторой степени испорчено злом. Неискупленные грешники могут любить. Родительская любовь, любовь детей, любовь супругов, любовь друг к другу друзей – все это, как нам хорошо известно, постоянно испытывают мужчины и женщины вне Христа. «И мытари» (бедные чиновники, собиравшие подати и поэтому пользовавшиеся репутацией людей алчных) любят любящих их. «И язычники» (эти «собаки», как звали их иудеи, посторонние, ненавидевшие евреев, которых они старались обойти при встрече), даже они приветствуют друг друга. Никто не лишен этого чувства.

Но всякая человеческая любовь, даже наивысшая, самая благородная и лучшая, до некоторой степени осквернена нечистотою эгоистического интереса. Мы, христиане, особо призваны любить своих врагов (в такой любви нет корыстного интереса), а это невозможно без сверхъестественной благодати Божьей. Если мы любим лишь любящих нас, то мы не лучше обманщиков. Если мы приветствуем только братьев своих и сестер, христиан, то мы не лучше язычников; они также приветствуют друг друга. Иисус задает вопрос: «что особенного делаете?» (ст. 47). Эти простые слова – «что особенного» – являются квинтэссенцией того, что Он говорил. Для христиан недостаточно быть похожими на нехристиан; наше призвание в том, чтобы превзойти их в добродетели. Наша праведность должна превзойти (*perisseuse...pleion*) праведность фарисеев (ст. 20) и любовь наша должна превзойти, быть большей (*perisson*), нежели любовь язычников (ст. 47). Хорошо говорит об этом Бонхёффер: «Отличие христианина от других выражено этим словом: «особенное», *perisson*, «выходящее за рамки», «необычное», то, что не требует после себя слов «потому что»... Это «более того», «сверх всего того». Естественное – это *to auto* (то же самое) для язычников и для христиан, решающее качество христианской жизни начинается с *perisson*... Для Него (то есть Иисуса) отличительным знаком христианина является «необычное» [139].

Что же это за *perisson*, это «сверх» или «экстра», которое должен являть христианин? Ответом Бонхёффера было: «это любовь Самого Иисуса Христа, восходившего на крест терпеливо и послушно... Крест является отличительным признаком христианской религии» [140]. Он абсолютно прав. Но, еще точнее, как выразился Иисус об этом, можно сказать, что эта «сверхлюбовь» не является любовью человеческой, но любовью Бога, в Своей благодати дающего солнце и дождь нечестивым. «Итак, вы [«вы» выразительно подчеркивает

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
отличие христиан от нехристиан] будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (ст. 48). Утверждение о том, что народ Божий должен подражать Богу более, нежели людям, не ново. Книга Левит раз пять рефреном повторяет заповедь: «Я Господь, Бог ваш... будьте святы, ибо Я свят». (Лев. 11:44,45; 19:2; 20:7,26; см.: 1 Пет. 1:16). Здесь же призыв Христа к нам касается не «святости», но «совершенства».

Некоторые учителя святости на основании этого стиха мечтали о достижении в этой жизни состояния безгрешного совершенства. Но в таком случае слова Иисуса не будут согласовываться с учением всей Проповеди. Ибо в заповедях блаженства Он уже указал, что ученики Его будут постоянно алкать и жаждать Правды (5:6), а в следующей главе он будет учить непрестанно молиться так: «прости нам долги наши» (6:12). Постоянная жажда правды и молитва о прощении ясно указывают, что Иисус не ожидает от последователей Своих морального совершенства в этой жизни. Контекст показывает, что Им упоминаемое «совершенство» относится к любви, той совершенной любви Божьей, которая проявляется к тем, кто на нее не отвечает. Действительно, ученые говорят, что арамейское слово, которое Иисус, вероятно, использовал, обозначает «всеохватывающий». Параллельный стих в версии Проповеди Луки это подтверждает: «Итак будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6:36). Мы призваны к совершенству в любви, то есть любить даже врагов своих милосердной, всеобъемлющей любовью Бога.

Новым для нас в призыве Христа является не только повеление быть скорее «совершенными», а не «святými», но и Его описание Бога, которому мы должны подражать. В Ветхом Завете это всегда звучало так: «Я Господь, который вывел вас из земли Египетской, чтобы быть вашим Богом; и посему будьте святы, ибо Я свят». Но теперь, во времена Нового Завета, мы должны следовать и подчиняться Ему не только как единственному Избавителю Израиля; это наш «Отец Небесный» (ст. 45,48). И послушание наше придет из сердец наших, как явление нашей новой природы. Ибо мы дети Божьи через веру во Иисуса Христа, и мы можем показать, чьими сынами являемся, лишь только выказывая семейное сходство, только когда мы становимся миротворцами, как Он (ст. 9), лишь когда мы любим всеобъемлющей любовью, как Он (ст. 45,48).

Две последние антитезы показывают движение вперед. Первое повеление отрицательное: «Не противься злumu»; второе положительное: «Любите врагов ваших» и ищите им добра. Первое является призывом к пассивному отказу от возмездия, второе – к активной любви. Как отмечал Августин, «многие освоили, как подставлять другую щеку, но не знают, как любить ударившего их». Мы должны идти дальше терпеливого служения, дальше отказа воздавать за зло к решению превозмочь зло добром. Альфред Пламмер с замечательной простотой свел все это воедино: «Воздавать злом за добро – по-дьявольски; воздавать добром за добро – по-человечески; воздавать добром за зло – по-божески» [141].

Разъясняя, Иисус ставит перед нами альтернативные модели, с помощью которых Он противопоставляет мирскую культуру и христианскую контркультуру. Нехристианской культуре присуща мысль о воздаянии, как о воздаянии за зло, так и о воздаянии за добро. Первое очевидно, ибо оно означает месть. Но второе иногда выпускается из виду. Иисус выразил это так: «И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность?» (Лк. 6:33). Во-первых: «Вы причиняете мне зло, и я причину вам зло», а во-вторых: «Вы делаете мне добро, и я сделаю вам добро», или (в более разговорной форме): «Ты – мне, я – тебе». Итак, воздаяние является путем мира сего; месть, с одной стороны, и благодарность, с другой, расплата за обиды и воздаяние за блага. Тогда мы квиты, мы больше не должники, мы разделались со всеми. Это черта гордеца, который не хочет быть должным никому. Это попытка навести в обществе порядок с помощью грубой и скорой на расправу справедливости, которой мы сами распоряжаемся, так что никто никоим образом не получит от нас чего-либо сверх.

Но не так будет в Царстве Божьем! Так ведут себя грешники, язычники и мытари. Это высший предел, до которого они могут подняться. Но он недостаточен высок для граждан Царства Божьего: «Что особенно делаете?» – спрашивает Иисус (ст. 47). Итак, модель, которую Он предлагает нам как альтернативу окружающему нас миру, – это Отец наш, что над нами. Так как Он добр к злым так же, как и к добрым, Его дети должны быть тоже такими. Жизнь ветхого (падшего) человечества основана на грубой справедливости, мести за обиды и расплате за блага. Жизнь нового (искупленного) человечества основана на божественной любви, отказе от мести и преодолении зла добром.

Иисус обвинил фарисеев в том, что они поставили два серьезных ограничения для любви. Конечно, они верили в любовь. Каждый верит в любовь. Да, но не в любовь к своим обидчикам, а также не в любовь к этим чужакам-язычникам. Дух фарисейства все еще жив. Это дух мести и национализма. Первый говорит: «Я буду любить прекрасных безобидных людей, но разделаюсь с вредящими мне». Второй утверждает: «Я буду любить своих родных и близких, но не ожидайте от меня любви к людям, которым нет до меня дела». В действительности Иисус ожидает от Своих последователей именно того, что, по мнению других, неразумно ждать. Он призывает нас избавиться от всех условных ограничений, которые мы любим налагать на любовь (особенно мстительность и национализм) и проявлять всеобъемлющую и творческую любовь, подобно Богу.

Если посмотреть на все шесть антитез, то станет ясно, что это за «большая» праведность, к которой призваны христиане. Это глубокая внутренняя праведность сердца, в котором Дух Святой запечатлел Божий закон. Это новый плод, в котором проявляется молодость дерева, новая жизнь. Итак, мы не можем избежать или уклониться от благородных требований закона. Это любимое занятие фарисеев; для христиан же характерно искреннее стремление к правде, постоянный голод и жажда. И эта правда, выраженная в чистоте, честности или в любви, покажет, чьи мы. Наше христианское призвание состоит в подражании не миру, но Отцу. Именно так христианская контркультура становится видимой.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 6:1-6, 16-18

Религия христианина: не лицемерная, а подлинная

Иисус начал Свое наставление на горе с изображения в заповедях блаженства существенных элементов христианского характера и продолжал Своими метафорами о соли и свете указывать на доброе влияние, которое христиане будут оказывать в обществе, если они проявят этот характер. Затем Он описал христианскую праведность, которая должна превзойти праведность книжников и фарисеев, приняв все указания Божьего закона, ни от чего не уклоняясь и не ставя искусственных ограничений. Христианская праведность неограничена. Ей нужно позволить проникнуть сквозь наши действия и слова к нашему сердцу, уму и помыслам и управлять нами даже в этих скрытых, тайных местах.

Далее Иисус продолжает Свое учение о «праведности». Глава 6 начинается (дословно): «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми». Используется слово (в соответствии с правильным прочтением) – *dikaiosune*, то же, что в 5:6,20. Однако, хотя слово и то же, изменился акцент. Ранее «праведность» относилась к доброте, чистоте, честности и любви; теперь она касается таких практик, как милостыня, молитва и пост. Таким образом, Иисус переходит от нравственной праведности христиан к их «религиозной» праведности. Большинство версий признают в своих переводах это изменение. ПНБ передает это так: «не практикуй свою набожность пред людьми», а НАБ – «остерегайся делать из своей религии зрелище для людей».

Важно признать, что христианская «праведность» обладает этими двумя измерениями: нравственным и религиозным. Некоторые говорят и ведут себя так, словно основная обязанность их как христиан – это религиозная активность, публичная (посещение церкви) или частная (упражнения в благочестии). Иные, напротив, говорят о «безрелигиозном христианстве». Для них церковь стала мирским градом, а молитва – встреча в любви с ближним. Но нет необходимости выбирать между набожностью и нравственностью, церковным религиозным благочестием и активным служением в миру, между любовью к Богу и любовью к ближнему, ибо Иисус учил, что подлинная христианская «праведность» включает и то, и другое.

Более того, Иисус неустанно призывает последователей Своих быть иными в обеих сферах праведности. В Мф. 5 Он учит, что наша праведность должна быть больше, нежели праведность фарисеев (так как они следуют букве закона, наше же послушание должно включать сердце); а также больше (в выражении любви) праведности язычников (ведь они любят друг друга, наша же любовь должна также включать наших врагов). Теперь, в 6 главе, Он говорит о «религиозной» праведности. Он берет сначала внешнюю религию фарисеев и говорит: «Не будьте, как лицемеры» (ст. 5). Затем Он переходит к механическому формализму язычников и говорит: «Не уподобляйтесь им» (ст. 8). И вновь христиане должны отличаться от фарисеев и язычников, религиозных и нерелигиозных, от церкви и мира. То, что христиане не должны приспособляться к миру, хорошо известно из Нового Завета. Однако не так

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org хорошо известно, что Иисус видел (и предвидел) мирской характер самой церкви и призывал Своих последователей не приспосабливаться также и к номинальной церкви, но быть истинной христианской общиной, в жизни своей и практике отличающейся от религиозного учреждения, быть *ecclesiola* (малой церковью) в Церкви (*ecclesia*). Существенное отличие, в религии и нравственности, в том, что подлинная христианская праведность – это не только внешняя видимость, но и одна из тайн сердца.

6:1 Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного.

Основное утверждение Иисуса звучит так: «не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас». На первый взгляд кажется, что эти слова противоречат Его прежнему повелению: «Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели...» (5:16). В обоих стихах Он говорит о добрых делах «пред людьми», и в обоих указана цель, то есть быть ими «замеченными». Но в первом случае Он повелевает это делать, во втором же – запрещает. Как же разрешить это несоответствие? Противоречие только в словах, а не в сути. Дело в том, что Иисус высказывается против различных грехов. Наша робость заставила Его сказать: «Да светит свет ваш пред людьми», а учитывая наше тщеславие, Он просил не показывать пред людьми свое благочестие. А. Б. Брюс, суммируя, пишет, что мы должны «показывать, когда появляется желание скрыть», и «скрывать, когда хотим показать»[142]. Наши добрые дела должны совершаться публично, так, чтобы свет наш светил; наше религиозное благочестие должно быть тайным, чтобы нам не хвалиться этим. Окончание обоих поучений Иисуса одинаково – слава Божья. Почему мы должны держать в тайне нашу набожность? А затем, чтобы слава воздавалась Богу, а не людям. Почему мы должны давать нашему свету светить и совершать добрые дела в открытую? Чтобы люди могли прославить нашего Небесного Отца.

Три примера «религиозной» праведности, приводимые Иисусом, – милостыня, молитва и пост – в той или иной форме присущи каждой религии. Конечно, предполагалось, что все евреи подают нищим, молятся и постятся, во всяком случае, так делали все набожные иудеи. Очевидно, Иисус ожидал от Своих учеников того же самого. Ибо Он не начинал каждый параграф «если подаете, молитесь, поститесь, то делайте это так», но «когда» делаете это (ст. 2,5,16). Он принимал как само собой разумеющееся, что они это делают.

Далее, эти три религиозные обязанности до некоторой степени отражают наш долг по отношению к Богу, к другим и к самим себе. Ибо творить милостыню – значит пытаться служить своему ближнему, особенно нуждающемуся. Молиться – значит искать лик Божий и признавать нашу от Него зависимость. Поститься (то есть воздерживаться из духовных соображений от пищи) – имеется в виду, по крайней мере частично, путь отречения и, таким образом, самодисциплины. Иисус не поднимает вопроса о том, принимать ли в этом участие Его ученикам, но, допуская, что они будут это делать, учит их, почему и как это делается.

Три параграфа построены по одному образцу. В ярких и сознательно юмористических образах Иисус изображает религиозность лицемера. Это показной путь. Такие получают желаемую награду – аплодисменты людей. Этому Он противопоставляет христианский путь, который втайне, и единственная награда, которую желают христиане, – это благословение Бога, Небесного их Отца, видящего тайное.

1. Христианское пожертвование (ст. 2–4)

2 Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. 3 У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, 4 чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

В Ветхом Завете много говорится о сострадании к бедным. Греческое слово для обозначения милостыни в стихе 2 (*eleemosune*) означает проявление милосердия или жалости. Так как Бог наш милосерден, как только что подчеркнул Иисус, «благ к неблагодарным и злым» (Лк. 6:35,36; см.: Мф. 5:45,48), люди Его тоже должны быть добры и милосердны. Очевидно, Иисус ожидал, что ученики Его будут щедрыми. Слова Его осуждают «эгоистическую скупость многих», как отмечает Райл[143].

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
Однако одной щедрости недостаточно. Везде в Проповеди Господь наш озабочен мотивацией, тайными сердечными помыслами. В Своем разъяснении шестой и седьмой заповедей Он показал, что как убийство, так и прелюбодеяние могут быть совершены в нашем сердце, причем неукротимый гнев является своего рода убийством в сердце, а похотливые взгляды – сердечным прелюбодеянием. Когда речь идет о пожертвовании, Он тоже заботится о тайных помыслах. Вопрос не столько в том, что делает рука (протягивая деньги или чек), но что мы думаем в сердце своем в то время, как рука это исполняет. Тут есть три возможности. Мы или ищем похвалы от людей, или сохраняем анонимность, но при этом хвалим сами себя, или же стремимся единственно к одобрению нашего Отца Небесного.

Сильное желание получить человеческую похвалу было главнейшим грехом фарисеев. «Вы... друг от друга принимаете славу, – сказал им Иисус, – а славы, которая от единого Бога, не ищите» (Ин. 5:44). Подобным же образом комментировал евангелист Иоанн: «Ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию» (Ин. 12:43). И настолько ненасытимым было их желание человеческой похвалы, что это сводило на нет духовное значение их пожертвований. Иисус высмеивает их за то, что они превратили это в публичное представление. Он изображает напыщенного фарисея, который направляется в храм, чтобы опустить деньги в специальную коробку, или собирается дать бедняку милостыню. Перед ним шествуют трубачи, дуют в фанфары и привлекая толпу. «В качестве оправдания, – комментирует Кальвин, – они утверждали, что это предназначено для того, чтобы созвать бедняков, но было совершенно очевидно, что они хотят лишь получить аплодисменты и похвалу» [144]. Поступали ли так фарисеи буквально, или Иисус рисовал забавную карикатуру, в действительности не играет роли. В любом случае, Он указывал на нашу детскую озабоченность высокой оценкой людей. Как отметил Сперджен, «стоять с копейкой в одной руке и с трубой – в другой – вот поза лицемера» [145].

Описывая эту сцену, Иисус использовал слово «лицемерие». В классическом греческом слово *hypokrites* обозначало сначала оратора, а потом актера. Затем слово стало применяться для обозначения кого-либо, считающего мир сценой, на которой он исполняет роль. Он заменяет свою истинную сущность на фальшивую. Он больше не является самим собой, он переодет и играет кого-либо другого. Он носит маску. Теперь в театре актеры, играющие свои роли, никого не вводят в заблуждение. Это принятая условность. Зрители знают, что они пришли на драму; они не вовлекаются в нее. Проблема же религиозного лицемера в том, что он сознательно пытается обмануть людей. Он подобен актеру в своей цели (то, что мы видим, это не действительная личность, но роль, маска, грим). Однако он совершенно отличается от актера вот в каком отношении: он использует какую-нибудь действительную религиозную практику и превращает ее в то, чем она никогда не должна была быть, а именно, в часть театрального представления перед зрителями. И все это делается ради аплодисментов.

Легко потешаться над этими фарисеями первого века. Наше христианское фарисейство не столь забавно. Мы можем обойтись и без армии трубачей, когда даем на церковь или на дела милосердия. Однако, используя известное изречение, мы любим «трубить в свою собственную трубу». То, что мы видим наше имя в числе подписчиков, жертвующих на дела милосердия, и тех, кто поддерживает добрые начинания, наполняет нас гордостью. Мы подвергаемся тому же самому искушению: пытаемся привлечь внимание к себе, чтобы «быть прославляемыми людьми».

О таких людях Иисус говорит: «Они уже получили награду свою». Глагол, переведенный как «получать» (*archo*), в то время был техническим термином, который использовался в коммерческих сделках; он обозначал: «получить сумму полностью и дать за это расписку» (АГ). Часто он так использовался в папирусах. Поэтому лицемеры, ищущие аплодисментов, получают их, получив тем самым «всю награду, к которой они стремились» (ДБФ). И ничего им больше не осталось, кроме суда в последний день.

Запретив Своим последователям подавать нуждающимся так же, как это делали фарисеи, Иисус показывает нам христианский путь – тайный. Он выражает его другим отрицанием: «Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне». Правая рука – это обычно активная рука. Поэтому Иисус допускает, что мы будем ею пользоваться, передавая наши пожертвования. Затем Он добавляет, что наша левая рука не должна наблюдать. Нетрудно понять, что Он имел в виду. Мы не

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org только не должны рассказывать другим об этом, но в некотором смысле мы не должны рассказывать сами себе. Мы не должны видеть себя со стороны, ибо это немедленно превратится в осознание своей праведности. Греховность сердца так трудно различима, что можно, сделав свой дар втайне от людей, одновременно думать о нем, испытывая при этом удовольствие от своего поступка.

Милостыня – это реальная деятельность, в которую вовлечены живые люди, находящиеся в действительной нужде. Целью ее является облегчение жизни нуждающимся. Греческое слово, обозначающее милостыню, указывает на то, что это дело милосердия. Однако акт милосердия можно превратить в действие, побудительным мотивом в котором является не благо человека, получающего дар, но наше собственное благо. Бескорыстная забота о благе других вытесняется самовлюбленностью.

Поэтому, чтобы «умертвить» наше грешное тщеславие, Иисус призывает нас держать свое действие втайне от самих себя, а также от других. «Этими словами: «пусть твоя левая рука не знает, что делает правая», – пишет Бонхёффер, – Иисус «оповещал о смерти ветхого человека»[146]. Эгоцентризм присущ жизни ветхой; новая жизнь во Христе является жизнью нерасчетливой щедрости. Конечно, этому повелению Иисуса невозможно следовать буквально. Если мы производим подсчеты и планируем наши пожертвования, как и должны поступать сознательные христиане, необходимо знать, сколько мы даем. Мы не можем закрыть свои глаза, выписывая чеки! И тем не менее, как только вы принесли свои пожертвования, о них следует забыть, – это и будет соответствовать учению Иисуса. Мы не должны об этом вспоминать, чтобы не заниматься самолюбованием. Христианское пожертвование пусть будет отмечено самопожертвованием и самозабвением, а не самовосхвалением.

Давая нуждающимся, мы должны искать не людской похвалы и не повода к самовосхвалению, но одобрение Бога. Именно это имеет в виду Господь наш, когда говорит о нашей правой и левой руке. «Этим выражением, – пишет Кальвин, – Он показывает, что мы должны быть удовлетворены, имея Бога своим единственным свидетелем»[147]. Мы можем сохранить свой дар втайне от других и, до некоторой степени, втайне даже от самих себя, но мы не можем сохранить это втайне от Бога. Никакие тайны от него не сокрыты. Итак, «Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Некоторые не принимают этого учения Иисуса. По их утверждению, они не хотят и не ждут никакой награды ни от кого. Более того, им кажется, что Господь проявляет непоследовательность в этом вопросе. Сначала Он запрещает ждать от других и от самих себя похвалу, а затем повелевает ждать ее от Бога. Не изменится ли при этом одна форма тщеславия на другую? По их мнению, если мы ждем похвалу от Кого бы то ни было – от человека, от самого себя или от Бога, – значит мы обесцениваем акт пожертвования.

Подобные аргументы ошибочны, во-первых, потому, что не учитывается природа наград. Когда люди утверждают, что им не нравится мысль о наградах, я подозреваю, что они представляют себе картину выдачи призов в школе: серебряные трофеи, аплодирующая аудитория... Этому могут способствовать слова: «воздаст тебе явно». Однако это наречие (явно) можно было бы опустить. Противопоставляется не тайный дар и публичная награда, а люди, которые не видят этот дар и не награждают за него, и Бог, который и видит, и награждает.

К. С. Льюис со знанием дела писал в эссе «Бремя славы»: «Нас не должны беспокоить слова неверующих, когда они говорят, что это обещание награды превращает христианскую жизнь в торговую сделку. Награда награде рознь. Бывают награды, которые напрямую не связаны ни с самим действием, ни с побудительными мотивами. Например, деньги не являются естественной наградой любви, поэтому мы называем человека, который вступает в брак по расчету, корыстолюбивым. Но сам брак является соответствующей наградой истинной любви». Также можно сказать, что серебряный кубок не слишком достойная награда для школьника, который напряженно трудился в течение долгих лет в школе, лучшей наградой для него может стать учеба в университете. К. С. Льюис так заключает свою аргументацию: «Истинные награды не просто являются неким дополнением к завершённой деятельности – они являются завершением самой деятельности»[148].

Что же это за «награда», которую дает Отец Небесный? Безусловно, она не относится к нашей видимой жизни, но и не рассчитана на отдаленное будущее.

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
Единственная награда, которую может желать подлинная любовь, – это осознание, что благодаря твоему пожертвованию чья-то нужда удовлетворена. Именно любовь побуждает нас делиться с другими, и когда с помощью наших даров голодные накормлены, нагие одеты, больные исцелены, угнетенные освобождены и погибшие спасены, тогда любовь (являющаяся любовью Бога, выраженной через человека) приносит свои собственные тайные радости и не желает никакой другой награды.

Обобщая, можно сказать, что наше христианское жертвоприношение не должно совершаться ни перед людьми (в ожидании аплодисментов), ни даже перед самими собой (левая рука, аплодирующая щедрости правой), но только «перед Богом», видящим наше сердце и награждающим нас пониманием, что «блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20:35).

2. Молитва христианина (ст. 5, 6)

5 И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

6 Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

В своем втором примере, говоря о «религиозной» праведности, Иисус изображает двух молящихся людей. И снова подчеркивается различие между лицемерием и искренностью. Иисус противопоставляет побудительные мотивы и конечный результат молитвы.

То, что Он говорит о лицемерах, вначале звучит прекрасно: «Они любят... молиться». Но, к несчастью, они не любят ни молитву, ни Бога, Которому они молятся. Нет, они любят самих себя и используют молитву как возможность покрасоваться перед публикой.

Конечно, регулярная молитва имеет свои плюсы; все благочестивые иудеи молились трижды в день, подобно Даниилу (Дан. 6:10). И нет ничего предосудительного в том, что они молились стоя, это была обычная молитвенная поза у иудеев. Безусловно, можно было молиться и «на углах улиц», и «в синагогах», если мотивом было стремление покончить с изоляцией и вынести свое признание Бога в мирскую жизнь будней. Но Иисус открыл их истинное намерение – за их набожность просматривалась гордыня. В действительности они желали аплодисментов. И они их получали. «Они полностью получили награду свою» (НМВ).

Религиозное фарисейство живо и сейчас. Можно посещать церковь, руководствуясь той же ложной мотивацией, которая побуждала фарисеев ходить в синагогу, – не поклонение Богу, а стяжание репутации благочестивых. Подобным же образом можно хвалиться своими упражнениями в благочестии. Всякая лицемерная практика извращает изначальную суть религиозных действий. Восхваление Бога, как и жертвоприношение, является подлинным актом благочестия. Скрытый мотив разрушает все. Он низводит служение Богу и людям до служения самому себе. Религия и милосердие становятся показным действием. Как же мы можем утверждать, что славим Бога, когда в действительности заботимся о людском одобрении?

Как же тогда должны молиться христиане? «Войди в комнату твою и затвори дверь», – сказал Иисус. Мы должны закрыть дверь, чтобы нам не мешали, чтобы не отвлекаться, закрыться от любопытствующих человеческих взглядов, запереться вместе с Богом. Лишь тогда мы можем исполнить следующее повеление Господа: «Помолись Отцу твоему, который втайне», или, как разъясняет это Иерусалимская Библия, «который находится в этом потайном месте». Отец наш там, Он готов нас приветствовать. Ничто так не разрушает молитву, как присутствие зрителей, и ничто так не обогащает ее, как присутствие Бога. Ибо Он смотрит не только на внешность, но и на сердце, видит не только молящегося, но и побудительные мотивы. Сущность христианской молитвы состоит в поиске Бога. За всякой истинной молитвой стоит разговор» начатый Богом:

«Сердце мое говорит от Тебя: «ищите лица Моего»; и я буду искать лица Твоего, Господи»
(Пс. 26:8).

Мы ищем Его в тишине, чтобы узнать Его как Личность, которой Он является: Бог–Творец, Бог–Господь, Бог–Судья, Бог наш Небесный Отец благодаря Иисусу Христу, Спасителю нашему. Мы жаждем встретить Его в тайном месте, чтобы обратиться к Нему в смиренном поклонении, любви и уповании. «Тогда, – продолжает Иисус, – Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно». Р. В. Г. Таскер отмечает, что греческое слово, обозначающее «комнату», в которую мы должны удалиться на молитву (*tameion*), «использовалось для обозначения кладовой, где можно было держать драгоценности». Это может означать, что «существуют сокровища, ожидающие нас», когда мы молимся. Как многочисленны награды за такую молитву! По словам Апостола Павла, когда мы взываем «Авва, Отче», Дух Святой свидетельствует нашему духу, что мы дети Божьи, и нам дается мощное подтверждение Его отцовства и любви (Рим. 5:5; 8:16). Он обращает лицо Свое к нам и дает нам мир Свой (Чис. 6:26). Он освежает душу нашу, утоляет наш голод и жажду. Мы знаем, что мы больше не сироты, ибо Отец усыновил нас; не блудные сыны, ибо мы были прощены; не потеряны, ибо вернулись домой.

Но не следует доходить до крайностей, чтобы не оказаться виновными в том самом фарисействе, против которого Иисус нас предостерегает. Здесь не говорится о том, что все наши молитвы должны твориться втайне, в противном случае мы вынуждены были бы отказаться от посещения церкви, семейных молитв и молитвенных собраний. Замечание Иисуса относится к личной молитве. Греческие слова стоят в единственном числе, как указывается в АВ: «Но ты, когда молишься, войди в свой чулан... запри дверь твою, молись Отцу твоему». Когда же Иисус будет говорить об общей молитве, то речь пойдет во множественном числе – «Отче наш», и едва ли можно так молиться в одиночку, тайно.

Не углубляясь в тонкости «тайной» молитвы, мы должны помнить, что целью Иисуса в данном случае является желание очистить побудительные мотивы нашей молитвы. Жертвуя, мы должны руководствоваться подлинной любовью к людям, а молиться нам нужно, руководствуясь истинной любовью к Богу. Мы никогда не должны использовать эти ритуалы как благочестивое прикрытие нашей любви к самому себе.

3. Пост христианина (ст. 16–18)

16 Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры; ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. 17А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, 18 чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцем твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Фарисеи постились «дважды в неделю» (Лк. 18:12), по понедельникам и четвергам. Иоанн Креститель и ученики его также постились регулярно, и даже «часто», а ученики Иисуса – нет (Мф. 9:14; Лк. 5:33). Но вот что интересно, в этих стихах Нагорной проповеди говорится о том, что Иисус не только предполагает, что последователи Его будут поститься, но и указывает им, как это следует делать! Этот отрывок из Писания обычно игнорируют. Я подозреваю, что некоторые из нас ведут свою христианскую жизнь так, как будто эти стихи вообще не существуют в Библии. Большинство христиан концентрирует свое внимание на ежедневной молитве и пожертвовании, но немногие соблюдают пост. В особенности евангельские христиане, которые делают акцент на внутренней религии сердца и духа, с трудом воспринимают такую практику, как пост. Может быть, этот обряд, введенный Моисеем в день покаяния и впоследствии используемый по случаю некоторых других годовщин, имеет отношение лишь к ветхозаветным временам, но теперь отменен Христом? Разве не спрашивали Иисуса: «Почему ученики Иоанна и ученики фарисеев постятся, но Твои ученики не постятся?» А может быть, пост практиковался лишь в римско-католической церкви, ведь именно там в Средневековье был разработан точный календарь «праздников» и «постов»? Для многих пост также ассоциируется с суеверным взглядом на мессу и «причащением натошак».

На все эти вопросы мы можем ответить утвердительно. Но нельзя избирательно подходить к познанию и использованию Писания и церковной истории. Существуют и некоторые другие факты: Сам Иисус, Господь наш и Учитель, постился сорок дней и ночей в пустыне; в ответ на заданный Ему людьми вопрос Он сказал: «Когда отнимется у них жених, и тогда будут [ученики Мои] поститься» (Мф. 9:15). В нагорной проповеди Он сказал нам, как следует

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org поститься, предполагая, что мы будем это делать. И в Деяниях, и в новозаветных посланиях есть несколько упоминаний о постящихся Апостолах. Поэтому мы не можем отвергнуть пост, как ветхозаветную практику, отмененную в Новом, или католическую практику, отмененную протестантами.

Что же такое тогда пост? Строго говоря, это полное воздержание от пищи. Однако, если трактовать это понятие шире, оно может означать, вполне обоснованно, частичное или полное воздержание от принятия пищи в течение более или менее длительного периода времени. Отсюда, конечно, и название завтрака в английском языке («breakfast»), так как мы, завтракая, «прерываем наш пост» («break our fast»), то есть ночной период, когда мы ничего не едим.

Без сомнения, в Писании пост различным образом связан с самоотречением и самодисциплиной. Во-первых, и прежде всего, выражения «поститься» и «смириться пред Богом» являются, фактически, эквивалентными терминами (см.: Пс. 34:13; Ис. 58:3,5). Иногда это служило выражением покаяния за грех. Когда люди глубоко сокрушались о своем грехе и вине, они рыдали и постились. Например, Неемия собрал народ «постящимся и во вретисах», и они «стояли и исповедали грехи свои»; ниневитяне покаялись от проповеди Ионы, объявили пост и оделись во вретиса; Даниил обратился к Богу «с молитвою и молением, в посте и вретисе и пепле», он молился Господу Богу своему и исповедовал грехи своего народа; и Савл из Тарса после своего обращения, раскаиваясь в своем преследовании Христа, три дня не ел и не пил (Неем. 9:1,2; Ин. 3:5; Дан. 9:2 и дал.; 10:2 и дал.; Деян. 9:9).

Иногда даже сегодня, когда люди Божьи сознаются в грехе и стремятся к покаянию, вполне допустимо по обычаю плакать, рыдать и поститься. Вот как в Англиканском Поучении, названном «О добрых делах, и прежде всего о посте», предлагается применять слова Иисуса «когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься». Если мы радуемся, пребывая в Иисусе и осознавая свое спасение, значит Христос – Жених – пребывает «с нами» и мы присутствуем на брачном пире. Но если мы угнетены, потеряли надежду, испытываем горечь и внутреннее сопротивление, то Жених «взят от нас» и пир прекращен. «Тогда самое время, – говорится в Поучении, – для такого человека в посте смирить себя пред Богом Всемогущим и оплакать грехи свои с печалью в сердце»[149].

Однако мы должны смиряться перед Богом, не только раскаиваясь за прошлые грехи, но и осознавая зависимость от Него и рассчитывая на милость в будущем. И именно пост может выразить наше смирение перед Богом. Ибо если «покаяние и пост» сопутствуют друг другу в Писании, «молитва и пост» встречаются вместе еще более часто. Это не столько регулярная практика, сколько специальное мероприятие, когда мы, вынужденные обратиться к Богу за особым руководством или благословением, с помощью поста стараемся избежать моментов, способных отвлечь нас. Так постился Моисей на горе Синай после возобновления завета, когда Бог сделал Израиль Своим народом; Иосафат, видя армии Моава и Аммона, наступающие на него, «обратил лицо свое взискать Господа и объявил пост по всей Иудее»; царица Есфирь перед тем, как приблизиться к царю, сказала Мардохею собрать иудеев и «поститься» ради нее, и она сама, и ее служанки сделали то же самое; Ездра «провозгласил пост» перед тем, как вести изгнанников обратно в Иерусалим, «чтобы смириться... пред лицом Бога... просить у Него благополучного пути»; также и Сам Господь Иисус, как уже упоминалось, постился непосредственно перед началом Своего служения; ранняя церковь последовала Его примеру, церковь Антиохийская – перед тем, как Павел и Варнава были посланы в первое миссионерское путешествие, и сами Павел и Варнава – перед назначением старших в каждую новую церковь (Исх. 24:18; 2 Пар. 20:1 и дал.; Есф. 4:16; Езд. 8:21 и дал.; Мф. 4:12; Деян. 13:1–3; 14:23). Совершенно очевидно, что особые предприятия нуждаются в особых молитвах, и эти особые молитвы, конечно, могут включать и пост.

Для поста существует и другая причина. Голод является одним из основных человеческих инстинктов, а алчность – одним из основных человеческих грехов. Так, «самоконтроль» включает в себя и умение контролировать наши физические потребности, он невозможен без самодисциплины. Павел использует в качестве примера атлета. Чтобы участвовать в соревнованиях, он должен быть физически подготовлен, и поэтому он тренируется. Его тренировка включает в себя и сбалансированный режим питания, сна и упражнений: «все подвижники воздерживаются от всего». И христиане должны делать то же. Павел пишет об «усмирении» тела своего и «порабощении» его (1 Кор. 9:24–27). У нас нет причин «наказывать» наши тела (ибо они создание Божье), но мы

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org должны их дисциплинировать, чтобы они нам подчинялись. И пост (добрее вольное воздержание от пищи) является одним из путей к укреплению нашего самообладания.

Есть и еще одна причина, которая подтверждает необходимость поста, а именно: мы должны уметь сознательно делиться пищей (или затраченными на это деньгами) с голодающими. Этому есть библейское подтверждение. Иов, например, мог сказать, что он не «один... съедал кусок» свой, но делился с сиротами и вдовами (Иов. 31:16 и дал.). В противоположность этому, Бог, осудив через Исая лицемерный пост жителей Иерусалима, жаловался на то, что они искали для себя удовольствия и угнетали своих работников «в день поста своего». В их религии не было справедливости и любви. Поэтому Бог сказал: «Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды... угнетенных отпусти на свободу... Раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом...» (Ис. 58:1 и дал.). Иисус тоже имел в виду нечто подобное, когда рассказывал о богаче, ежедневно роскошно пирующем, и о нищем, который лежал при воротах его, желая поесть крошек, падающих с его стола (Лк. 16:19–31).

Нетрудно найти более современные случаи. В Англии в XVI веке по определенным дням воздерживались от мяса, а вместо этого ели рыбу, и делалось это не церковью, а государством с целью помочь «приморским рыбацким городкам», сохранив таким образом «более умеренные цены на продукты и поддержав бедняков» [150]. Сегодня существуют миллионы голодающих в некоторых развивающихся странах. Мы можем устраивать иногда (или, лучше, регулярно) «разгрузочный завтрак», или вообще не есть раз-два в неделю (избавляясь таким образом от излишнего веса), соблюдая вполне приемлемый пост и выражая тем самым солидарность с бедными.

Итак, учитывая все сказанное, мы можем соблюдать пост при покаянии или молитве, для самодисциплины или из солидарности с нуждающимися. Но главное, мы должны помнить, какое значение придавал посту Иисус, заранее предполагая, что пост займет свое место в нашей христианской жизни. Он указывал на то, что во время поста, так же как во время молитвы и пожертвования, мы не должны, подобно лицемерам, привлекать к себе внимание. «Ибо они принимают на себя мрачные лица», стараясь выглядеть унылыми. Слово *arhanizo*, переведенное как «мрачные», а в английском варианте – «искаженные», буквально означает «скрывать» и поэтому «делать неузнаваемым» (АГ). Возможно, они пренебрегали личной гигиеной, или надевали вретисце, или даже посыпали лица свои пеплом, чтобы выглядеть бледными, измученными, отрешенными и поэтому исключительно святыми. И все это для того, чтобы пост их был виден и известен каждому. Их награда в данном случае – восхищение зрителей. «А что же касается вас, ученики Мои, – продолжал Иисус, – то, когда поститесь, помажьте головы свои (то есть «расчешите волосы») и умойте лица свои» (ДБФ). Как видите, Иисус не предлагает ничего необычного, Он не просит, например, выказывать особую веселость. Ибо, как справедливо замечает Кальвин, «Христос не стремится отвлечь нас от одного рода лицемерия, чтобы привлечь к другому» [151]. Он имеет в виду, что и во время поста они будут «мыться и причесываться» ежедневно, так же, как обычно, чтобы никто не догадался, что они постятся. Ибо «тогда Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно». Ведь целью поста является не самореклама, а самодисциплина, не стремление завоевать себе репутацию святых, а желание выразить перед Богом наше смирение и проявить заботу о других, о нуждающихся. Если будут исполнены эти условия, то это и станет достаточной наградой.

Итак, везде в этих стихах Иисус противопоставляет два альтернативных вида набожности, фарисейскую и христианскую. Фарисейское благочестие – показное, оно мотивировано тщеславием и награждается людьми. Христианское благочестие – тайное, оно обусловлено смирением и награждается Богом.

Чтобы еще яснее представить себе эти альтернативы, полезно будет взглянуть на побудительные мотивы и результаты. Во-первых, посмотрим на результаты. Лицемерная религия порочна, так как она пагубно влияет на личность. Нет сомнения в том, что молитва, пожертвование и пост – все это подлинная деятельность, верная по сути своей. Молиться – значит искать Бога, жертвовать – значит служить другим, поститься – значит дисциплинировать себя. Но в результате лицемерия искажается сущность этих действий и истинная цель превращается в повод для самовосхваления.

А каковы же тогда побудительные мотивы? Если нам удастся это понять, то мы сможем также найти и средство, которое поможет нам не впасть в лицемерие.

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
В этом отрывке рефреном звучат такие слова: «...пред людьми с тем, чтобы они видели вас и прославляли». Но лицемер одержим желанием угодить не людям, а самому себе. «В конце концов, – пишет доктор Ллойд-Джонс, – единственной причиной, по которой мы стремимся угодить людям, является наше желание угодить самим себе»[152]. Итак, средство против лицемерия найдено: мы должны осознавать Бога настолько, чтобы перестать осознавать себя. Именно на этом сосредоточивает наше внимание Иисус.

Я бы сказал, что никто из нас не сможет полностью укрыться от зрителей – ни в делах, ни в словах, ни в мыслях. Ибо если даже рядом нет никого из людей, то на нас смотрит Бог. Не как некий небесный полицейский, который старается поймать нас, а как любящий Отец Небесный, ищущий возможность благословить нас. Вопрос вот в чем: какой же из наблюдателей значит для нас больше – земной или небесный, люди или Бог? Лицемер исполняет ритуалы свои, «чтобы его видели люди». Здесь используется греческий глагол *theathenai*. То есть они действуют так, словно находятся в театре и показывают представление. Их религия – это публичный спектакль. Истинный христианин тоже знает, что за ним наблюдают, но его зрителем является Бог.

Так в чем же тут дело, почему разная аудитория оказывает различное влияние? Дело в том, что мы можем ввести в заблуждение человеческую аудиторию; они могут увлечься нашим представлением. Мы можем их одурачить настолько, что они будут думать, будто мы действительно жертвуем, молимся, постимся, в то время как мы только лишь играем. Но над Богом нам не удастся посмеяться; мы не сможем обмануть Его. Ибо Бог взирает на сердце. Вот почему, когда мы делаем что-либо с целью получить одобрение людей, мы уничтожаем истинное значение этих дел, но если мы хотим, чтобы нас видел Бог, мы повышаем их ценность.

Поэтому мы должны быть осторожнее, выбирая себе зрителей. Если мы предпочтем людей, то лишимся своей христианской целостности. То же случится, если мы сами станем своей собственной аудиторией. Как сказал об этом Бонхёффер: «Будет еще хуже, если я сам превращусь в зрителя своего собственного молитвенного представления.. Я могу показать очень милое зрелище самому себе даже в своей собственной комнате»[153]. Поэтому мы должны своей аудиторией избрать Бога. Как Иисус смотрел на людей, которые клали дары свои в храмовую сокровищницу (Мк. 12:41 и дал.), так и Бог взирает на нас, когда подаем мы. Когда мы молимся и постимся втайне, то и Он тоже находится там, в потайном месте. Бог ненавидит лицемерие, но любит искренность. Поэтому лишь только когда мы осознаем Его присутствие, наши пожертвования, молитва и пост будут подлинными.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 6:7–15

Христианская молитва: не механическая, но осмысленная

7 И молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; 8 Не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у него. 9 Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; 10 да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; 11 Хлеб наш насущный дай нам на сей день; 12 и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; 13 И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь. 14 Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; 15 А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.

Лицемерие – не единственный грех, которого надо избегать в молитве; другим является «произнесение всуе» – бессмысленное, механическое повторение. Первое присуще фарисею, второе – язычнику (ст. 7). Лицемерие – это неверное использование цели молитвы (стремление не к славе Божьей, а к собственной славе); многословие – это неверное употребление самой сущности молитвы (когда реальное личное общение с Богом низводится до уровня простого повторения слов).

И вновь Иисус использует метод контраста, сравнивая две альтернативы, чтобы яснее обозначить Свой путь. Что касается практики благочестия, то Он противопоставил фарисейскому пути (показному и эгоистичному) путь христианский (тайный и божеский). Что же касается практики молитвы, Он противопоставляет языческий путь бессмысленного многословия христианскому

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org пути содержательного общения с Богом. Иисус всегда призывает Своих последователей добиваться больших результатов по сравнению с окружающими их людьми, религиозными или мирскими. Он подчеркивает, что христианская праведность выше (так как она внутренняя), христианская любовь шире (так как включает и врагов), а христианская молитва глубже (ибо она искренняя и осмысленная).

1. Молитва язычников

«Не говорите лишнего, как язычники», – говорит Он (ст. 7). Греческий глагол *battalogo* крайне редко встречается в библейской литературе, собственно говоря, вообще неизвестно, чтобы этот глагол использовался где-нибудь еще, кроме этого стиха. Поэтому не очень ясно ни его происхождение, ни значение. Некоторые (например, Эразм Роттердамский) предполагают, «что слово произошло от имени Киренейского царя Батта, который, как говорят, заикался (по Геродоту); другие – от Батта, автора скучных многословных поэм»[154]. Но это уж немного чересчур. Большинство считают это оноματοпоэтическим словом – «слово, образованное посредством звукоподражания». Поэтому *battarizo* означало заикаться; и любой иностранец, речь которого звучала для греческого уха как непрерывное повторение слова «бар», назывался *barbaros*, отсюда – варвар. Возможно, что то же произошло и с *battalogo*. Уильям Тиндейл был первым переводчиком, который употребил в качестве эквивалента этому слову английское звукоподражание «ифииду» (лепетать, бормотать), это слово было использовано в НАБ: «Не бормочите, как язычники».

Известный перевод «не повторяйте все» (АВ), таким образом, может ввести в заблуждение, пока не станет ясным, что акцент делается скорее на слове «все», нежели на слове «повторение». Иисус не мог запрещать любое повторение, так как Он Сам повторял Свою молитву, а именно, в Гефсимании, когда Он «отошел опять и помолился в третий раз, сказав то же слово» (Мф. 26:44). Он одобряет упорство и даже настойчивость в молитве; осуждает Он многословие, когда «говорят не думая» (АГ). Понять это поможет выражение «нагромождение пустых фраз» (ПНВ). Речь идет о молитве, слова которой не имеют смысла, когда участвуют только губы, а ум и сердце бездействуют. В том же стихе 7 *battalogia* объясняется как *polulugia*, то есть «многословие», поток механических и бессмысленных слов.

Как же мы должны применять сегодня это запрещение нашего Господа? Возможно, оно распространяется на бездумное пользование четками, когда лишь перебираются бусины и повторяются слова, что скорее рассеивает, нежели концентрирует ум. Применимо ли это также к литургическим формам богослужения? Возможно, ибо использование определенных форм молитвы позволяет приближаться к Богу губами, а сердце при этом остается далеко от Него. Но и в импровизированной молитве можно использовать «пустые фразы» и употреблять религиозные шаблоны, мысленно блуждая при этом. Подводя итоги, можно сказать, что Иисус запрещает народу Своему любую устную молитву, если в нее не включены ум и сердце.

Следующие слова показывают, насколько нелепа такая молитва: «ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны». НАБ: «Они воображают, что чем больше они говорят, то тем больше вероятность быть услышанным». Какая ложь! Что же это за Бог, на Которого производит впечатление в основном техника молитв и количество слов и времени, затраченных на нее?

«Не уподобляйтесь им», – говорит Иисус (ст. 8). Почему? Потому что Бог, в Которого верят христиане, не таков. То есть мы не должны делать, как они, потому что не должны так же, как они, думать. Наоборот, «знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него». Он не невежда, чтобы нам давать Ему указания, и не колеблющийся, чтобы нам нужно было убеждать Его. Он наш Отец – Отец, любящий детей Своих и знающий все их нужды. Если же это так, может спросить кто-нибудь, то какой толк в молитве? Пусть на ваш вопрос ответит Кальвин: «Верующие молятся не затем, чтобы информировать Бога о чем-то, Ему неизвестном, или чтобы убедить Его выполнить Свой долг, или заставить Его исполнить то, что Он бы делал с неохотой. Наоборот, они молятся, чтобы, встретившись с Ним, укрепиться в своей вере, размышляя об обетованиях Его, чтобы освободиться от забот своих, возложив их на Него; одним словом, чтобы они могли сказать, что лишь от Него одного они надеются и ожидают для себя и для других всяческих благ»[155]. Лютер сказал об этом еще более сжато: «В своих молитвах... мы наставляем самих себя более, чем Его»[156].

Если молитва фарисеев была лицемерной, а язычников – механической, тогда молитва христиан должна быть действительной, искренней и осмысленной. Иисус хочет, чтобы наш ум и сердце участвовали в том, что мы говорим. Тогда молитва видна в своем Истинном свете – не как бессмысленное повторение слов, не как средство к прославлению самих себя, но как истинное общение с Отцом нашим Небесным.

Так называемая «Молитва Господня» была дана Иисусом как образец подлинной христианской молитвы. По Матфею, Он дал ее как образец для подражания («молитесь же так»), по Луке – как речевой оборот (Лк. 11:2: «Когда молитесь, говорите...»). Мы же можем пользоваться ею и как написанной молитвой, и как образцом для создания своей собственной.

Существенная разница между молитвами фарисеев, язычников и христиан состоит в том, какому Богу мы молимся. Возможно, иные боги любят механические распевы; но не живой и истинный Бог, явленный Иисусом Христом. Иисус сказал нам обращаться к Нему (буквально) «Отче наш на небесах». Это подразумевает, во-первых, что Он – Личность, так же, как я – это «Я». Возможно, что Он, по известному выражению К. С. Льюиса, «сверхличность», но наверняка не меньше личности. Одна из причин, по которой современные радикальные теологи отвергают попытки реконструировать учение о Боге, состоит в том, что они отрицают Его способность к личностному самовыражению. Концепция о Боге как об «основе нашего (человеческого) бытия» попросту не согласуется с понятием о Его божественном отцовстве. Бог такая же личность, как и мы, даже более этого. Во-вторых, Он является любящим. Он не людоед-великан, пугающий нас ужасной жестокостью, и не такой отец, о котором мы иногда читаем или слышим – самовластный, хулиган, пьяница, – но Он Сам является воплощением идеала отцовства в Своей любящей заботе о детях Своих. В-третьих, Он могуществен. Он не только добр, но и велик. Слова «на небесах» обозначают не столько место Его пребывания, сколько Его власть и силу Его повеления как Создателя и Правителя всех вещей. Таким образом соединяет Он отцовскую любовь с небесной властью: Его любовь повелевает, а власть Его в состоянии исполнить.

Заповедуя нам обращаться к Богу как к «нашему Отцу на небесах», Иисус заботится не о протоколе (обучая нас правильному этикету в обращении с Божеством), но об истине (чтобы мы предстали пред Ним в верном умонастроении). Мы поступим весьма мудро, если, прежде чем молиться, проведем некоторое время, вспоминая о том, кто Он. Лишь тогда придем мы к нашему любящему Отцу Небесному с подобающим смирением, преданностью и упованием.

После того как мы сориентируемся по отношению к Богу и вспомним, что Бог наш – это личностный, любящий, сильный Отец, содержание наших молитв кардинально изменится двояким образом. Во-первых, приоритет будет отдан Божьему («имя Твое, Царствие Твое... воля Твоя...»). Во-вторых, наши собственные нужды, хоть и отодвинутые на второе место, будут все же поочередно Ему представлены. («Дай нам... прости нам., избавь нас...»). Каждый знает, что молитва Господня состоит из этих двух частей, первая часть касается славы Божьей, а вторая – нужд человека, но, как мне кажется, Кальвин был прав, когда впервые предположил, что здесь существует параллель с Десятью заповедями[157]. Ибо они тоже разделены на две части и выражают тот же приоритет: первая скрижаль раскрывает наши обязанности по отношению к Богу, а вторая – обязанности наши по отношению к ближнему.

Первые три просьбы в молитве Господней выражают нашу заботу о славе Божьей, которая связана с Его именем, властью и волей. Если бы Бог был, по нашим понятиям, некоей безличностной силой, то, конечно, у Него бы не было ни личного имени, ни власти, ни воли – ничего того, о чем бы следовало заботиться. А если бы мы думали о Нем как об «основной части самих себя» или об «основе нашего бытия», было бы невозможно разграничить Его заботы и наши. Но если Он в действительности «Отец наш на небесах», личностный Бог любви и силы, полностью явленный Иисусом Христом, Творец всего, заботящийся о Своих созданиях и об искупленных Им детях, лишь тогда, и только тогда, становится возможным (и даже необходимым) дать Его заботам приоритет и думать прежде о Его имени, Его Царстве и Его воле.

Имя Бога не складывается из букв «б», «о» и «г». То же относится к личности, носящей имя, к ее характеру и деятельности. Поэтому «имя» Бога –

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
это Сам Бог, каким Он является по сути Своей и в Своих проявлениях. Его имя «свято» уже тем, что оно отделено и возвышено над всяким другим именем. Но мы молимся о том, чтобы оно «святилось», то есть, чтобы с ним «обращались, как со святым», потому что мы пламенно желаем, чтобы Ему, то есть Тому, Кому это имя принадлежит, воздавалась подобающая честь в наших собственных жизнях, в церкви и в мире.

Царство Бога – это Его закон. А так как Он является святым, то Он уже и Царь, абсолютно суверенно царствующий над природой и историей. Однако когда пришел Иисус, Он объявил о наступлении нового и особого царского закона Божьего, в котором отражены все благословения спасения и требования подчинения, заключенные в божественном законе. Молиться о «пришествии» этого Царства – значит молиться о том, чтобы оно возросло, когда через свидетельство церкви люди подчиняются Иисусу, и чтобы вскоре, после того как Иисус возвратится в славе – властвовать и царствовать, оно наступило окончательно.

Воля Божья «благая, угодная и совершенная» (Рим. 12:2), ибо это воля «Отца нашего на небесах», бесконечного в знании, любви и силе. Поэтому глупо противиться ей, гораздо умнее стремиться ее познавать, желать и исполнять. Итак, Его имя свято, Он является Царем, а воля Его исполняется «на небесах». Иисус призывает нас молиться о том, чтобы эта жизнь на земле, по возможности, приблизилась к жизни на небесах. Ибо выражение «и на земле, как на небе», похоже, в одинаковой степени относится к освящению имени Божьего, распространению Царства Его и исполнению Его воли.

Сравнительно легко повторять слова молитвы Господней, не думая, как попугай (или даже как «бормочущий» язычник). Но только искренняя молитва поможет постичь ее революционные выводы, так как в ней отражены христианские ценности. Мы постоянно подвергаемся давлению со стороны мирской культуры. И если мы уступаем, то начинаем беспокоиться о нашем собственном маленьком имени (желая видеть его отпечатанным на бумаге или в газетных статьях, защищая его от нападков), о нашей собственной маленькой империи (управляя, влияя и манипулируя людьми, от чего раздувается наше эго) и о нашей собственной глупой маленькой воле (все время желающей идти своим собственным путем и страдающей, когда ее надежды не сбываются). Но в христианской контркультуре нашей главной заботой является не наше имя, царство и воля, а Божье. Наше умение молиться этой молитвой со всей чистотой может стать тщательнейшей проверкой истинности и глубины нашего христианского вероисповедания.

Во второй части молитвы местоимение «твой» заменяется на «наш», когда от дел Божьих мы обращаемся к нашим собственным. Выразив свою пламенную озабоченность Его славой, мы выражаем теперь свою смиренную зависимость от благодати Его. Истинное отношение к Богу, Которому мы молимся, как к своему Небесному Отцу и великому Царю, хоть и отодвигает наши личные нужды на второе, подчиненное место, все же не исключает их. Отказаться вовсе упоминать их в молитве (на основании того, что мы не желаем беспокоить Бога подобными незначительными вещами) было бы такой же великой ошибкой, как и позволить им в наших молитвах преобладать. Поскольку Бог – это «наш Отец на небесах», любящий нас отеческой любовью, Он заботится о всеобщем благе детей Своих и желает, чтобы мы с упованием несли к Нему свои нужды – нашу нужду в пище, в прощении и в избавлении от зла.

«Хлеб наш насущный дай нам на сей день». Некоторые ранние комментаторы не могли поверить, что наша первая просьба касается хлеба в буквальном смысле – хлеба для тела. Им казалось недостойным после трех благородных начальных просьб, относящихся к славе Божьей, столь внезапно опускаться до земной, материальной заботы. Поэтому они пытались найти здесь аллегория. Должно быть, как думали они, Он имел в виду хлеб духовный. Ранние Отцы церкви, такие как Тертуллиан, Киприан и Августин, думали, что сказанное относится к «невидимому хлебу Слова Божия»[158], или к Господней Вечере.

Иероним перевел в Вульгате греческое слово «каждодневный» чудовищным прилагательным «надсущный», [159] он также имел в виду Святое Причастие. Мы должны быть благодарны реформаторам за более проникательное, приземленное, библейское толкование. Кальвин, например, так прокомментировал стремление Отцов церкви одухотворить это выражение: «Это крайне абсурдно»[160]. Лютер считал, что «хлеб» – это символ «всего необходимого для поддержания земной жизни, то есть пищи, здорового тела, хорошей погоды, дома, жены, детей, хорошего правительствa и мира»[161]. И добавим от себя, возможно, под

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
«хлебом» Иисус подразумевал скорее необходимое для жизни, нежели роскошь.

Просьба о том, чтобы Бог «дал» нам пищу, не отрицает, конечно, того факта, что большинство людей должны сами зарабатывать себе на жизнь или что мы обязаны кормить голодных (Мф. 25:35). Кроме того, это свидетельствует о нашей крайней зависимости от Бога, который обычно использует человеческие средства производства и распределения для осуществления Своих целей. Более того, похоже, Иисус желал, чтобы Его последователи осознавали свою каждодневную зависимость. Прилагательное *epiousios* в выражении «хлеб наш насущный дай нам на сей день» было настолько неизвестно древним, что Ориген считал даже, будто это евангелисты его придумали. Наши современники Мультон и Миллиган придерживаются того же мнения [162]. Возможно, его следует переводить «на нынешний день» или «на следующий день» (АГ). В любом случае ясно, что речь идет о настоящем моменте или о недалеком будущем. Как комментирует А. М. Хантер: «Прозвучав утром, эта молитва будет просьбой о хлебе на начинающийся день. Прозвучав вечером, она будет просьбой о хлебе завтрашнем» [163].

Прощение настолько же необходимо для жизни и здоровья души, как пища для тела. Поэтому следующая молитва звучит так: «и прости нам долги наши». Грех уподоблен «долгу», так как он должен быть наказан. Но когда Бог прощает грех, Он отменяет долг и снимает с нас обвинение. Слова «как и мы прощаем должникам нашим» в стихах 14 и 15 подчеркивают, что Отец наш простит нас, если мы простим других, но Он не простит нам, если мы отказываемся прощать других. Это, конечно, не значит, что наше прощение дает нам право чувствовать себя прощенными. Скорее всего, это означает, что Бог прощает только кающегося, а одним из главных свидетельств истинного покаяния является дух прощения. Как только глаза наши раскроются и мы увидим, как велика обида, которую мы нанесли Богу, обиды, причиненные нам, покажутся в сравнении с этим совершенно ничтожными. Если же, с другой стороны, мы слишком преувеличиваем нанесенные нам обиды, это доказывает, что мы преуменьшаем значение своих собственных негативных поступков. Именно это является основным моментом притчи о немилосердном рабе (Мф. 18:23–35). Ее окончание: «Весь долг тот я простил тебе... не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?» (ст. 33).

Последние две молитвенные просьбы, возможно, должны восприниматься как отрицательный и положительный аспекты одной просьбы: «и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». Грешник, прошлый грех которого был прощен, жаждет избавиться от тирании греха в будущем. Общий смысл молитвы ясен. Но мы встречаемся с двумя проблемами. Во-первых, Библия говорит, что Бог не искушает, и даже не может искушать нас злом (Иак. 1:13). Тогда какой же смысл в нашей молитве, ведь Он Сам обещал никогда не искушать нас? Некоторые, стараясь ответить на этот вопрос, толкуют слово «искушение» как «испытание» (см.: НАБ, «Не подвергай нас испытанию»), объясняя, что хотя Бог никогда не соблазняет нас грехом, Он испытывает нашу веру и характер. Это возможно. Но, мне кажется, лучшим объяснением может служить утверждение, что слова «не введи» нужно понимать с учетом дополнения «но избави нас», и что «зло» нужно переводить как «злой» («лукавый», как в 13:19). Другими словами, здесь имеется в виду дьявол, искушающий грехом народ Божий, и от него мы хотим быть «избавлены» (*rusai*).

Вторая проблема связана с утверждением, которое встречается в Библии, будто искушения и испытания полезны для нас. «С великою радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения», или «испытания» (Иак. 1:2). Если же они полезны, то почему мы должны просить в молитве избавить нас от них? Возможно, речь идет о помощи в преодолении искушения, а не об избавлении от него. Может быть, мы можем перефразировать все молитвенное прошение так: «Не позволяй нас вводить в искушение, чтобы оно не разрушило нас, но избавляй нас от злого». Итак, под этим подразумевается, что дьявол для нас слишком силен, а мы слишком слабы, чтобы противостоять ему, но Отец наш Небесный избавит нас, если мы призовем Его.

Эти три прошения, данные нам Иисусом в качестве образца, носят всеобъемлющий характер. Собственно говоря, они включают в себя все наши человеческие нужды – материальные (насущный хлеб), духовные (прощение грехов) и моральные (избавление от зла). Таким образом, молясь этой молитвой, мы подчеркиваем нашу зависимость от Бога в каждой области человеческой жизни. Более того, христианин видит в этих трех прошениях скрытый намек на Троицу, так как благодаря творению и провидению Отца мы

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org получаем свой насыщенный хлеб, благодаря примиряющей смерти Сына мы можем быть прощены, а с помощью силы Духа Святого мы избавляемся от лукавого. Неудивительно, что некоторые древние рукописи относят «царство и силу и славу» к этому триединому Богу, которому одному это принадлежит.

Похоже, Иисус дал молитву Господню как модель действительной – христианской – молитвы, в отличие от молитв фарисеев и язычников. Молитва Господня является божественной альтернативой для обеих форм ложной молитвы. Для меня это вполне очевидно.

Лицемера вводит в заблуждение его эгоизм. Даже в своих молитвах он думает прежде всего о собственном эго и о том, как он выглядит со стороны. Но христиане в Господней молитве думают лишь о Боге – Его имени, царстве и воле, а не о себе. Истинная христианская молитва всегда состоит в заботе о Боге и Его славе. Поэтому она полностью противоположна позиции лицемеров, использующих молитву как инструмент к обретению собственной славы.

Язычник впадает в другую ошибку – его молитва лишена смысла. Он просто бормочет, «озвучивая» свою бессмысленную литургию. Он не думает о том, что произносит, ибо озабочен объемом, а не содержанием. Но на Бога не производит впечатление подобное словоизлияние. В противовес этому, Иисус призывает нас сообщать все свои нужды нашему небесному Отцу в смирении и осмысленно, чтобы таким образом выразить нашу ежедневную от Него зависимость.

Итак, христианская молитва противопоставляется нехристианским альтернативам. Центром этой молитвы является Бог (забота о славе Божьей) в противоположность эгоцентричности фарисеев (занятых своей собственной славой). И она осмысленна (в ней ясно выражена зависимость от Бога) в противоположность механическому распевам язычников. Поэтому мы должны придти к Богу, как малые дети к отцу своему, и молиться не лицемерно, подобно актерам, ищущим людских аплодисментов, и не механически, как бормочущие язычники, ум которых далек от их лепетания, но осмысленно, смиренно и с надеждой.

Коренное отличие этих молитв состоит в Боге, которому молятся. Трагическая ошибка фарисеев и язычников – лицемеров и язычников – заключается в том, что они имеют ложное представление о Боге. Собственно говоря, никто из них не думает о Боге вовсе, ибо лицемер думает лишь о самом себе, язычник же – о посторонних вещах. Что же это за Бог, который интересуется подобными эгоистичными и бездумными молитвами? Разве Бог является предметом потребления, и мы можем использовать Его с целью возвысить свое положение, или, может быть, компьютером, в который мы можем механически вводить слова?

От этих недостойных замечаний обратимся с облегчением назад, к учению Иисуса о том, что Бог – это наш Отец Небесный. Нам нужно помнить, что Он любит Своих детей с величайшей нежностью, что Он видит детей Своих даже в потайном месте, что Он знает детей Своих и все их нужды до того, как они о чем-либо Его попросят, и что Он действует ради Своих детей Своей небесной и царской властью. Поэтому, если мы позволим Писанию формировать образ Бога, если мы, зная Его характер, будем учиться осознавать Его присутствие, мы никогда не будем молиться лицемерно, но всегда с искренностью, никогда – механически, но всегда осмысленно, как дети Божьи, кем мы и являемся на самом деле.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 6:19–34

Цель христианина: не материальная безопасность, но закон Божий

В первой половине 6 главы Евангелия от Матфея (ст. 1 – 18) Иисус характеризует частную жизнь христианина, которая «втайне» (пожертвование, молитва, пост); во второй половине (ст. 19–34) Он затрагивает нашу общественную деятельность в мире (вопросы денег, собственности, питания, одежды и целей). Или, другими словами, речь идет о наших «религиозных» и «светских» обязанностях. Это противопоставление может ввести в заблуждение, ведь на самом деле нельзя разделить нашу жизнь на две независимые друг от друга части. Подобное деление на духовное и мирское в церковной истории было катастрофическим. Если мы – христиане, то все, что мы делаем, каким бы «мирским» это ни казалось (например, покупки, приготовление пищи, подсчеты в конторе и т. д.), является «религиозным» в том смысле, что делается перед лицом Божиим и в соответствии с волей Бога. В этой главе Иисус, кроме всего

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org прочего, подчеркивает именно то, что Бог одинаково заботится об обеих областях нашей жизни – частной и общественной, религиозной и мирской. Ибо, с одной стороны, «Отец твой видит тайное» (ст. 4,6,18), а с другой – «Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду» в пище, питье и одежде (ст. 32).

Итак, о какой бы сфере нашей жизни ни шла речь, всегда слышен тот же настойчивый призыв Иисуса отличаться от массовой культуры: от ханжества людей религиозных (ст. 1–18), а также от материализма людей нерелигиозных (ст. 19–34). В начале главы Он имел в виду в основном фарисеев, а теперь Он призывает нас отвергнуть систему ценностей «язычников» (ст. 32). И каждый раз Иисус ставит перед нами альтернативы: два сокровища (на земле и на небесах, ст. 19–21), два телесных состояния (свет и тьма, ст. 22, 23), два господина (Бог и маммона, ст. 24) и две заботы (заботы телесные и Царство Божье, ст. 25–34). И мы не можем занять выжидательную позицию, мы должны встать на чью-либо сторону.

Но как же сделать выбор? Мирские цели очень привлекают нас. Тяжело разрушить пути материальной жизни. Поэтому Иисус помогает нам сделать правильный выбор. Он указывает на глупость ложного пути и мудрость правильного. Как в прежних высказываниях, посвященных благочестию и молитве, так и сейчас, говоря о целях, Он противопоставляет ложное и истинное таким образом, чтобы мы могли их сравнить и сами во всем разобраться.

Эта тема подводит нас к новой насущной проблеме нашего поколения. Население продолжает быстро расти, а экономические проблемы народов усложняются, все резче проявляется разделение на бедных и богатых. И мы не можем больше закрывать глаза на эти факты. Пробуждается спавшая прежде социальная совесть многих христиан. Они заново открывают для себя, что библейский Бог стоит на стороне бедных и бесправных. Сознательные христиане чувствуют себя неуютно в роскоши и пытаются выработать простой стиль жизни, учитывая нужду многих и стараясь сохранить верность учению и жизни своего Наставника.

1. Вопрос о сокровище (ст. 19–21)

19 Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут;

20 Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют, и где воры не подкапывают и не крадут; 21 Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.

Иисус обращает наше внимание на существование двух видов сокровищ. Нетрудно решить, какое из них собирать: сокровища на земле ветхи и поэтому ненадежны, сокровища же на небесах не ветшают и поэтому надежны. И уж если мы поставим себе цель копить сокровище, то, конечно же, выберем то, которое долго сохраняется, не теряя при этом ценности и не портясь.

Важно точно понять, что же имел в виду Иисус, когда просил нас не собирать себе сокровищ на земле? Чтобы ответить на этот вопрос, перечислим то, что Он не запрещал (и не запрещает). Во-первых, сама по себе собственность не запрещается; нигде в Писании ничего не говорится против частного владения. Во-вторых, христианам не запрещается «откладывать на черный день». Наоборот, Писание хвалит муравья, запасящего летом пищу на зиму, и заявляет, что верующий, не обеспечивающий свою семью, хуже неверного (Прит. 6:6 и дал.; 1 Тим. 5:8). В-третьих, нам нужно радоваться благам, какими так изобильно оделил нас Создатель (1 Тим. 4:3,4; 6:17). Поэтому запрет на земные сокровища не включает в себя ни собственность, ни запасы на будущее, ни радость дарам доброго Создателя.

Что же тогда? Иисус запрещает Своим последователям эгоистичное накопление благ (НАБ: «не собирайте для себя сокровищ на земле»); экстравагантный и роскошный образ жизни; жестокосердие, которое не дает возможность почувствовать колоссальную нужду обделенных людей; безрассудные вымыслы о том, что жизнь человека состоит в постоянном увеличении его владений (Лк. 12:15); и материализм, приковывающий к земле наши сердца. В Нагорной проповеди постоянно упоминается «сердце», и тут Иисус говорит, что сердце наше следует за сокровищем нашим: вниз ли – к земле или вверх – к небу (ст. 21). Словом, выражение «собирать сокровища на земле» обозначает алчность (жадность скупых, которые копят для себя, и стяжателей, все время желающих большего). Иисус предупреждает нас о весьма реальной ловушке. «С тех пор как существует Евангелие, – писал Лютер, – и люди пытаются жить в

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org соответствует с ним, все время появляются два ужасных несчастья: лжепроповедники, искажающие учение, и госпожа Алчность, мешающая правильному образу жизни»[164].

Иисус напоминает нам, что земное сокровище «ржавеет и съедается молью, и врываються воры, чтобы похитить его» (НАБ). Греческое слово, переведенное как «ржавчина» (*brosis*), значит в действительности «поедание»; оно может относиться к коррозии, вызванной ржавчиной, но также и к любой заразе, способной уничтожить накопленное, или к червям. В те дни моль могла завестись в одежде, крысы и мыши могли съесть запасы зерна, черви добраться до спрятанного под землей, а грабители могли ворваться в дом и похитить хранимое там. Ничто в древнем мире не было в безопасности. Сегодня мы можем защитить сокровище свое с помощью крысиного яда, мышеловок, противокоррозионных покрытий и сигнализаций, но оно все равно будет разрушено инфляцией или экономическим кризисом. Даже если что-то из накопленного нам удастся сохранить в течение жизни, мы не сможем ничего взять с собой в жизнь будущую. Прав был Иов: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь» (Иов. 1:21).

Сокровище же «на небе» нетленно. Что это означает? Иисус не объясняет нам этого. Однако мы можем наверняка сказать, что «собирать сокровище на небе» – значит делать на земле нечто такое, результаты чего вечны. Конечно же, Иисус не говорил о заслугах или о «сокровищнице заслуг» (как называла это учение средневековая римско-католическая церковь), чтобы мы могли с помощью добрых дел, совершенных на земле, накопить нечто вроде кредита на небе, которым бы и мы, и другие могли пользоваться. Подобное абсурдное предположение противоречит Евангелию благодати, которому постоянно учил Иисус и Его Апостолы. И потом заметьте, ведь Иисус обращается к ученикам, уже получившим спасение Божье. Скорее всего, это может относиться к таким нашим делам, как усовершенствование своего характера, чтобы стать подобным Христу (так как все, что мы можем взять с собой на небеса, – это мы сами); возрастание в вере, надежде и любви, которые все, по словам Павла, «пребывают» (1 Кор. 13:13); возрастание в познании Христа, которого некогда узрим лицом к лицу; активная попытка (молитвой и свидетельством) привлечь к Христу других, чтобы и они тоже унаследовали жизнь вечную; и использование наших денег на христианские нужды, единственное вложение, дивиденды которого вечны.

Все это временные виды деятельности с вечными результатами. Это и есть «сокровище в небе». Никакой грабитель не может его украсть, никакие паразиты не уничтожат. Ведь в небесах нет ни моли, ни мышей, ни мародеров. Поэтому сокровище на небе находится в полной безопасности. Нет нужды применять меры предосторожности для его защиты. Оно неразруσιμο. Похоже, Иисус говорит нам: «Если вы хотите сделать именной вклад, ничто не может быть надежнее этого; это золото никогда не потускнеет».

2. Вопрос зрения (ст. 22–23)

22 Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; 23 Если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?

От сравнения двух сокровищ Иисус обращается к сравнению слепого и зрячего человека и, таким образом, света и тьмы, в которых они, соответственно, живут. «Светильник для тела есть око». Это, конечно, не буквальное, а образное выражение, и смысл его легко улавливается. Почти все действия тела зависят от нашей способности видеть. Мы бегаем, прыгаем, водим машину, пересекаем улицу, готовим, вышиваем, рисуем, а глаз как бы «освещает» то, что делает тело с помощью своих рук и ног. Конечно, часто слепые прекрасно справляются без помощи глаз и развивают иные свои способности для компенсации недостатка зрения. Однако принцип остается: зрячий ходит в свете, слепой же – во тьме. И огромная разница между этими двумя состояниями тела существует благодаря этому маленькому, но сложному органу – глазу. «Если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; Если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно». При полной слепоте и тьма полная.

Это описание можно воспринимать как метафору. Нередко в Писании «око» приравнивается к «сердцу». То есть синонимичны выражения «прилепиться сердцем» к чему-то или «устремить взгляд» на что-то. Достаточно одного примера, из Псалма 118. В 10 стихе псалмопевец пишет: «Всем сердцем моим

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org ищущ Тебя; не дай мне уклониться от заповедей Твоих», а в стихе 19: «Странник я на земле; не скрывай от меня заповедей Твоих». Подобным же образом здесь, в Нагорной проповеди, Иисус переходит от рассуждений о том, как важно, чтобы сердце было обращено к истинному сокровищу (ст. 21), к необходимости содержать око в чистоте и здоровье.

Вероятно, аргументация эта должна подвести нас к такому выводу: наше око влияет на все наше тело, а устремление наше (на чем мы останавливаем глаз и к чему прилепляемся сердцем) влияет на всю нашу жизнь. Как зрячее око дает свет телу, так благородное и искреннее стремление служить Богу и человеку придает жизни значение и отбрасывает свет на все, что бы мы ни делали. Как слепота приводит к тьме, так и низкое, корыстное стремление (т. е. накопление сокровища для себя на земле) окунает нас в нравственную тьму. Это делает нас нетерпимыми, бесчеловечными, жестокосердными, и жизнь наша лишается значения.

Все это – вопрос зрения. Если мы имеем физическое зрение, мы можем видеть, что мы делаем и куда идем. Если мы имеем зрение духовное, если наша духовная перспектива верна, то жизнь наша становится целенаправленной. Но если духовное видение наше затуманивается и мы начинаем служить ложным богам, теряем верные ориентиры, то вся наша жизнь оказывается во тьме и мы не можем больше видеть, куда мы идем. Возможно, даже еще сильнее, чем я предположил, подчеркивается потеря зрения, обусловленная алчностью, ибо, по библейской мысли, «дурной глаз» – это скупой, стяжательский дух, «здоровое око» – щедро. Итак, Иисус показывает, что мы должны собирать сокровища в небе, во-первых, потому, что они дольше хранятся, и, во-вторых, потому, что это принесет несомненную пользу здесь, на земле, благодаря нашему умению видеть.

3. Вопрос о ценности (ст. 24)

24 Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне.

Иисус объясняет, что, выбрав между двумя сокровищами (куда мы их помещаем) и двумя видениями (на чем мы останавливаем свой взгляд), мы должны сделать еще более фундаментальный выбор между двумя господами (которым мы собираемся служить). Это выбор между Богом и маммоной, то есть, между самим живым Создателем и объектом, называемым «деньгами», выбранным нами для поклонения («маммона» – это транслитерация арамейского слова, обозначающего благосостояние). Ибо мы не можем служить обоим господам. Некоторые с этим высказыванием Иисуса не соглашались. Они отказываются сделать прямой выбор и не видят в этом необходимости. По их мнению, вполне возможно служить двум господам одновременно, так как сами они здорово проворачивают это: служат Богу по воскресеньям, а маммоне по будням, или Богу своими устами, а маммоне сердцем своим, или делают вид, что служат Богу, хотя на самом деле служат маммоне, или Богу – одной половиной своего существа, а маммоне – другой половиной.

Именно это знаменитое компромиссное решение Иисус объявляет невозможным: «Никто не может служить двум господам... Не можете служить Богу и маммоне» (обратите внимание на «может» и «не можете»). Возможные компромиссы дают неверное представление о Его учении, ибо при этом не учитываются образы слуги и хозяина. Как отмечает Макнил: «Люди могут работать на двух нанимателей, но никакой раб не может быть собственностью двух владельцев» [165], ибо «сущностью рабства является принадлежность одному хозяину и непрерывная служба» [166]. Поэтому всякий человек, который лояльно относится к Богу и маммоне, уже отдал себя маммоне, так как Богу можно служить, лишь посвятив себя Ему полностью. «Я Господь, это – мое имя, и не дам славы Моей иному» (Ис. 42:8; 48:11). Попытка совместить Его с иными привязанностями – значит выбрать идолопоклонство.

И вот теперь, когда совершенно ясно, что мы должны сделать выбор между Творцом и тварью, между славой Бога и ничтожной вещью, называемой деньгами, между истинным поклонением и идолослужением – кажется невероятным, что кто-нибудь может сделать ложный выбор. Ибо сравнивается не продолжительность существования сокровищ и не польза от света, сравнивается ценность: существенная ценность Одного и существенное отсутствие ценности другого.

25 Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, а тело – одежды? 26 Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? 27 Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? 28 И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, ни прядут; 29 Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; 30 Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малoverы! Итак не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что пить?» или: «во что одеться?» 32 Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. 33 Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. 34 Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.

Очень жаль, что этот отрывок читают в церкви отдельно от предшествующего текста. Поэтому упускается значение вводного выражения: «Посему говорю вам». Нам нужно отнести это «посему» к тому учению, которое привело к этому выводу. Прежде действия Иисус призывает нас к размышлению. Он приглашает нас взглянуть на стоящие перед нами альтернативы и осторожно их взвесить. Мы хотим копить сокровище? Что же, в таком случае, будет храниться дольше? Мы хотим быть свободными и целенаправленными в своих действиях? Какими же должны быть наши глаза, чтобы это обеспечить? Мы желаем служить лучшему Господину? Тогда нужно поразмыслить, кто более достоин нашей преданности. Лишь когда мы поймем разницу между двумя сокровищами (ветшающим и нетленным), пользу двух состояний глаз (света и тьмы) и сравним достоинство двух господ (Бога и маммоны), мы готовы сделать выбор. И лишь когда мы сделали свой выбор – в пользу сокровища небесного, в пользу света и Бога, – «посему говорю вам», как вы должны вести себя отныне: «не заботьтесь для души вашей... ни для тела вашего... Ищите же прежде Царства Божия и правды Его» (ст. 25,33). Другими словами, наш главный выбор – какому из двух господ служить – коренным образом влияет на наше отношение к обоим. Мы не будем беспокоиться об одном (ибо мы его отвергли), но сконцентрируем ум и энергию на другом (так как мы его выбрали); мы не станем больше погружаться в свои собственные заботы, но будем прежде искать заботы Божьи.

Противопоставляя то, что ищут язычники, тому, что должны прежде искать Его последователи (ст. 32,33), Христос подводит нас к осознанию нашей цели. Иисус принял как само собой разумеющееся, что все человеческие существа непременно что-то «ищут». Для людей неестественно бесцельно плыть по жизни, подобно планктону. Нам нужно жить для чего-то, нужно нечто, придающее значение нашему существованию, мы «ищем», к чему прилепиться «сердцем» своим (ДБФ) и «умом» (ИБ). Древнегреческие философы называли это «Высшим Благом». Возможно, «устремленность» является лучшим современным эквивалентом. Однако в словаре это слово означает «сильное желание достичь успеха» {ambition), и часто ему придается негативный оттенок. Именно в этом смысле Король Генрих VIII в произведении Шекспира обращается к Томасу Кромвелю: «Кромвель, заклинаю тебя, избавься от амбиции. Грехом сим пали ангелы...» Но слово «амбиция» может также относиться и к другим сильным желаниям – скорее бескорыстным, чем эгоистическим, скорее божественным, нежели мирским. Словом, вполне возможно быть «устремленным к Богу». Устремленность касается наших жизненных целей и наших побуждений. Амбиция человека – это то, что заставляет его «звучать»; она приоткрывает источник его действий, его тайную внутреннюю мотивацию. Именно об этом говорил Иисус, определяя то, что мы должны «искать прежде» в христианской контркультуре.

И снова Господь упрощает для нас выбор, Он сводит все к двум альтернативно возможным жизненным целям. В этом отрывке Он призывает учеников Своих заботиться не о собственной безопасности (пища, питье и одежда), ибо это присуще «язычникам», не знающим Его, а о Божьем законе и правде Бога, чтобы они распространились и восторжествовали в мире.

А. Ложная, или мирская, цель: наша собственная материальная безопасность.

Большая часть этого параграфа состоит из отрицаний. Трижды Иисус повторяет свой запрет «не заботьтесь» (ст. 25,31,34), или «не беспокойтесь» (ДБФ). Он нам запрещает заботиться о пище, питье и одежде: «что нам есть? что пить?»

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org Во что одеться?» (ст. 31). Ибо именно это – «троица мирских забот»[167]: «потому что всего этого ищут язычники» (ст. 32). Достаточно только взглянуть на рекламу по телевидению, в газетах и в общественном транспорте, чтобы обнаружить яркую современную иллюстрацию того, о чем Иисус говорил почти два тысячелетия назад.

Несколько лет назад мне прислали рекламную копию нового журнала «Акцент» (полное название «Акцент на хорошей жизни»). В нем были заманчивые рекламы шампанского, сигарет, пищи, одежды, антиквариата и ковров, вместе с описанием уик-энда в Риме. Там были статьи о том, как пользоваться на кухне компьютером; как выиграть роскошный катер или 100 двенадцатибутылочных ящиков шотландского виски и как 15 миллионам женщин правильно выбрать косметику. В номере за следующий месяц нам обещали увлекательные статьи об отдыхе на Карибском Море, о высококачественном теплом белье и о вкусовых качествах мяса северного оленя. От начала и до конца там говорилось о том, как создать комфорт для тела, как его кормить, одевать, согревать, охлаждать, освежать, расслаблять, занимать, наряжать и приятно возбуждать.

А теперь, пожалуйста, не поймите меня превратно. Иисус Христос не отрицает и не преуменьшает нужды тела. Ведь это Его создание. И Он заботится о нем. Он научил нас молиться: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день». О чем же Он тогда говорит? Он подчеркивает, что нельзя полностью погружаться в материальные проблемы, – это ложная цель. Во-первых, это привнесет лишь большее беспокойство в вашу жизнь; во-вторых, это не является необходимым (ибо «Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду», ст. 8,32); и, что самое главное, – это недостойно. Таким образом создается ложное представление о человеке (словно это лишь тело, которое необходимо кормить, поить, одевать и давать ему жилище) и о человеческой жизни (как если бы она была лишь психологическим механизмом, который необходимо защищать, смазывать и заряжать). Исключительная озабоченность пищей, питьем и одеждой могла бы быть оправдана лишь в том случае, если бы физическое выживание было единственной целью существования: живем, просто чтобы жить. Конечно, в случае крайнего голода борьбу за выживание нужно предпочесть всему остальному. Но в обычных обстоятельствах это неприемлемо. Такой подход низводит человека на уровень животных, или даже птиц и растений. Возникает вопрос: является ли физическое благополучие достойным объектом, чтобы посвящать ему жизнь? Не имеет ли человеческая жизнь иного значения, кроме этого? «Этого ищут язычники». Пускай. Что же касается учеников Иисуса, то эта цель недостойна их. Ибо в их жизни это не «Высшее Благо».

Теперь нам надо прояснить, что же запрещает Иисус и по каким причинам. Во-первых, Он не запрещает думать. Наоборот, Он призывает нас смотреть на птиц и цветы и «размышлять» о том, как Бог заботится о них. Поэтому известный перевод АВ «не думайте» ошибочен и вводит в заблуждение. Во-вторых, Он не запрещает думать о будущем. Я уже упоминал библейскую похвалу муравью. Также и птицы, которых славит Иисус, заботятся о будущем, строя свои гнезда, откладывая и высидывая яйца и выкармливая своих птенцов. Многие улетают до начала зимы в теплые страны (что является замечательным примером, хотя и инстинктивного, предвидения), а некоторые даже запасают пищу, как, например, кроты, мыши и т. д. Как видите, ничто не запрещает христианам строить планы на будущее или предпринимать какие-то шаги с целью обеспечить свою безопасность. Нет, Иисус запрещает не размышление или планирование, а озабоченность. Именно это означает повеление *те меримпате*. Это слово о Марте, внимание которой отвлекли многие дела, и о добром семени, посеянном среди сорняков и заглушённом жизненными «заботами», то же имел в виду Павел, когда говорил: «Не заботьтесь ни о чем» (Лк. 10:40; 8:14; Флп. 4:6). Как выразил это епископ Райл: «Мудрая забота о будущем правильна; утомляющая, разрушительная, беспокойная озабоченность неверна»[168].

Почему она неверна? Иисус отвечает, указывая, что одержимая озабоченность этого рода несовместима как с христианской верой (ст. 25–30), так и со здравым смыслом (ст. 34). Первому утверждению Он уделяет большее внимание.

1) Озабоченность несовместима с христианской верой (ст. 25–30).

В стихе 30 Иисус называет тех, кто беспокоится о пище и одежде, «маловерами». Он приводит нам доводы, почему мы должны уповать на Бога, вместо того чтобы быть озабоченными. Один аргумент взят из человеческого опыта; другой из мира птиц и цветов.

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
Наш человеческий опыт таков: Бог создал нашу жизнь и теперь поддерживает ее; Он также создал и Продолжает поддерживать наше тело. Не мы себя сделали и не мы поддерживаем в себе жизнь. Жизнь Наша (за которую ответственен Бог), очевидно, важнее пищи и питья. И наше тело (за которое ответственен также Бог) важнее, нежели одежда, покрывающая и согревающая его. И так, если Бог уже заботится о большем (наша жизнь и тело), может быть, стоит Ему доверить и заботу о меньшем (наша пища и одежда)? Неотразимая логика! В 27 стихе Иисус спрашивает: «кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?» Неясно, можно ли переводить слово *helikia* как «продолжительность жизни» (ПНВ) или «рост» (АВ). Возможно, оно имеет оба значения. Добавить полметра к своему росту было бы замечательным делом, хотя это делает для всех нас Бог в период между нашим детством и зрелостью. Удлинить свою жизнь также не в наших силах. А озабоченность «может как раз ее укоротить»[169], как всем нам известно. И так, оставляя эти вопросы Богу (так как они вне нашей компетенции), не мудро ли будет довериться Ему в вещах меньших, подобных пище и одежде?

Затем Иисус приводит другой довод. Он пользуется образом птиц, иллюстрируя заботу Бога о пище (ст. 26), и образом цветов, чтобы показать Его заботу об одежде (ст. 28–30). В обоих случаях Он предлагает нам «взглянуть» или «поразмыслить», то есть подумать о том, как проявляет заботу Бог о птицах и цветах. С самого детства я любил наблюдать за птицами. Я знаю, что некоторые считают это всего лишь чудачеством; подобное поведение вызывает у них насмешливое и покровительственное отношение к таким, как я. Но вспомните повеление Иисуса: «Взгляните на птиц небесных» (АВ), это можно перевести так: «наблюдайте за птицами!» Я говорю совершенно серьезно, так как греческий глагол (*emblersate eis*), использованный здесь, обозначает «устремите свои глаза, чтобы хорошо рассмотреть»[170]. Если мы заинтересуемся птицами и цветами (а мы наверняка, подобно нашему Учителю, будем рассматривать окружающий нас мир, испытывая благодарность к Создателю), то узнаем, что, хотя птицы «не сеют, не жнут, не собирают в житницы», все же наш «Отец Небесный питает их», и что хотя «полевые лилии (маки, ирисы и гладиолусы были предложены как альтернативы лилиям, хотя это может относиться ко всем вообще красивым весенним галилейским цветам)... не трудятся, не прядут», однако же Отец наш Небесный «одевает» их, и даже более роскошно, чем одевался «Соломон во всей славе своей». Если это так, то не можем ли мы поверить Ему, что Он накормит и оденет нас, более ценных для Него созданий? Почему нет! Он ведь даже обычную полевую траву одевает, «которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь»!

«Видите ли, – пишет Мартин Лютер, – птиц Он делает нашими наставниками и учителями. Великий позор нам, что в Евангелии беспомощный воробей становится богословом и проповедником для мудрейшего из людей... Когда вы слушаете соловья, то вы слушаете блестящего проповедника... Он как бы говорит: «Я предпочитаю быть на кухне Господа. Он сотворил небо и землю, и Сам Он – повар и хозяин. Ежедневно Он кормит и питает бесчисленное количество птичек с руки Своей»[171]. То же имеет в виду и Сперджен: «Прекрасные лилии, как вы постыжаете нашу глупую суетность!»[172]

2) Проблемы, относящиеся к христианской вере.

В этом пункте я позволю себе небольшое отступление, чтобы прокомментировать три проблемы, которые относятся к христианской вере и которые непременно возникают, когда речь заходит об обещании Господа нашего, что Отец наш Небесный нас накормит и оденет.

Во-первых, верующие не освобождаются от необходимости зарабатывать себе на жизнь. Мы не можем усестись в кресло, сказав: «Отец мой Небесный позаботится», – и ничего не делать. Мы должны работать. Как пишет Павел: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3:10). С характерной для него резкостью Лютер пишет: «Бог... не хочет иметь ничего общего с ленивыми, ненасытными обжорами, которые ничем не заняты; они поступают так, как будто имеют право просто сидеть и ожидать, пока Он закинет Им в рот жареного гуся»[173].

Иисус использовал птиц и цветы, чтобы показать, что Бог способен кормить нас и одевать. Но как же Бог кормит птиц? Можно сказать – никак, ибо они питаются сами! Иисус был внимательным наблюдателем. Он многое знал о повадках птиц: некоторые едят семена, другие – падаль или рыбу, иные птицы – насекомоядные, хищные или санитары. Всех их прекрасно кормит Бог. Но Он делает это не с помощью Своей божественной руки, полной пищи, а обеспечивая

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org их в природе всем необходимым. Нечто подобное можно сказать и о растениях. «Цветы не исполняют ни мужской работы в поле, ни женской работы по дому» [174], однако Бог одевает их. Как? Не чудом, а с помощью сложного процесса, Им созданного, – от солнца и почвы.

То же самое и с людьми. Бог дает все необходимое, мы же должны сотрудничать. Хадсон Тейлор усвоил этот урок во время своего первого путешествия в Китай в 1853 году. Когда во время жестокого шторма возникла угроза кораблекрушения, он подумал, что будет непочтительно по отношению к Богу надеть спасательный пояс. Поэтому свой он отдал. Однако позже он увидел свою ошибку: «Использование средств не должно уменьшать нашей веры в Бога, и наша вера в Бога не должна мешать нам использовать любые средства из тех, что Он нам дал, для исполнения Его собственных целей» [175].

Бог не принуждает Своих детей играть роль пророка Илии, чтобы чудесным образом питать их с помощью ангелов или воронов, Он предлагает более привычный путь: с помощью фермеров, мельников, садоводов, рыбаков, мясников, продавцов съестного и так далее. Иисус призывает нас просто доверять нашему Небесному Отцу, и Его представление о вере не было ни наивным (не видящим вторичных причин), ни архаичным (несовместимым с современной наукой).

Во-вторых, верующие не освобождаются от необходимости заботиться о других. Но если Бог обещает кормить и одевать детей Своих, то откуда так много плохо одетых и голодных людей? Я думаю, было бы неправильным считать, что бедняки, не имеющие необходимого питания и одежды, – все неверующие отщепенцы, так как в некоторых районах засухи и голода определенно есть христиане, терпящие жестокую нужду. Мне не кажется, что в этой проблеме легко разобраться. Но следует заметить нечто важное, а именно: самой основной причиной голода является не плохое божественное обеспечение, а неравное человеческое распределение. Истина в том, что благодаря Богу в земле и море есть предостаточно ресурсов. На земле растут растения, дающие семена, и деревья, дающие плоды. Сотворенные Им животные, птицы и рыбы плодотворны и многочисленны. Но люди эти ресурсы накапливают, портят или транжирят, а не делятся ими. Весьма знаменательно, что в этом же самом Евангелии от Матфея Иисус чуть позже говорит, что мы должны сами кормить голодных и одевать нагих и что мы будем судиться в соответствии с этим. Всегда важно толковать Писание с помощью самого Писания. Тот факт, что Бог кормит и одевает детей Своих, не освобождает нас от ответственности быть исполнителями, через которых Он это делает.

В-третьих, верующие не освобождаются от бед. Действительно, Иисус запрещает Своим людям заботиться. Но быть свободным от несчастий и быть свободным от забот – далеко не одно и то же. Христос велит нам не заботиться, но не обещает, что нас минует любая неудача. Наоборот, в Его учении содержится много указаний на то, что Он все знает о предстоящих бедствиях. Поэтому, хотя Бог «одевает траву полевую», ее все же срезают и сжигают. Бог защищает даже воробьев, которые столь многочисленны и так малоценны, что пару продают за ассарий, а пять за два ассария, добавляя одного на счастье. «Ни один из них не упадет на землю без воли Отца вашего», – сказал Иисус (Мф. 10:29; см.: Лк. 12:6). Но воробьи падают на землю, их убивают. Бог не обещал, что они не будут падать, но что этого не случится без Его ведома и согласия. И люди тоже падают, и самолеты.

Слова Христа не нужно понимать так, будто закон тяготения будет из-за нас отменен, но что Бог знает о несчастных случаях и допускает их. Далее, знаменательно то, что в конце этого параграфа Иисус объясняет, почему нам не нужно «заботиться о завтрашнем дне». Потому что «завтрашний сам будет заботиться о своем» (ст. 34). Итак, будут «беды» (κακία, «зло»). Христиане освобождены не от несчастий, а от безрассудной озабоченности (к чему мы вернемся позже), и проистекает эта свобода от уверенности, что Бог – наш Отец, что даже допущенное страдание входит в сферу Его заботы (см.: Иов. 2:10) и что «любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28).

Подобная уверенность укрепляла доктора Хельмута Тилике, когда он читал проповеди на тему Нагорной проповеди в церкви св. Марка в Штуттгарте, в ужасные годы (1946–48), сразу же после второй мировой войны. Он часто вспоминал вой сигнальных сирен воздушной тревоги, которые готовили людей к очередным разрушениям и смерти под бомбами. Что в подобных условиях может обозначать свобода от несчастий? «Мы знаем, какие звуки издают дома, когда

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org они рушатся в пламени... Глаза наши видели красный блеск, а уши наши слышали звуки разрушения, падения и вопли погибающих». На этом фоне призыв смотреть на птиц и лилии, возможно, будет пустым. «И тем не менее, – продолжает д-р Тилике, – я думаю, нам надо остановиться и послушать, когда этот Человек, жизнь которого на земле была подобна жизни птиц и лилий, указывает нам на их беззаботность. Не показалась ли уже мрачная тень Креста в этот час Нагорной проповеди?» [176] Другими словами, можно уповать на любовь нашего Небесного Отца даже во время жесточайших бед, так как мы удостоились видеть откровение этого в Самом Иисусе и Его кресте.

Итак, детям Божиим не обещается свобода ни от работы, ни от ответственности, ни от несчастий, а только от заботы. Забота запрещена нам: она несовместима с христианской верой.

3) забота несовместима со здравым смыслом (ст. 34).

Возвращаясь от нашего отступления по поводу проблем веры, мы должны заметить, что забота так же несовместима со здравым смыслом, как и с христианской верой. В стихе 34 Иисус упоминает сегодня и завтра. Любая забота касается завтрашнего дня: о пище, одежде или о чем-либо ином, но всякая забота испытывается сегодня. Все наши беспокойства и тревоги в настоящее время связаны с событиями, которые могут случиться в будущем. Однако эти наши страхи о завтрашнем дне, так остро испытываемые нами сегодня, могут и не сбыться. Известный совет «не беспокойся, этого может и не случиться», несомненно, лишен сочувствия, но совершенно справедлив. Люди беспокоятся, что они могут не сдать экзамен, не найти работу, не жениться, не сохранить свое здоровье или что им не повезет в каком-либо предприятии. Но все это фантазии. «Страхи могут лгать», что они часто и делают. Многие заботы, возможно – большинство, никогда не исполняются.

Поэтому забота – это всегда потеря: потеря времени и нервной энергии. Нужно учиться жить сегодня. Конечно, мы будем планировать на будущее, но не будем о будущем заботиться. «Заботы одного дня достаточно на один день» (ДБФ), или «на каждый день достаточно своих забот» (НАБ). Зачем же тогда их предвосхищать? Если мы так делаем, то мы их удваиваем. Ибо если наш страх не сбывается, то тревожились мы понапрасну; если он сбывается, то мы беспокоились дважды вместо одного раза. В обоих случаях это глупо: забота удваивает беспокойство.

Пришло время обобщить сказанное Иисусом о ложной мирской цели. Быть озабоченным материальными вещами настолько, что они завладевают нашим вниманием, забирают нашу энергию и отягощают нас беспокойством, – несовместимо ни с христианской верой, ни со здравым смыслом. В этом выражается недоверие нашему Небесному Отцу, и это откровенно глупо. Так поступают язычники. Но эта цель совершенно не подходит христианам и недостойна их. Так же, как тогда, в Нагорной проповеди, Иисус призывал нас к большей праведности, всеобъемлющей любви и более глубокому благочестию, так и сейчас Он призывает нас к более высокой цели.

Б. Истинная, или христианская, цель: закон Божий и праведность.

Очень важно рассмотреть стихи 31 и 33 вместе. Стих 31 повторяет запрет заботиться о еде, питье и одежде. Стих 32 добавляет: «Потому что всего этого ищут язычники». Это показывает, что в словаре Иисуса слова «искать» и «заботиться» взаимозаменяемы. Он говорит не столько о беспокойстве, сколько о цели, к которой мы стремимся. Так, стремление язычников направлено на материальные нужды. Но это не подходит христианам частично потому, что «Отец... Небесный знает, что... имеете нужду во всем этом», но в основном потому, что это недостойно христианина. Он должен стремиться к более высокой цели, такой, как Высшее Благо, искать не материальные, а духовные ценности; не свое собственное благо, а Божье; наконец, не пищу или одежду, а Царство и правду Бога. Это соотносится с учением, содержащимся в молитве Господней. В соответствии с этим, христиане должны признавать, и признают, телесные нужды («хлеб наш насущный дай нам на сей день»), хотя основные наши заботы связаны с именем Бога, Его Царством и волей. Мы не ^/ожем признать молитву Господню, пока не увидим истинную цель. Иисус говорит нам «искать прежде Царства Божия и правды Его»; в молитве Господней мы обращаем этот высший поиск в просьбу.

1) Ищите прежде Царства Божьего.

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
Когда Иисус говорил о Царстве Божьем, Он имел в виду не верховную власть Бога над природой и историей, а особый закон, который Он Сам установил для народа Своего и который входит в жизнь человека, когда он смиряется, кается, верит, подчиняется и возрождается. Царство Божье – это Иисус Христос, который правит Своим народом, благословляя его и удовлетворяя все потребности. «Искать прежде» это Царство – значит стремиться распространять царствование Иисуса Христа. И начинать надо с самих себя, пока все в нашей жизни – дом, брак и семья, личный моральный облик, работа и деловая этика, счет в банке, налоги, жизненный стиль, гражданство – не будет с радостью и свободно подчинено Христу. Это Царство будет распространяться в нашем непосредственном окружении, когда мы возьмем на себя ответственность за наших родных, коллег, соседей и друзей. Оно выразится также во всеобщей заботе о миссионерском свидетельстве церкви.

Чем обусловлено наше желание распространить Евангелие по всему миру? Конечно, не стремлением к имперским завоеваниям для нас самих, или для церкви, или даже для «христианства». И хотим мы это делать не только потому, что евангелизация является частью нашего христианского послушания (хотя это и так). Не с целью осчастливить других людей (хотя это и происходит). Но в основном потому, что на карту поставлена слава Бога и Его Христа. Бог – Царь, установивший Свою спасительную власть через Христа, имеет право править в жизни Своих созданий. Поэтому мы должны прежде искать Его Царства, страстно желая, чтобы имя Его получило от людей причитающуюся Ему славу.

Отдавая приоритет интересам Царства Божьего здесь и теперь, мы не должны также забывать о сверхисторической цели. Ибо нынешнее провозглашение Царства – это лишь часть задачи. Иисус также говорил о будущем Царстве славы и заповедовал нам молиться о Его пришествии. Поэтому «искать прежде» Царство включает в себя желание и молитву о завершении в конце времени, когда все враги Царя станут подножием ног Его и Его Царство будет неоспоримым.

2) Ищите прежде правды Божьей.

Неясно, почему Иисус разделил Его Царство и Его правду как два похожих, но разных объекта. Ибо закон Божий праведен, и в Нагорной проповеди Иисус учил нас алкать и жаждать правды, не бояться преследования за нее и проявлять праведность большую, нежели у книжников и фарисеев. Теперь нам говорится «искать прежде» правды Божьей вдобавок к желанию искать прежде Царства Божьего.

Позвольте мне объяснить разницу между этими двумя целями. Царство Божье существует лишь там, где сознательно признают Иисуса Христа. Быть в Царстве Его – значит принять Его спасение. Лишь возрожденный может войти в Царство. И искать его – значит распространять Благую весть о спасении в Иисусе Христе.

Но Божья «правда», похоже, является более широким понятием, чем «Царство» Божье. Оно включает и ту личную и социальную праведность, о которой в проповеди упоминалось раньше. И Бог, будучи Сам праведным, желает правды в каждом человеческом сообществе, а не только лишь в каждой христианской общине. Еврейские пророки обличали несправедливость не только в Израиле и Иудее, но и в окружающих языческих странах. Пророк Амос, например, предупреждал о суде Божьем над Сирией, Филистимлянами, Тиром, Едомом, Аммоном и Моавом из-за их жестокости в войнах и других ужасах, а также над народом Божьим. Бог ненавидит несправедливость и любит правду. Лозаннское соглашение, принятое на конгрессе Мировой евангелизации в июле 1974 года, включает в себя параграф о «христианской социальной ответственности», который начинается так: «Мы подтверждаем, что Бог является Творцом и Судьей всех людей. Поэтому мы разделим Его заботу о справедливости и примирении во всем человеческом обществе».

Теперь одно из намерений Бога в отношении Его нового и искупленного сообщества заключается в том, чтобы сделать правду Его притягательной (в личной, семейной, общественной, национальной и международной жизни) и, таким образом, прославить ее. Тогда люди вне Царства Божьего увидят ее и устремятся к ней и правда Царства Божьего будет как бы изливаться на нехристианский мир. Конечно, глубокая праведность сердца, что подчеркивает Иисус в проповеди, недоступна никому, кроме возрожденного; но некоторая степень праведности возможна также и в невозрожденном обществе в личной

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org жизни, в семейных нормах и в поведении в обществе. Конечно же, христиане хотят идти много дальше этого и видеть, как люди действительно попадают в Царство Божье через веру в Иисуса Христа. В то же время ясно, что и вне Царства Бог предпочитает праведность неправде, справедливость несправедливости, свободу угнетению, любовь ненависти, мир войне.

Если это так (и вряд ли это можно отрицать), то выражение «ищите прежде Царства и правды Его» включает в себя нашу христианскую и социальную ответственность, так же как метафоры «соли» и «света» в 5 главе Матфея. Мы должны возвещать Евангелие Христа – именно так распространяется Царство: через слышание, уверование и исполнение. Мы будем евангелизировать (ибо внутренняя праведность сердца иначе невозможна), но мы также будем участвовать в общественной деятельности, чтобы распространять в обществе высокие идеалы правды, угодные Богу.

В чем же тогда состоит наша христианская цель? Каждый стремится кем-то быть, иногда с раннего возраста. Детские амбиции обычно следуют определенным стереотипам – например, стать ковбоем, космонавтом или балериной. Взрослые также следуют своим узким стереотипам – как, например, быть здоровым, знаменитым и иметь власть. Но, в конечном итоге, для людей возможны лишь две цели. Как мы видели, Иисус противопоставляет ложные стремления и истинные, мирские («языческие») и христианские, материальные и духовные, сокровища на земле и сокровища в небе, пищу и одежду – и Царство и правду Божью. Но кроме и помимо всего этого, существует еще более фундаментальное противопоставление. В конце концов, так же, как существуют два вида благочестия: эгоистическое и обращенное к Богу, есть также два вида стремлений: радеть о себе самом или о Боге. Третьего не дано.

Личные амбиции могут быть совершенно скромными (есть, пить и одеваться, как в Нагорной проповеди), или они могут быть грандиозными (большой дом, самая быстрая машина, высокое жалованье, более широкая репутация, большая власть). Но, скромные или нет, эти амбиции всегда касаются меня самого – мое удобство, мое здоровье, мое положение, моя власть.

Однако если мы стремимся жить во имя Бога, нельзя ограничиваться скромными целями. В этом есть что-то недостойное. Как мы можем удовлетвориться тем, что Он получит лишь немного больше славы в мире? Если нам ясно, что Бог – Царь, то мы хотим видеть Его увенчанным славой и честью, занимающим Свое истинное, высшее место. Мы стремимся везде распространять Его Царство и правду.

Если это действительно является нашей главной целью, тогда не только «все остальное... приложится» (то есть будут обеспечены наши материальные нужды), но будут исполняться и наши вторичные цели, так как они будут подчинены нашей изначальной цели. Именно тогда христиане смогут развивать свои таланты, расширять свои возможности, увеличивать свое влияние и получать помощь в своем труде – так как они будут это делать не для удовлетворения своего «я» или построения собственной империи, а во славу Бога. Меньшие цели здоровы и правильны, если они служат для достижения большей цели (распространения Царства Божьего и правды Его) и, таким образом, для достижения величайшей из всех целей, а именно, славы Божьей. Это и есть то «Высшее Благо», которое мы должны «искать прежде»; другого не существует.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 7:1-12

Взаимоотношения христианина со своими братьями и со своим Отцом

Глава 7 состоит из нескольких обособленных параграфов. Связь их друг с другом не очевидна. Да и глава в целом не связана напрямую с предыдущей. Многие комментаторы заключают, таким образом, что Матфей сам собрал эти отрывки, вырвав их из контекста, и, похоже, выполнил эту работу несколько неудачно. Но достаточных оснований для такого заключения нет. Связующая тема, которая проходит сквозь главу, касается взаимоотношений. Вполне логично, что, описав христианский характер, влияние, праведность, благочестие и стремление, Иисус сосредоточил, наконец, наше внимание на взаимоотношениях. Ибо христианская контркультура – дело не индивидуальное, а общественное, и взаимоотношения в сообществе, а также между сообществом и личностью, являются весьма важными. Итак, в Матфее 7 дано краткое описание системы взаимоотношений, в которую мы вовлечены, как последователи Иисуса. Они могут быть изложены следующим образом:

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org

1) взаимоотношения с нашим братом, в глазу которого мы можем увидеть сучок и которому мы обязаны помогать, а не судить его (ст. 1–5);

2) с группой, ужасно названной «псами» и «свиньями». Они также люди, но такова уж их животная натура, что нам не рекомендуется делиться с ними Евангелием Божьим (ст. 6);

3) с Отцом нашим Небесным, к которому прибегаем в молитве, уверенные, что Он даст нам только «благо» (ст. 7–11);

4) со всеми вообще: Золотое правило руководит нашим к ним отношением и поведением (ст. 12);

5) с нашими попутчиками, идущими с нами узким путем (ст. 13,14);

6) с лжепророками, которых мы должны узнавать и опасаться (ст. 15–20);

7) с Господом нашим Иисусом, учение которого мы призваны слушать и исполнять (ст. 21–27).

1. Наше отношение к своему брату (ст. 1–5)

1 Не судите, да не судимы будете; 2 Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить, 3И что ты смотришь на сучек в глазу брата твоего, а бревно в твоём глазу не чувствуешь? 4Или, как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучек из глаза твоего»; а вот, в твоём глазу бревно? 5лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучек из глаза брата твоего.

Иисус не предполагает, что христианская община будет совершенной. Наоборот, Он знает, что будут возникать скандалы, которые породят напряженность, проблемы во взаимоотношениях. Как же вести себя христианам, в частности, по отношению к оступившемуся ближнему? Дает ли Иисус какие-либо указания по поводу дисциплины в Своей общине? Да, в подобной ситуации Он запрещает два альтернативных пути, а затем рекомендует третий, лучший, более «христианский» путь.

А. Не должно христианину быть судьей (ст. 1,2).

Слова Иисуса «не судите, да не судимы будете» хорошо известны, но часто понимаются неверно. Прежде всего, мы должны отвергнуть основанную на этом стихе веру Толстого в то, что «Христос полностью запрещает любой человеческий суд» и что Он «ничего иного не мог иметь в виду под этими словами» [177]. Но запрет Иисуса, скорее всего, касается не того, о чем говорит Толстой, ибо контекст относится не к судьям в судах, а к взаимной ответственности друг перед другом.

Далее, повеление Господа нашего «не судить» нельзя понимать как приказ подавить наше стремление к критике и закрыть глаза на ошибки людей (предпочитая их не замечать), другими словами, отказаться различать добро и зло. На каком основании мы делаем подобные выводы? Отчасти потому, что поведение подобного рода было бы лицемерием, а мы знаем о Его любви к искренности и ненависти к лицемерию. Отчасти же потому, что это противоречит природе человека, созданного по образу Божьему, а следовательно, наделенного способностью выносить верные суждения. А также потому, что большая часть учения Христа в Нагорной проповеди основана на допущении, что мы будем (и даже должны) использовать свои критические способности. Например, мы неоднократно слышали Его призыв отличать от мира своей праведностью, превосходящей праведность фарисеев, любовью, благочестием, целями. Но для того чтобы выполнить это, мы должны уметь оценить поступки других и убедиться, что мы превосшли их. И потом, в Евангелии от Матфея 7 за наказом «не судить» других следуют два дальнейших: избегать давать «святую» псам, или бисер свиньям (ст. 6), и остерегаться лжепророков (ст. 15). Ни один из этих наказов нельзя будет выполнить, не используя наши способности выносить критические суждения. Ибо для того, чтобы определиться в своем отношении к «псам», «свиньям» и «лжепророкам», мы должны будем сначала распознать их.

Если же Иисус не отменял судов и не запрещал критики, что имел Он в виду, когда сказал «не судите»? «Критиканство»! Последователь Иисуса является «критиком» в том смысле, что он использует свои способности, чтобы

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org различать и делать выводы, но он не является «судьей» в смысле критиканства. Критиканство – грех, состоящий из нескольких неприятных составляющих. Во-первых, это означает жестко осуждать людей. Такой критик относится к другим людям негативно и деструктивно, ему нравится выискивать их промахи. Он видит лишь наихудшие из возможных мотивов.

Хуже того, быть критиканом – значит вести себя подобно цензору и выносить суждения о своих близких, претендуя на компетентность и авторитетность своего мнения. Поступая таким образом, я и сам играю, и окружающих заставляю играть ложную роль. Когда же стали они мне подотчетными слугами? И с какого же времени я их господин и судья? Как писал к римлянам Павел, применяя эту истину (7:1) к их ситуации: «кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он или падает» (Рим. 14:4). Павел также применяет эту истину к себе, когда его окружили враждебно настроенные клеветники: «Судия мне Господь. Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения» (1 кор. 4:4,5). Павел подчеркивает в этих стихах простую, но важную мысль – человек не Бог. Ни один человек не может быть судьей своим _ближним, так как мы не можем читать в сердце другого или оценивать мотивы его поступков. Осуждать – значит пытаться предвосхитить судный день, узурпировать власть божественного Судьи, другими словами, – пытаться играть роль Бога.

Мы не только не являемся судьями, но и сами находимся среди подсудных и нас будут судить с большей строгостью за то, что мы осмеливаемся судить Других. «Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить». По-моему, все здесь предельно ясно. Если мы изображаем судей, мы не можем ссылаться на незнание закона, который, по нашим словам, способны применять. Если нам нравится занимать судейское кресло, то мы не должны удивляться, оказавшись на скамье подсудимых. По выражению Павла: «Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого; ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, делаешь то же» (Рим. 2:1; см.: Иак. 3:1).

Подводя итоги, можно сказать, что заповедь «не судите» – это не требование быть слепым, а призыв быть великодушным. Иисус не говорит нам прекратить быть людьми (подавляя наш критический разум, отличающий нас от животных), но отказаться от самонадеянной попытки быть Богом (выступая в роли судей).

Б. Христианин не должен быть лицемером (ст. 3,4).

З и что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь? Или, как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучек из глаза твоего»; а вот, в твоём глазе бревно?

Иисус произносит теперь Свою, знаменитую маленькую притчу о «инородных телах» в человеческих глазах: сучках и бревнах, или палках. Джеймс-Моффатт называл их «занозой» и «доской». Ранее Иисус указывал на наше лицемерие по отношению к Богу, когда мы показываем наше благочестие перед людьми, чтобы они нас видели; теперь же он указывает на наше лицемерие по отношению к другим: пристально рассматривая их мелкие грешки, мы отказываемся иметь дело с собственными более серьезными ошибками. Вот и другая причина, почему мы не можем быть судьями: не только потому, что мы слабые человеческие существа (а не Бог), но и потому, что мы люди падшие. Падение всех нас сделало грешниками. Поэтому мы не в состоянии судить наших ближних, грешников; как судьи мы дисквалифицированы.

Крайне смешно видеть человека, пытающегося совершить тонкую операцию по удалению соринки из глаза своего друга, в то время как огромная доска полностью закрывает его собственные глаза. Однако когда мы сами пытаемся сделать то же самое, то не всегда понимаем юмор положения. Мы подвержены фатальной склонности преувеличивать ошибки других и преуменьшать тяжесть своих собственных. Невозможно, сравнивая себя с другими, быть строго объективными и беспристрастными. Наоборот, мы способны резко осуждать в других ошибки, свойственные и нам самим, испытывая при этом удовольствие от осознания своей праведности, а не боль раскаяния. Итак, «лицемер» (ст. 5) – это ключевое слово. Более того, этот род лицемерия наиболее неприятен, так как видимый акт доброты (извлечение соринки из глаза ближнего) становится средством для раздувания собственного эго. Осуждение, как пишет А. Б. Брюс, является «фарисейским пороком, возвеличивание себя путем унижения других – крайне дешевый путь достижения морального превосходства» [178]. Притча о

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
фарисее и мытаре являлась комментарием Самого Господа на это извращенное отношение. Он сказал ее «к некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и унижали других» (Лк. 18:9). Фарисей сделал неточное сравнение, преувеличивая как свою собственную добродетель, так и порок мытаря.

Нам нужно применять к самим себе такой же строгий критерий, какой мы применяем к другим. «Ибо, если бы мы судили сами себя, – писал Павел, – то не были бы судимы» (1 Кор. 11:31). Мы бы не только избежали Божьего осуждения, но могли бы смиренно и великодушно помогать ошибающемуся брату. Лишь удалив прежде бревно из своего собственного глаза, мы будем ясно видеть, как удалять сучок из его глаза.

В. Христианин должен быть братом (ст. 5).

5 Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучек из глаза брата твоего.

Некоторые предполагают, что в этой притче Иисус запрещает нам действовать подобно моральным или духовным окулистам и залезать в глаза другим людям, а вместо этого советует заниматься своими собственными делами. Это не так. Тот факт, что критиканство и лицемерие нам запрещены, не означает, что мы освобождены от взаимной братской ответственности. Наоборот, позже Иисус учил, что, если брат наш согрешает против нас, первым нашим долгом (которым обычно пренебрегают) является «пойти и обличить его...» (Мф. 18:15). Здесь на нас возложено то же обязательство. Конечно, если в нашем собственном глазу находится инородное тело больших размеров, мы не должны вмешиваться. Но в других обстоятельствах Иисус явно призывает нас поправлять и корректировать поведение нашего брата. Поскольку мы уже имели дело с проблемами собственных глаз, то мы ясно увидим, как помочь ему. Даже немного грязи в его глазу справедливо называется «инородным» телом. Это всегда нечто чуждое, обычно болезненное и иногда опасное. Едва ли будет соответствовать принципу братской любви, если мы оставим ее там, не сделав попытки удалить.

Поэтому наша христианская обязанность состоит не в том, чтобы видеть сучок в глазу брата нашего, не замечая при этом бревна в собственном (ст. 3); еще менее в том, чтобы говорить брату своему: «Дай, я выну сучок из глаза твоего», не вытащив прежде бревна из своего собственного (ст. 4); она, скорее всего, в том, чтобы прежде вынуть бревно из своего собственного глаза, чтобы затем, обретя ясное зрение, мы смогли вынуть сучок из глаза брата нашего (ст. 5). Также очевидно, что Иисус не осуждает критику как таковую, но, скорее всего, такую критику, которая не сопровождается соответствующей самокритикой; не исправление как таковое, но корректировку других, возможную лишь после того, как мы исправились сами. Иисус дал высокий стандарт взаимоотношений для христианской контркультуры. Во всех наших отношениях с другими мы должны играть не роль судьи (становясь жесткими, суровыми и осуждающими) или лицемера (обвинять других, себя же прощать), а брата, который, заботясь о других, сначала обвиняет и исправляет самого себя, потом же пытается конструктивно помогать им. «Исправляй его, – сказал Златоуст, относя это к кому-то, кто согрешил, – но не как враг, не как противник, подвергающий наказанию, но как врач, дающий лекарство» [179], и более того – как любящий брат, пытающийся спасти и восстановить. Мы должны быть к себе критичны так же, как часто бываем по отношению к другим, и великодушны по отношению к другим так же, как всегда – по отношению к себе. Тогда мы предвосхитим Золотое правило, к которому подводит нас Иисус в стихе 12, и будем вести себя по отношению к другим так же, как бы мы желали, чтобы они вели себя с нами.

2. Наше отношение к «псам» и «свиньям» (ст. 6)

6 Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас.

На первый взгляд, это странно слышать из уст Иисуса, особенно в Нагорной проповеди, сразу после Его призыва к конструктивным братским отношениям. Но Иисус всегда называл вещи своими именами. Его откровенность заставляла Его называть Ирода Антипу «лисицей», а лицемерных книжников и фарисеев «окрашенными гробами» и «порождениями ехидны» (Лк. 13:32; Мф. 23:27,33). Здесь Он подтверждает, что существуют определенные люди, действующие подобно животным, которых вполне определенно можно назвать «псами» и «свиньями».

Этот контекст обеспечивает здоровый баланс. Если мы не должны «судить» других, выискивая в них недостатки строгим, осуждающим или лицемерным образом, то мы также не должны игнорировать их ошибки и делать вид, что все в порядке. Нужно избегать обеих крайностей. Святые не являются судьями, но также «святые не простаки» [180]. Если мы прежде удалим бревно из своего глаза, то сможем ясно увидеть, как убрать сучок из глаза брата своего, и тогда он (если он истинный брат в Господе) оценит нашу заботу. Но не каждый может быть благодарен за критику и исправление. Как сказано в Книге Притч: «Не обличай кощунника, чтобы он не возненавидел тебя; обличай мудрого, и он возлюбит тебя».

Кто же эти люди, названные «псами» и «свиньями»? Называя их так, Иисус не только указывает, что они скорее животные, чем люди, но и что они животные с дурными привычками. Псы, которых он имел в виду, это не хорошо ухоженные комнатные собачки, а дикие псы-парики, бродяги и дворняжки, кормящиеся на городской свалке. А свиньи считались у евреев нечистыми животными, не говоря уж об их любви к грязи. Позже Апостол Петр упоминает их, называя вместе две пословицы: «Пес возвращается на свою блевотину» и «Вымытая свинья идет валяться в грязи» (2 Пет. 2:22). Замечание относится к тому факту, что неверующие, природа которых не была обновлена, обладают жизнью физической, или животной, но не духовной, или вечной. Вспомним также, что евреи называли отверженных язычников «собаками» (см.: Мф. 15:26,27; Флп. 3:2; Отк. 22:15). Но, конечно же, христиане не относятся к нехристианам так презрительно. Поэтому нам надо глубже проникнуть в суть того, что имел в виду Иисус.

В Его заповеди сказано не давать «святости псам» и «не бросать нашего бисера перед свиньями». Эта картина понятна. Еврей никогда не даст «святой» пищи (возможно, перед тем принесенной в жертву) нечистым псам. Также он никогда и не помыслит бросать жемчуг свиньям. Не потому, что они нечисты, но они могут спутать жемчуг с орехами или горохом, попытаются его есть и тогда – найдя его несъедобным – потопчут его ногами и даже нападут на того, кто дал им это. Но в чем же все-таки значение этой притчи? Что это за «святость», и что такое «жемчуг»? Некоторые из ранних Отцов церкви думали, что имеется в виду Евхаристия, и делали вывод, что неверующих, некрещенных, нельзя допускать к причастию [181]. И хотя они, несомненно, были правы, но вряд ли именно это имел в виду Иисус. По-моему, лучше проследить связь с «драгоценной жемчужиной» из той притчи, в которой говорится о Царстве Божьем (Мф. 13:46) или о спасении, и шире – о Евангелии. Однако не стоит делать поспешных выводов и утверждать, что Иисус запрещал нам проповедовать Евангелие неверующим. Это противоречит всему учению Нового Завета и Великому поручению, которым оканчивается Евангелие от Матфея: «Идите, научите все народы». Крайние последователи кальвинизма использовали подобный вывод как аргумент против евангелизации, хотя сам Кальвин настаивал, что наш долг «представлять учение о спасении без различия всем» [182].

Поэтому «псы» и «свиньи», с кем нам запрещается делиться Евангелием, это не просто неверующие. Это, скорее, те, у кого была достаточная возможность слышать и принять Благую весть, но кто сознательно – даже с вызовом – отверг ее. «Нужно понимать, – мудро продолжал Кальвин, – что псами и свиньями называются не всякие развратники, или те, кто лишен страха Божьего и истинной набожности, но те, кто совершенно очевидно выказал явное презрение к Богу, так что их болезнь оказывается неизлечимой» [183]. Златоуст использует похожее выражение, так как он «псами» называет людей, «живущих в неисцелимом богоотступничестве» [184], а в наши дни профессор Джеремиас назвал их «теми, кто полностью предался порочным путям» [185].

Дело в том, что бессмысленно продолжать провозглашать Евангелие людям, которые отвечают на это лишь презрением и даже богохульством. Вспомните, как Иисус посылал на служение двенадцать, наделив их Своим авторитетом. Он предупредил их, что в каждом городе и доме, которые они посетят, некоторые будут восприимчивыми, или «достойными», другие же отвергнут их. «А если кто не примет вас и не послушается слов ваших, – продолжал Он, – то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших» (Мф. 10:14 = Лк. 10:10,11).

Апостол Павел тоже следовал этому принципу в своей миссионерской работе. Во время своего первого путешествия он и Варнава сказали иудеям, «противоречившим» их учению в Антиохии Писидийской: «Вам первым надлежало

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org быть проповедану слову Божию; но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам». А когда изгнали их из города, они, «отряси на них прах от ног своих, пошли в Иконию» (Деян. 13:44–51). Почти то же случилось в Коринфе во время второго миссионерского путешествия. Поскольку иудеи противились и злословили его, Павел, «отряси одежды свои, сказал к ним: кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам» (Деян. 18:5,6). И в третий раз Павел прореагировал так же, когда в Риме знатнейшие из иудеев отвергли Евангелие. «Итак да будет вам известно, что спасение Божие послано язычникам: они и услышат», – сказал он (Деян. 28:17–28).

Таким образом, наше христианское свидетельство и евангельская проповедь не должны быть обращены ко всем без разбору. Если у людей было множество возможностей слышать истину, но они на нее не ответили, если они упрямо поворачиваются спинами к Христу, если, другими словами, они сами начинают играть роль «псов» и «свиней», мы не должны продолжать заниматься ими, ибо тогда мы обесцениваем Евангелие Божье, позволяя им попирать его ногами. Что может быть более порочным? В то же время, трудно принять решение оставить людей – это очень серьезный шаг. Из своего опыта я могу вспомнить лишь об одном или двух случаях, когда я был уверен, что поступаю правильно. Применять это учение Иисуса можно лишь в исключительных ситуациях. Наша христианская обязанность заключается в том, чтобы терпеливо переносить других, как Бог переносил нас.

3. Наши отношения с Отцом Небесным (ст. 7–11)

7 Просите, и дано будет вам; идите, и найдете; стучите, и отворят вам; 8 ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. 9 Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? 10 И когда попросит рыбы, подал бы ему змею? 11 Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него.

Кажется естественным, что Иисус переходит от взаимоотношений с нашими ближними к взаимоотношениям с нашим Отцом Небесным, тем более что нам трудно выполнять христианские обязанности (не судить других, не метать бисер перед свиньями и быть готовыми к помощи, не лицемеря) без божественной помощи.

А. Обетования Иисуса.

Это не первое упоминание о молитве в Нагорной проповеди. Сначала Иисус предостерегал нас против фарисейского формализма, затем дал нам собственную молитву в качестве образца. Теперь Он активно призывает нас молиться, давая нам очень милостивые обетования. Ибо «ничто так не способствует молитве, нежели полная уверенность, что мы будем услышаны» [186]. «Он знает, что мы робки и застенчивы, что мы чувствуем себя недостойными и неспособными представлять нужды наши Богу... Мы думаем, что Бог столь велик, а мы столь ничтожны, и не осмеливаемся молиться... Поэтому Христос хочет помочь нам избавиться от робости, удалить наши сомнения, чтобы мы шли вперед уверенно и смело» [187].

Иисус методично повторяет Свои обетования, словно пытается отпечатать их в нашей памяти. Во-первых, Его обетования связаны с прямыми повелениями: просите... ищите... стучите... (ст. 7). Возможно, они сознательно распределены по степени важности. Ричард Гловер говорит, что ребенок, если мать его находится поблизости, просит; если нет, он ищет; если же она не видна ему, он стучит [188]. Как бы то ни было, все три глагола – императивы настоящего времени, они указывают на настойчивость, с которой мы обращаемся с просьбами к Богу. Во-вторых, обетования выражаются в общих утверждениях: «ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (ст. 8).

В-третьих, Иисус иллюстрирует Свои обетования примером, взятым из домашней жизни (ст. 9–11) – Он рассматривает ситуацию, которая всем Его слушателям хорошо известна: ребенок, приходящий с просьбой к своему отцу. Если он просит хлеба, то есть нечто насущно необходимое (хлеб или рыбу), получит ли он вместо того нечто вредное для него или даже несъедобное (ядовитую змею)? Конечно же нет! Родители, даже если они злы, т. е. эгоистичны по природе, все же любят своих детей и дают им лишь хорошее. Заметьте, что Иисус здесь принимает, даже подтверждает, присущую человеческой природе греховность. В

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
то же время Он не отрицает, что злые люди способны делать добро. Наоборот, злые родители дают нечто хорошее своим детям, ибо «Бог вливает в сердца их частичку Своей доброты» [189]. Иисус говорит здесь, что даже если такие люди творят добро, следуя благородным инстинктам и заботясь о своих детях, они не перестают быть злыми по природе своей.

Итак, сила притчи заключается скорее в противопоставлении, нежели в сравнении Бога и людей. Это еще один аргумент *a fortiori* («насколько больше»): если человеческие родители (хотя и злые) знают, как делать добро своим детям, насколько же больше желание небесного Отца нашего (который абсолютно добр) дать «блага просящим у Него» (ст. 11). «Что может быть больше того, что Он им уже дал, а именно, – гарантировал, что они будут Его детьми?» [190] Несомненно, молитвы наши преобразуются, когда мы вспоминаем, что Бог, к которому мы приходим, это «Авва, Отче», бесконечно благой и добрый.

Профессор Джеремиас так прокомментировал это нововведение Иисуса. Он пишет, что с помощью своих ассистентов он внимательно исследовал «молитвенную литературу древней Иудеи – огромную, богатую литературу, слишком мало исследованную», но «нигде в этой обширной литературе не нашел, чтобы к Богу обращались Авва... Авва было повседневым словом, домашним, семейным словом. Ни один иудей не осмелился бы обращаться к Богу таким образом. Иисус же всегда это делал... и разрешил ученикам Своим употреблять слово Авва» [191]. Что может быть проще этой концепции молитвы? Если мы Христовы, то Бог – наш Отец, мы дети Его, и молитва доходит до Него вместе с нашими просьбами. Проблема в том, что для многих из нас это кажется слишком просто, даже примитивно. В своем стремлении все усложнять мы не можем поверить, что все так просто, тем более это совсем не совпадает с нашим опытом. Поэтому от Христовых молитвенных обетований мы обращаемся к своим молитвенным проблемам.

Б. Проблемы, созданные людьми.

Не в силах принять простоту обетования Иисуса «просите, и дано будет вам; ищите, и найдете», люди высказывают некоторые возражения против молитвы, которые мы и рассмотрим.

1) Не стоит зря беспокоить Бога.

Это утверждение основано на том, что, по мнению многих, Бог не нуждается в наших просьбах и Ему незачем принуждать нас к этому, ведь Сам же Иисус говорил, что Отец наш Небесный знает все наши нужды и в любом случае заботится о нас. Разве родители удовлетворяют нужды своих детей только тогда, когда те их просят об этом?

Но мы должны обращаться к Богу со своими нуждами не потому, что Он ничего не знает и ждет, пока мы проинформируем Его, и не потому, что Его надо в чем-то убедить. Причина находится в нас, а не в Нем; вопрос не в том, готов ли Он давать, а в том, готовы ли мы принимать. Итак, в молитве мы не столько «уговариваем» Бога, сколько убеждаем себя подчиниться Богу. Конечно, приемы «уговаривания Бога» часто используются в молитве, но это лишь снисхождение к человеческой слабости. Иаков «убеждал Бога», а случилось так, что Бог убедил его, Он привел Иакова на грань поражения, и тогда он смог принять благословение, которое все это время Бог жаждал дать ему.

Истина в том, что Отец небесный не станет портить Своих детей и осыпать их подарками, не учитывая их желаний и готовности к этому. Он всегда ждет, пока мы не осознаем свою нужду и не обратимся к Нему в смиренности. Поэтому Он и говорит: «Просите, и дано будет вам», именно поэтому Иаков добавляет: «Не имеете, потому что не просите» (Иак. 4:2). Подобная молитва – это тот самый путь, который избрал для нас Сам Бог, чтобы мы могли выразить таким образом нашу осознанную нужду в Нем и нашу смиренную зависимость от Него.

2) Можно обойтись и без молитвы.

Это второе возражение проистекает более из опыта, нежели из богословия. Мыслящие христиане оглядываются вокруг и видят множество людей, превосходно обходящихся без молитвы. И даже кажется, что без молитвы они получают то же самое, что мы получаем с молитвой. Они получают необходимое, работая, а не молясь о том. Фермер получает хороший урожай трудом, а не молитвой. Мать

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org получает своего ребенка с медицинской помощью, а не молитвенной. Семья сводит баланс своего бюджета с помощью заработка отца и, возможно, других доходов, но не молитвой. У нас может возникнуть искушение сказать: это доказывает, что молитва ни на что не влияет; не стоит зря колебать воздух.

Но погодите минутку! Прежде чем размышлять над этим вопросом, нам необходимо понять различие между дарами Бога как Создателя и дарами Его как Отца, или, другими словами, между дарами творения и дарами искупления. Совершенно верно, определенные дары (урожай, детей, пищу, жизнь) Он дает независимо от того, молятся люди или нет, верят они или нет. Он дает всему жизнь и дыхание. Он посылает дождь с небес и время для сбора урожая всем. Он заставляет солнце Свое всходить равно над злыми и добрыми (Мф. 5:45). Он «посещает» мать, когда она зачала и позже рождает. Ни один из этих даров не зависит от того, признают или нет люди своего Создателя и молятся ли Ему.

Но Божьи дары искупления существенно отличаются от даров творения. Бог не одаряет спасением всех одинаково, но Он «богат для всех, призывающих Его. Ибо «всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (Рим. 10:12,13). То же относится к благословениям после спасения, «благам», которые, как говорит Иисус, Отец уделяет детям Своим. Здесь Он подразумевает не материальные блага, а духовные – ежедневное прощение, избавление от зла, мир, возрастание в вере, надежде и любви, – внутреннюю работу Духа Святого как всемерное благословение Божье – именно так отзывается Лука о «благах» (Мф. 7:11 = Лк. 11:13). Об этих дарах мы обязательно должны молиться.

Молитва Господня, которой Иисус учил ранее в Нагорной проповеди, сводит воедино оба рода даров, ибо «хлеб насущный» – это дар творения, «прощение» же и «избавление» – это дары искупления. Почему же они объединены в одной молитве? Возможно, ответ таков. Мы молимся о хлебе насущном не потому, что боимся остаться голодными (ибо миллионы получают свой насущный хлеб без всякой молитвы), но так как мы знаем, что он дается Богом и что мы, дети Его, должны регулярно признавать свою физическую зависимость от Него. А о прощении и избавлении мы молимся потому, что эти дары даются только в ответ на молитву, и мы знаем также, что без них мы пропадем. Так что молитва крайне необходима.

3) Молитва неэффективна.

Третья проблема связана со второй. Люди утверждают, что молитва не нужна, так как Бог дает и тем, кто не просит, и что неэффективна, так как многим просящим Он не дает. «Я молился о том, чтобы выдержать экзамен, но провалился. Я молился об исцелении от болезни, но стало еще хуже. Я молился о мире, но весь свет наполнен шумом войны. Молитва не действует!» Молитва, оставшаяся без ответа, – эта проблема хорошо известна многим.

Чтобы разобраться в этой проблеме, необходимо помнить, что обетования Иисуса в Нагорной проповеди не являются безусловными. Краткое размышление убедит нас в этом. Абсурдно предполагать, что обещание «просите, и дано будет вам» является абсолютным залогом без всяких условий; что «стучите, и отворят вам» равносильно словам «Сезам, откройся» для любой запертой двери без исключения; и что со взмахом молитвенной волшебной палочки исполнение каждого желания гарантируется и любая мечта сбывается. Подобная позиция смешна. Это бы превратило молитву в магию, молящегося – в мага, подобного Аладдину, а Бога – в нашего слугу, который постоянно должен исполнять наши повеления, как джин Аладдина, стоит нам лишь потерять нашу молитвенную лампочку. Какая невероятная ответственность легла бы тогда на плечи христианина, если бы он наверняка знал, что получит все, о чем попросит! «Если бы, – пишет Алек Мотиер, – Бог был бы обязан давать все, о чем мы просим, да еще в нужные нам сроки, то я ни за что бы не стал молиться, так как я не слышком верю в свою собственную мудрость, чтобы просить Бога о чем-либо; и мне кажется, если вы над этим поразмыслите, то согласитесь со мной. Это невыносимая тяжесть для хрупкой человеческой мудрости. Как можно вынести эту ношу?» [192]

Можно изложить дело таким образом: будучи благ, Отец наш Небесный одаряет Своих детей лишь благами; будучи также мудрым, Он знает, какие дары хороши и какие нет. Мы уже слышали, как Иисус говорит, что родители никогда не дадут камень или змею своим детям, просящим хлеба или рыбы. Но что, если бы дети (по незнанию или глупости) действительно попросили бы камень или змею? Что тогда? Несомненно, крайне безответственный родитель мог бы удовлетворить просьбу ребенка, но подавляющее большинство родителей будут

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org достаточно мудрыми и любящими в подобной ситуации. Наверняка, наш Отец Небесный никогда не даст нам ничего вредного, даже если мы будем об этом просить настойчиво и неустанно, по той простой причине, что Он одаряет детей лишь «благами». Поэтому, если мы просим о вещах, которые не хороши (либо сами по себе, либо для нас или других, прямо или косвенно, сейчас или в будущем), то Он отвергает подобные просьбы; и лишь Ему известна истина. Мы можем поблагодарить Бога, что удовлетворение наших нужд зависит от условий – не только от того, просим ли мы, ищем и стучим, но также от того, хорошо ли то, чего мы жаждем, когда просим, ищем и стучим. Благодарение Богу за то, что Он отвечает на наши молитвы. Благодарение Богу за то, что Он иногда отвергает наши просьбы. «Я благодарю Бога, – пишет доктор Ллойд-Джонс, – что Он не собирается делать все, о чем я могу Его попросить... Я глубоко благодарен Богу за то, что Он не дал мне определенные вещи, о которых я просил, и что Он захлопнул определенные двери перед моим носом» [193].

В. Уроки, которые мы можем извлечь.

Молитва звучит очень просто, когда этому учит Иисус. Попросту «просите... ищите... стучите...», и в каждом случае вы дождетесь ответа. Это, однако, обманчивая простота; за ней стоит многое. Во-первых, молитва предполагает знание. Так как БОГ дает лишь в том случае, если это совпадает с Его волей, мы должны взять на себя труд определять Его волю – с помощью размышлений над Писанием, развивая тем самым христианский ум. Во-вторых, молитва предполагает веру. Одно дело – знать волю Божью; другое – смириться перед Ним и выразить свою уверенность в том, что Он способен сделать так, чтобы воля Его была исполнена. В-третьих, молитва предполагает устремленность. Мы можем знать Божью волю и верить, что Он ее исполнит, и все же не желать этого. Молитва – это главное средство, данное нам Богом для выражения наших глубочайших стремлений (см.: Рим. 10:1). Именно поэтому повеления «просите – ищите – стучите» стоят в форме повелительного наклонения настоящего времени и расположены по возрастающей, чтобы испытать нашу настойчивость.

Итак, прежде чем просить, необходимо понять, что мы хотим и согласуется ли это с волей Божьей; мы должны верить, что Бог может дать это; и мы должны искренне хотеть принять этот дар. Тогда благодатные обетования Иисуса исполнятся.

4. Наше отношение ко всем людям (ст. 12)

12 Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки.

Логика слова «итак», или «таким образом» (οὕτως), которым начинается этот стих, недостаточно ясна. Его можно соотнести с предыдущим стихом и тогда предположить, что если Бог добр ко всем ищущим Его в молитве, то и Его дети также должны быть добры ко всем. Или это может относиться к повелению не судить, направленному против критиканства и лицемерия. Как бы то ни было, но Иисус повторял этот принцип в разное время и в различных ситуациях, а в версии Луки он следует сразу после трех маленьких иллюстраций, подкрепляющих заповедь любви к врагам (Лк. 6:31). Конечно, эта любовь для нас недостижима без благодати Божьей. Именно любовь Свою как одно из благ дарует Он нам через Духа Своего Святого в ответ на наши молитвы (стих 11 = Лк. 11:13).

Различные комментаторы отмечали, что Золотое правило можно найти – правда, всегда выраженное в отрицательной форме – в иных местах. Утверждают, например, что Конфуций сказал: «Не делай другим того, чего бы ты не желал, чтобы делали тебе»; и у стоиков было почти такое же выражение. В ветхозаветных апокрифах находим следующее: «Что ненавистно тебе самому, того не делай никому» [194]. Похоже, именно это цитировал знаменитый равви Гиллель ок. 20 г. до Р. Х., когда один из тех, кто хотел обратиться в иудаизм, попросил научить его всему Закону, стоя на одной ноге. Его соперник равви Шаммай не смог или не захотел ответить, а равви Гиллель сказал: «Что сам ненавидишь, никому не делай. В этом весь Закон; все прочее – лишь комментарий» [195].

Так как это наиболее известный пример параллелизма между иудейским Талмудом и Нагорной проповедью, попробуем его прокомментировать дальше. Некоторые зашли так далеко, что утверждают, будто все, содержащееся в проповеди, есть также и в Талмуде, и гораздо больше. Профессор Джеремиас отвечает на это

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org следующим образом: «Дело именно в том, что в Талмуде находится «гораздо больше» и нужно искать зерно среди огромного количества шелухи, ничтожное золотое зернышко, которое можно было бы сравнить со словами Нагорной проповеди» [196]. Альфред Эдерсхайм, писавший примерно в конце прошлого века, был даже более откровенен. Он соглашается с тем, что в Талмуде есть «мудрость и логика, быстрота и готовность, искренность и рвение», но в то же время Талмуд и Новый Завет «противоположны по духу и сути». А именно, «в общем и целом, он не только совершенно недуховен, но и антидуховен» [197].

Вернемся к Золотому правилу. Существует действительно огромная разница между негативной и даже недоброжелательной формулировкой Гиллеля («Что сам ненавидишь, не делай другим») и позитивной инициативой, содержащейся в инструкции Иисуса («Делай другим то, что ты хочешь, чтобы делали тебе»). Даже тогда это могло прозвучать, как сниженная норма, подобно выражению «Люби ближнего своего, как самого себя». В действительности же это высокая норма, так как самолюбие – мощная сила в нашей жизни. Эдерсхайм называл такую любовь к ближнему «наибольшим приближением к абсолютной любви, на которую способна человеческая природа» [198].

Это также удивительно гибкий этический принцип. Собственный интерес часто ведет нас в наших делах; нужно позволить ему вести нас и в наших отношениях с другим. Все, что нам нужно, это, используя свое воображение, встать на место другого человека и спросить: «Как бы я хотел, чтобы со мной обходились в этой ситуации?» Как писал епископ Райл: «Это помогает избежать сотни трудностей... пропадает необходимость оперировать бесконечными маленькими правилами нашего поведения в каждом особом случае» [199]. Действительно, этот принцип имеет такое широкое применение, что Иисус мог бы добавить: «ибо в этом закон и пророки». То есть тот, кто ведет себя по отношению к другим так же, как бы он хотел, чтобы другие вели себя по отношению к нему, тот исполнил закон и пророков, по крайней мере в том, что касается любви к ближнему (см.: 5:17; Рим. 13:8–10).

В начале этой главы мы отметили, что христианская контркультура включает в себя систему ценностей, рассчитанную не только на стиль жизни отдельной личности, но и на отношения в общине. А христианская община – это, по сути, семья – семья Божья. Возможно, наиболее сильно в нашем христианском сознании запечатлено осознание Бога нашим Отцом, а наших ближних – христиан – нашими братьями и сестрами во Христе, хотя в то же время мы никогда не можем забыть свою ответственность перед теми, кто находится вне семьи и которых мы хотим ввести в нее.

Итак, в Мф. 7:1–12 Иисус познакомил нас с этими основополагающими взаимоотношениями. В центре их находится Бог, наш Небесный Отец, к которому мы идем, от которого зависим и который может дать детям Своим только доброе. Далее, есть наши братья по вере, и дух критиканства и дух лицемерия несовместимы с чувством христианского братства. Если наши сотоварищи–христиане – действительно братья и сестры наши в Господе, то мы можем относиться к ним только заботливо и конструктивно.

Что же касается находящихся вне семьи, существует крайний случай «псов» и «свиней», но это не типично. Это особая группа упрямец, которые подобны собакам или даже свиньям в своем решительном отрицании Иисуса Христа. Мы должны их, к сожалению, оставить. Но если стих 6 – исключение, то стих 12 – это правило, Золотое правило. Оно преобразует наши действия. Если мы ставим себя на место другого и желаем ему того, что бы мы пожелали сами себе, мы никогда не будем подлыми, а всегда великодушными; никогда – жесткими, но всегда понимающими; никогда – жестокими, но всегда добрыми.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 7:13–20

Отношения христиан к лжепророкам

Некоторые комментаторы утверждают, что важнейшая часть проповеди (или учения) Иисуса теперь закончена и со стиха 13 начинается заключение. Здесь он еще раз, и даже сильнее, нежели прежде, подчеркивает необходимость выбора. «Входите тесными вратами», – начинает он. То есть, сначала намечен контраст между двумя видами праведности и набожности, между двумя сокровищами, двумя господами и двумя устремлениями, теперь же пришло время принять решение. Будет ли это царство сатаны или Царство Божье, господствующая культура или христианская контркультура? Иисус продолжает выдвигать альтернативы, описывая два пути (широкий и узкий), двух учителей

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org (ложного и истинного), два оправдания (словами и делами) и, наконец, два основания (песок и камень).

1. Неизбежный выбор (ст. 13,14)

13 Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; 14 Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

В этих стихах сразу же бросается в глаза, насколько бескомпромиссна природа выбора. Все мы, конечно, предпочли бы иметь несколько возможностей для выбора или, еще лучше, некую смешанную религию, включающую в себя все эти возможности, чтобы избежать таким образом необходимость всякого выбора. Но Иисус пресекает наш легкомысленный синкретизм. Он не позволит нам осуществить предлагаемые нами удобные решения. Вместо этого Он утверждает, что выбрать можно лишь одну из двух возможностей.

Во-первых, существуют два пути. Эта концепция встречается уже в Ветхом Завете. В Псалме 1, например, противопоставляется «путь праведных», которые следуют закону Бога и процветают, «пути нечестивых», которые, как прах, взметаемый ветром, идут к гибели. Один из путей легок – «широк, вместителен, пространен» (АГ), в некоторых рукописях эти образы объединены и путь назван «просторным и легким». Здесь достаточно места для различных мнений и попыток смягчить моральные нормы. Это путь терпимости и вседозволенности. У него нет ограничений. Путешествующие этим путем следуют своим собственным наклонностям, то есть вожделениям сердца человека, который находится в падшем состоянии. Поверхностность, самолюбие, лицемерие, механическая религия, ложные амбиции, критиканство – всему этому не нужно учиться. Чтобы их практиковать, усилия не требуется. Поэтому – то легок широкий путь.

Путь «трудный», с другой стороны, тесен. Границы его ясно отмечены. Узок он благодаря так называемому «божественному откровению», ограничивающему путников рамками того, что Бог явил в Писании как истинное и доброе. К. С. Льюис описал в своей автобиографии, как, будучи тринадцатилетним школьником, он начал «расширять свой ум». «Скоро это было (по известному выражению) изменением «верую» на «чувствую». И вот – освобождение!.. Из тиранического полдня откровения я перешел в прохладные вечерние сумерки Высшей Мысли, где ничему не нужно подчиняться и ни во что не нужно верить, кроме как в удобное или приятное» [200].

Факт в том, что истина откровения накладывает ограничение на то, во что должны верить христиане, а данное в откровении добро – на то, как мы должны себя вести. И в некотором смысле это «тяжело». Однако в другом смысле, как отмечал Златоуст много веков тому назад, тяжкий и тесный путь Христов также нужно приветствовать, как Его «благое иго» и «легкое бремя» (Мф. 11:30).

Во-вторых, существует двое врат. Врата, ведущие к легкому пути, «широки», ибо попасть на легкий путь просто. Очевидно, что багаж, который мы можем взять с собой, не ограничивается. Мы ничего не должны оставлять позади, даже наши грехи, самооправдание или гордыню. С другой стороны, «тесны» врата, ведущие к трудному пути. Чтобы найти их, нужно приложить усилия. Их можно и не заметить. Как сказал Иисус в другой связи, они узки, как игольное ушко. Далее, дабы войти в них, мы все должны оставить позади – грех, эгоистические амбиции, вожделение и даже, при необходимости, семью и друзей. Ибо никто не может следовать за Христом, не отвергнув прежде себя самого. Вход – это своего рода застава: в него нужно проходить по одному. Как нам найти его? Это Сам Иисус Христос. «Я есмь дверь, – сказал Он, – кто войдет Мною, тот спасется» (Ин. 10:9).

В-третьих, существуют две цели. Об этом говорится уже в Псалме 1, где альтернативами выступают «процветание» и «гибель». Моисей еще более прояснил это: «Вот, Я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... благословение и проклятие. Избери жизнь» (Втор. 30:15,19; см.: Иер. 21:8). Также Иисус учил, что легкий путь, на который можно выйти через широкие врата, ведет к гибели. Он не пояснил, что под этим подразумевается, и, вероятно, точная природа ада так же превосходит наше ограниченное понимание, как точная природа неба. Но ужасное слово «погибель» (ужасное, потому что Бог – это Создатель, а не разрушитель и человек был создан для жизни, а не для смерти), похоже, говорит о том, что в аду будет разрушено все хорошее – любовь и красота, очарование и истина, радость, мир и надежда

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
– и это навсегда. Подобная перспектива слишком чудовищна, чтобы смотреть на нее без слез. Ибо широкий путь – это путь самоубийства.

В противоположность этому, путь тяжелый, на который можно выйти тесными воротами, ведет к жизни, и даже к той «жизни вечной», которая, как объясняет Иисус, начинается здесь, благодаря миру с Богом, но завершается после, когда мы видим и участвуем в славе Его и становимся совершенными человеческими существами, беззаветно служа Ему и нашим ближним.

В–четвертых, есть две толпы. Входят широкими воротами и идут по легкому пути к разрушению многие. Широкий и легкий путь – это оживленная магистраль, заполненная пешеходами из всех слоев общества. Тесный и тяжелый путь, ведущий в жизнь, кажется сравнительно безлюдным. «Немногие находят его». Похоже, Иисус предполагал, что Его последователи будут в меньшинстве. Он видел многих на широком пути, смеющихся и беззаботных и, по всей видимости, не думающих об ужасном конце, к которому они идут; на узком же пути есть всего лишь «счастливая компания путников», идущих рука об руку, спинами повернувшись к греху и обратившись лицом к Небесному Граду, «воспевая песни надежды, маршируя к земле обетованной».

Я думаю, что это противопоставление весьма ясно показывает, что окончательное число спасенных Божьих детей будет невелико. Сопоставив Писание с Писанием (как мы всегда и должны поступать), мы сравним это учение Иисуса с видением Иоанна, где говорится о том, что спасенных пред троном Божьим было «великое множество людей, которого никто не мог перечесать» (Отк. 7:9). Я не знаю, как примирить эти две концепции. Не ясно мне также и то, как соотносить этот отрывок с проблемой тех, кто никогда не слышал о Евангелии. Одно слово является общим при характеристике обеих групп – «немногих» и «многих» – а именно, глагол «входите». Именно потому, что многие «входят» широкими воротами, Иисус призывает Своих слушателей «входить узкими воротами». Это предполагает, что ни одна из групп не остается в неизвестности; каждой была дана возможность выбора, и каждая сознательно «вошла» тем или иным путем. Похоже, это относится лишь к тем, у кого была возможность принять решение за или против Христа; о тех, кто никогда не слышал о Нем, просто не упоминается. Будем же достаточно мудры, чтобы не занимать свой ум такими умозрительными вопросами, как сказал Сам Иисус, когда некто спросил Его: «Господи, неужели мало спасающихся?» Но Он отказался удовлетворить его любопытство. Вместо того Он ответил: «Подвизайтесь войти сквозь тесные врата» (Лк. 13:23,24).

Итак, как говорит Иисус, существуют лишь два пути – тяжелый и легкий (промежуточного пути нет), ведут к ним двое врат – широкие и тесные (иных врат нет), движутся по ним две толпы – большая и маленькая (нейтральной группы нет), и заканчиваются они двояко – разрушением и жизнью (третьей альтернативы не существует). Едва ли необходимо доказывать, что подобные разговоры сегодня крайне непопулярны. Людям нравится жить, ничему не отдавая себя полностью. На каждое мнение позволительно отвечать не только «да» или «нет», но и очень удобным «не знаю». Люди любят Аристотеля и его золотую середину. Наиболее популярен *via media* [201]. Отклонившегося от этого пути могут назвать «экстремистом» или «фанатиком». Все стараются избежать необходимости делать выбор. Но Иисус не может позволить нам этого.

2. Берегитесь лжепророков (ст. 15–20)

15 Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: 16 По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? 17 Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: 18 Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. 19 Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. 20 Итак по плодам их узнаете их.
А. Допущения.

Предостерегая людей от лжепророков, Иисус, очевидно, имел в виду, что таковые имеются. Нет смысла украшать садовые ворота табличкой «Берегись собаки», если все, что у вас есть дома, – это пара кошек. Нет. Иисус предупреждал Своих последователей о лжепророках, потому что они уже существовали. Они упоминаются по различным поводам в Ветхом Завете, и, похоже, Иисус рассматривал фарисеев и саддукеев в этом же свете. «Слепые вожди слепых», – называл Он их. Он также предупреждал, что период, предшествующий концу, будет характеризоваться не только всемирным

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org распространением Евангелия, но и появлением лжеучителей, которые многие совратят с пути истинного (Мф. 24:11–14). О них говорится почти в каждом новозаветном послании. Они называются или «лжепророками», как здесь («пророками» потому, в основном, что они заявляли о своем божественном вдохновении), или «лжеапостолами» (так как они говорили о своем апостольском авторитете (2 Кор. 11:13), или «лжеучителями» (2 Пет. 2:1), или даже «лжехристами» (потому что они претендовали на мессианство или отрицали, что Иисус есть Христос, явившийся во плоти (Мф. 24:24; Мк. 13:22; см.: 1 Ин. 2:18,22)). Но каждый был «псевдо», а pseudos по-гречески означает ложь. История христианской церкви была долгой и мрачной историей споров с лжеучителями. Но и они имеют свое значение в божьем провидении, так как именно лжеучителя заставили церковь размышлять над истиной и определять ее, хотя, безусловно, они причинили много вреда. Боюсь, что в современной церкви до сих пор можно встретить много таких лжеучителей.

Предупреждая нас о лжепророках, Иисус сделал и другое допущение. Он показал, что существует объективный критерий истины, на основании которого должна определяться фальшь лжепророков. Иначе само название «ложные» бессмысленно. В библейские дни истинным пророком был тот, кто учил истине с помощью божественного откровения, а лжепророком – тот, кто претендовал на то же божественное откровение, но в действительности распространял ложь. Иеремия противопоставил их таким образом: лжепророки «рассказывают мечты сердца своего», истинные же пророки «стоят в совете Господнем», «внимают слову Его», «объявляют народу Его слова Его» (Иер. 23:16,18,22). А также, «пророк, который видел сон, пусть и рассказывает его как сон; а у которого – Мое слово, тот пусть говорит слово Мое верно. Что общего у мякины с чистым зерном?» (Иер. 23:28). Отсюда ясно, что Иисусу был чужд синкретизм, который учит, что противоположные мнения в действительности являются взаимодополняющими видениями одной и той же истины. Нет. Он считал, что истина и ложь взаимоисключают друг друга и что пропагандирующие ложь во имя Божье являются лжепророками, которых должны остерегаться Его последователи.

Б. Предостережение.

Отметив эти допущения Иисуса, нам нужно рассмотреть теперь Его предостережение более точно: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (ст. 15). Из этой метафоры ясно, что лжепророки опасны и хитры.

Опасность их в том, что они в действительности «волки». В Палестине I века волк был естественным врагом овец, совершенно беззащитных перед ним. Поэтому пастырь добрый, как учил Иисус, был всегда настороже, чтобы защитить своих овец от волков, в то время как наемник при виде волка мог оставить их и убежать (Ин. 10:11–13). Точно так же и «стадо» Христа зависит от добрых пастырей, наемников или волков. Добрый пастырь кормит стадо истиной, лжеучитель, подобно волку, рассеивает его, вводя в заблуждение, временно работающий же профессионал ничего не делает для его защиты и оставляет его лжеучителям. «Я знаю, – говорит Павел эфесским пресвитерам, – что по отшествию моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою. Посему бодрствуйте...» (Деян. 20:29,30).

Что же это за «превратности», опасные для церкви? Одной из основных характеристик лжепророков в Ветхом Завете был их аморальный оптимизм, они отказывались признавать, что Бог – это не только Бог любви и милосердия, но и суда так же. Они виновны, – сказал Иеремия народу, – в том, что «обманывают вас... Они постоянно говорят пренебрегающим Меня: «Господь сказал: мир будет у вас». И всякому, поступающему по упорству своего сердца, говорят: «Не придет на вас беда» (Иер. 23:16,17). Там же Бог жалуется: «Они врачуют рану дочери народа Моего легкомысленно, говоря: «мир, мир!», а мира нет» (Иер. 8:11). Подобные утешения были, в конце концов, медвежьей услугой народу Божьему. Они давали им ложное чувство безопасности. Они убаюкивали их, чтобы они продолжали спать в грехах своих. Они не могли предостеречь их о предстоящем суде Божьем или поведать им, как избежать его.

Поэтому, конечно, неслучайно, что предостережение Иисуса о лжепророках в Нагорной проповеди следует сразу же за Его учением о двух вратах, путях, группах и назначениях. Ибо лжепророки мастера затуманивать вопрос о спасении. Некоторые так загрязняют или искажают Евангелие, что мешают тем, кто ищут тесные врата. Другие пытаются показать, что узкий путь в

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org действительно намного шире, чем имел в виду Иисус, и что вряд ли он требует какого-либо ограничения в вере или поведении. Третьи же, возможно, наиболее опасные из всех, осмеливаются возражать Иисусу и утверждать, что широкий путь не ведет к гибели, а что в действительности все пути ведут к Богу, и даже больше – что широкий и узкий пути, хотя и ведут в противоположных направлениях, в конце концов сходятся. Неудивительно, что Иисус сравнил таких лжеучителей с «волками хищными», не столько потому, что они жаждут добычи, престижа или власти (хотя часто это так), но так как они «свирепы» (НМВ), то есть крайне опасны. Они приводят некоторых к той самой гибели, о которой говорят, что ее не существует.

Они более чем опасны; они также лживы. «Псов» и «свиней» из стиха 6 благодаря их грязным привычкам легко узнать. «Волков» же – нет, ибо они проникают в стадо в облике овец. В результате неосторожные действительно путают их с овцами и дают им возможность беспрепятственно пройти. Их истинный характер не открывается до тех пор, пока не становится слишком поздно – вред уже нанесен.

Другими словами, лжеучитель не объявляет и не рекламирует себя поставщиком лжи; наоборот, он претендует на роль учителя истины. «Зная, что христиане доверчивы, он скрывает свою темную цель под личиной христианского благочестия в надежде, что его безобидный внешний вид поможет ему спрятаться» [202]. Он не только изображает благочестие, но и часто использует язык традиционной церкви, чтобы завоевать легковверных, подразумевая же под ним нечто совсем иное, нечто разрушительное для той самой истины, на обладание которой он претендует. Он прячется также под покровом благозвучных титулов и внушительных научных степеней.

Итак, «Берегитесь!» – предупреждает Иисус. Мы должны быть настороже, молиться об умении различать, использовать свой критический разум и никогда не ослаблять свою бдительность. Нас не должна вводить в заблуждение внешность человека – его шарм, ученость, докторская степень и церковные титулы. Не нужно быть столь наивными и предполагать, что если у него степень доктора философии, если он профессор или епископ, то он должен быть истинным и правдивым посланником Христа. Нужно смотреть на истинную сущность, скрывающуюся за внешностью. Кто живет под овечьей шкурой: овечка или волк?

В. Критерии.

Отметив допущения, сделанные Иисусом, и предупреждения, мы можем теперь рассмотреть критерии, данные Им. Он сменил Свою метафору об овцах и волках на деревья и плоды, от овечьей одежды, которую может носить волк, Он переходит к плоду, который должно приносить дерево. Другими словами, Он говорит теперь о средствах, с помощью которых можно узнать лжепророка. Хотя вы и можете иногда спутать волка с овцой, вы не сможете совершить той же ошибки с деревом. Никакое дерево не может долго прятать свою сущность. Раньше или позже оно себя выдает – своим плодом. Волк может замаскироваться; дерево нет. Вредные сорняки, такие, как колючки и чертополох, просто не могут принести съедобных плодов, подобных винограду и смоквам. Деревом определяется не только характер плода (смоковница, приносящая смоквы, и виноградная лоза, приносящая виноград), но и его качество («всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые», ст. 17). А именно, «не может дерево доброе принести плоды худые, ни дерево худое принести плоды добрые» (ст. 18). И в судный день деревья, не приносящие плода, срубятся и сжигаются (ст. 19). Таким образом (ибо это заключение подчеркивается Иисусом дважды), «по плодам их узнаете их» (ст. 16,20). Что же это за плоды?

Первый «плод», которым лжепророки проявляют свою истинную сущность, относится к области характера и поведения. В аллегории Иисуса о винограде плодovitость с очевидностью означает подобие Христу, именно то, что позже Павел назвал «плодом Духа». Поскольку это так, то когда мы видим в учителе кротость и великодушие Христа, Его любовь, терпение, доброту, благость и самообладание, то у нас есть причина верить, что это истинный учитель. С другой стороны, когда эти качества отсутствуют и «деяния плоти» – враждебность, ревность и снисхождение к собственным слабостям – более очевидны, нежели «плоды Духа», то мы справедливо подозреваем, что пророк – обманщик, как бы ни были высоки его претензии и как бы заманчиво ни выглядело его учение.

Но «плодами» пророка являются не только его характер и образ жизни. По

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
мнению Кальвина, истолкователи, «привязывающие плоды к жизни,
ошибаются» [203].

Вторым «плодом» является действительное учение человека. Иисус подчеркивает это, когда по-другому использует ту же метафору дерево – плод: «Дерево познается по плоду. Порождения ехиднины! Как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе; а злой человек из злого сокровища выносит злое. Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Мф. 12:33–37; см.: Лк. 6:45). Поэтому если сердце человека открывается в словах его, как дерево познается по плоду своему, то мы можем проверять учителя его учением. Пример дает нам Апостол Иоанн, ибо азиатские церкви, к которым он писал, были переполнены лжеучителями. Подобно Иисусу, он предостерегал их от обмана и призывал их «испытывать духов» (т. е. учителей, претендующих на богодухновенность), чтобы видеть, «от Бога ли они» (1 Ин. 2:26; 4:1). Он советовал искать в своих учителях праведность и любовь и отвергать неправедных и не имеющих любви. Но к этим нравственным испытаниям он добавил и испытание учением. Необходимо было понять, соответствует ли весть учителя истинным апостольским наставлениям (см. 1 Ин. 2:24; 4:6), а в особенности, исповедует ли он Иисуса Христа, пришедшего во плоти, и признает ли Его богочеловеческой личностью (1 Ин. 2:22,23; 4:2,3; 2 Ин. 7–9).

Реформаторы XVI века, которых римская церковь называла лжеучителями, защищались именно этим критерием. Они ссылались на Писание и утверждали, что их учение не несет в себе ничего нового, напротив, оно возвращает к истинному Евангелию Христа и Его Апостолов. «Прислушайтесь к чистому Слову Божьему, – призывал Лютер, – ибо тогда вы сможете «узнать судию», который прав» [204]. Кальвин подчеркивал то же самое: «Все доктрины должны быть соотношены со словом Божьим как с образцом», ибо «в суждении о лжепророках правило веры (т. е. Писание) занимает главное место» [205]. Он пошел еще дальше и привлек внимание к мотивам лжеучителей: «Плодом можно считать и мотивы, которыми руководствуются учителя.. Христос доказывает это, когда говорит, что Он был послан Богом, чтобы «искать не Себе славы, но славы посланному Его Отцу» (Ин. 7:18) [206].

Поэтому, исследуя то, во что верит учитель, мы должны рассматривать и его жизнь, и его учение. Епископ Райл хоррью это выразил: «Здоровое учение и святая жизнь – это признаки истинных пророков» [207].

Есть также, как мне кажется, третий критерий, который мы должны применять к учителям, и это касается их влияния. Нам нужно спросить себя, какой эффект учение оказывает на последователей. Иногда ложность предложенного учения нельзя определить сразу по поведению учителя и его высказываниям, это становится очевидным лишь в катастрофических результатах. Именно это имел в виду Павел, когда писал о том, что ошибка может «распространяться, как рак» (2 Тим. 2:17). Слово гангрена, она разрушающе действует на веру (2 Тим. 2:18), подталкивает к нечестию (2 Тим. 2:16) и вызывает распри (см. 1 Тим. 6:4,5; 2 Тим. 2:23; Тит. 1:11; 3:9). Здоровое же учение, наоборот, несет веру, любовь и благочестие (см.: 1 Тим. 1:4,5; 4:7; 6:3; 2 Тим. 3:16,17; Тит. 1:1).

Конечно, проверку «плодом» вовсе не так легко и быстро провести. Ибо плоду нужно время для роста и созревания. Мы должны терпеливо ждать. Нам также необходимо повнимательней ознакомиться с ним, так как не всегда можно узнать дерево и плод его с большого расстояния. Более того, даже с близкого расстояния мы можем не рассмотреть симптомы болезни в дереве или червя в плоде. Так же нужно поступать и с учителем: недостаточно поверхностно ознакомиться с его положением в церкви, следует подробно и критически рассмотреть его характер, поведение, учение, мотивы и влияние.

Это предостережение Иисуса, однако, не означает, что мы должны подозревать всех и каждого, и, конечно же, мы не должны заниматься сомнительным «спортом», известным как «охота за ведьмами». Иисус всего лишь напоминает нам, что в церкви могут быть лжеучителя и нам нужно быть начеку. Истина стоит того. Божья истина создает церковь Божью, в то время как ошибочный подход разрушает ее. Если мы заботимся об истине и о церкви Божьей, мы должны серьезно отнестись к предостережению Христа. Он и Апостолы Его возлагают ответственность за чистоту церковного учения на плечи христианских руководителей (епископов или других пастырей, облеченных

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org властью), но также и в особенности – на каждую общину. Поместная церковь обладает властью гораздо большей, чем она осознает и использует, решая, каких учителей ей слушать. Напоминание Иисуса Христа «Берегитесь лжепророков» адресовано нам всем. Если бы церковь в свое время прислушалась к Его предостережению и применила Его критерии, то она не оказалась бы в том жалком состоянии смущения, в котором она находится сегодня.

Этим параграфом Иисус заканчивает Свое описание христианских взаимоотношений. Если мы теперь оглянемся назад и сведем их воедино, то увидим, как они богаты и разнообразны. Будучи братом, христианин ненавидит лицемерие, критически относится к самому себе и пытается оказать другим конструктивную моральную поддержку. Будучи евангелистом, он так высоко оценивает Евангелие, что отказывается давать его на поругание законным грешникам. Любя всех людей, он решает вести себя по отношению к ним так, как бы он хотел, чтобы они вели себя по отношению к нему. Как ребенок, смотрит он смиренно и доверчиво на Отца своего небесного, дающего ему все блага, в которых он нуждается. Как путник на тяжелом и узком пути, он радуется обществу своих попутчиков и устремляет свой взор на жизненно важную цель. Как последователь богооткровенной истины, он внимает предупреждению Христа остерегаться лжеучителей, которые могут извратить ее и таким образом опустошить Христово стадо.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 7:21–27

Христианская преданность: основной выбор

Были мы правы или нет, когда решили, что стихом 13 Иисус начал Свое заключение, не знаю, но теперь – то Он совершенно определенно подходит к нему. Больше уже не будет никаких дальнейших наставлений, это, скорее, соответствующий ответ на уже данное наставление. «Господь Иисус заключает Нагорную проповедь, – пишет Дж. С. Райл, – захватывающим дух отрывком. Он обращается от лжепророков к тем, кто ложно исповедует веру, от нездоровых учителей к нездоровым слушателям» [208]. Подобным же образом комментирует и Таскер: «Не только лжеучителя могут создавать препятствия тем, кто следует узким путем, но и сам человек может тяжело заблуждаться» [209].

Так Иисус ставит перед необходимостью сделать выбор между послушанием и неповиновением и призывает нас полностью посвятить свой ум, волю и жизнь Его учению. Он делает это, предупреждая нас о двух неприемлемых альтернативах, во-первых, о чисто словесном исповедании (ст. 21–23) и во-вторых, о чисто интеллектуальном знании (ст. 24–27). Ни то, ни другое не может заменить послушание; каждая же может свидетельствовать о неподчинении. Иисус торжественно подчеркивает, что наша участь в вечности полностью зависит от всемерного послушания.

В этом отношении весьма похожи два последних параграфа проповеди. Оба противопоставляют ложный и правильный ответы на учение Христа. Оба показывают, что нейтралитет невозможен, что должно быть принято окончательное решение. Оба подчеркивают, что ничто не может заменить активного, практического послушания. И оба учат, что жизнь и смерть в судный день будут определены по нашему нравственному ответу Христу на Его учение в этой жизни. Единственное различие между параграфами состоит в том, что в первом люди, выдвигая альтернативу послушанию, исповедуют устами, а во втором слушают ушами.

1. Опасность лишь словесного исповедания (ст. 21–23)

21 Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. 22 Многие скажут Мне в тот день: «Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? И не Твоим ли именем бесов изгоняли? И не Твоим ли именем многие чудеса творили?» 23 И тогда объявлю им: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие».

Люди, которых здесь рписывает Иисус, надеются найти спасение, исповедуют Христа словом, они «говорят» Христу или о Христе. «Не всякий, говорящий Мне» (ст. 21). «Многие скажут Мне в тот день» (ст. 22). Но наша окончательная судьба будет определяться не по тому, что мы говорим Ему сегодня или скажем в день последний, а по нашим делам: исполняем ли мы то, что говорим, следует ли за нашим словесным исповеданием нравственное послушание?

Словесное исповедание Христа необходимо. Чтобы спастись, как писал Павел, мы должны исповедовать устами и верить в своем сердце (Рим. 10:9,10). А истинное исповедание Иисуса Господом невозможно без Духа Святого (1 Кор. 12:3). Более того, христианское словесное исповедание, описанное Иисусом в конце проповеди, кажется совершенно замечательным (по крайней мере на первый взгляд). Прежде всего, оно почтительно. К Иисусу обращаются как к «Господу», и сегодня наиболее уважительным и вежливым упоминанием об Иисусе будет «Господь наш». Далее, это исповедание соответствует канону. Из контекста ясно, что в обращении «Господь» содержится упоминание о Боге-Отце и о Нем Самом как о Судье. Наверняка после Его смерти и воскресения ранние христиане знали, что делают, называя Его «Господом». Это был божественный титул, употребляемый в греческом Ветхом Завете как перевод еврейского «Иегова». Итак, можно сказать, что это точное, ортодоксальное исповедание Иисуса Христа. В-третьих, оно эмоционально, ибо это не холодное и формальное обращение, но полное энтузиазма: «Господи, Господи», как если бы говорящий желал привлечь внимание к своей преданности и рвению.

В-четвертых, это публичное исповедание, а не частное и личное проявление связи с Иисусом. Некоторые даже «пророчествовали» во имя Христа, осмеливаясь утверждать, что они проповедуют авторитетом и вдохновением Самого Иисуса. Более того, подобное исповедание иногда выглядит даже весьма эффектно. Иисус приводит примеры наиболее крайних проявлений словесного исповедания – сверхъестественное служение, включающее в себя пророчество, изгнание бесов и чудеса. Эти люди, обращаясь к Христу в судный день, утверждают, что они совершали это все Его именем. Трижды используют они его, и каждый раз ставят на первое место, чтобы подчеркнуть. Они утверждают, что во имя Христа, исповеданное ими открыто и публично, они пророчествовали, изгоняли бесов и делали множество великих дел. И надо сказать, они говорят правду, ибо «великие знамения и чудеса» будут совершаться даже лжехристами и лжепророками (Мф. 24:24; 2 Фес. 2:9,10).

Может ли быть лучшее христианское исповедание? Перед нами люди, называющие Иисуса «Господом» с уважением и энтузиазмом, в личном благочестии и в публичном служении. Что же тут не так? Ничего, само по себе все правильно. И все же все неверно, ибо это разговор без истины, исповедание без истинности. Оно не спасет их в судный день. Итак, Иисус переходит от того, что они говорят и скажут Ему, к тому, что Он Сам скажет им в день Суда. Он тоже сделает торжественное заявление. В стихе 23 используется слово *homologeso* – «я объявлю». Его заявление будет сделано тоже публично, но будет отличаться своей истинностью. Он обратится к ним со страшными словами: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие». Ибо хотя они и пользовались свободно Его именем, их имя было Ему неизвестно.

Он их отверг потому, что их исповедание было словесным, а не нравственным. Оно касалось лишь их уст, но не их жизни. Они называли Иисуса «Господи, Господи», но никогда не подчинялись Его господству, не слушали волю Его Небесного Отца. В версии Луки это высказывание звучит еще резче: «Что вы зовете Меня: «Господи! Господи!» и не делаете того, что Я говорю?» (Лк. 6:46). Существенное отличие подчеркивается словами «зовете» и «делаете». Христос-Судья отвергнет их потому, что они беззаконники. Они могут утверждать сколько угодно, что совершают великие дела в своем служении; но их ежедневные дела, ими совершаемые, злы. Какая же польза таким людям от того, что они произносят имя Христа устами? Как выразился Павел несколько лет спустя: «Да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа» (2 Тим. 2:19).

Мы, называющие себя христианами, в свое время совершили исповедание веры в Иисуса частным образом в обращении и публично во время крещения и/или конфирмации. Мы чествуем Иисуса, называя Его «Господом» или «Господом нашим». Читаем в церкви символ веры и поем гимны, выражающие преданность Иисусу. Мы даже совершаем во имя Его множество служений. Но наши набожные и правильные слова не производят на Него никакого впечатления. Он все еще просит доказательств нашей искренности в добрых делах послушания.

2. Опасность одного лишь интеллектуального знания (24–27)

24 Итак у всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне: 25 и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал,

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org потому что основан был на камне. 26 А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; 27 И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое.

В предыдущем параграфе противопоставлялись слова «говорить» и «делать», теперь – «слышать» и «делать». С одной стороны, как говорит Иисус, существует человек, который «слушает слова... сии и исполняет их» (ст. 24), а с другой – некто, «кто слушает слова... и не исполняет их» (ст. 26). Затем Он показывает различие между послушными и непослушными слушателями с помощью своей хорошо известной притчи о двух строителях: мудром, который «глубоко копал» (Лк. 6:48) и основал дом свой на камне, и глупце, который не хотел слишком утруждать себя и удовлетворился тем, что построил дом на песке. Случайный наблюдатель, глядя на законченные дома, не заметил бы никакой разницы между ними. Ибо разница была в фундаменте, а фундамент не виден. Лишь когда разразился шторм – «дождь по крыше, река у фундамента, ветер по стенкам» [210], – фундаментальная и фатальная разница открылась. Ибо дом на скале выстоял против бури, дом же на песке развалился.

Также и исповедующие себя христианами (как истинно, так и ложно) часто похожи друг на друга. Трудно понять, кто из них кто. Оба, как кажется на первый взгляд, ведут христианскую жизнь. Заметьте, Иисус противопоставляет христианам, исповедующим себя таковыми, не тех, кто так себя не называет. Напротив, обоих духовных домостроителей объединяет то, что они «слушают слова... сии». Итак, оба они – члены видимой христианской общины. Оба читают Библию, посещают церковь, слушают проповеди и покупают христианскую литературу. И определить между ними разницу весьма трудно, потому что глубокое основание их жизни скрыто от глаз. Вопрос не в том, слушают ли они учение Христа (и даже не в том, верят ли они этому учению), но в том, делают ли они то, о чем слышат. Лишь буря вскроет истину. Иногда буря кризиса или несчастье показывает, что мы за люди, ибо «истинное благочестие нелегко отличить от его подделки, пока не придет испытание» [211]. Если этого не произойдет, буря судного дня наверняка сделает это.

Истина, на которой Иисус настаивает в этих последних двух параграфах проповеди, состоит в том, что ни интеллектуальное знание, ни словесное исповедание, хотя они сами по себе и имеют значение, не могут заменить послушания. Вопрос не в том, как мы говорим Иисусу или об Иисусе: красиво, вежливо, с энтузиазмом; не в том, как мы слушаем Его слова: прислушиваемся, изучаем, проникаем и запоминаем, пока наш собственный ум не будет наполнен Его учением; но делаем ли мы то, что говорим, и делаем ли то, что знаем, другими словами, является ли наше исповедание Иисуса Господом одной из величайших реальностей нашей жизни.

Из этого, конечно, не следует делать вывод, будто «войти в Царство Небесное» (ст. 21) можно лишь с помощью добрых дел послушания, ибо весь Новый Завет свидетельствует о том, что спасение можно получить лишь с помощью Божьей благодати и через веру. Иисус, однако, подчеркивает, что истинно слушающие и исповедующие Евангелие всегда будут Ему послушны, выражая веру свою в делах. Апостолы Иисуса никогда не забывали это учение. Это видно из их Посланий. В 1 Послании Иоанна, например, много подобных предостережений: «Если мы говорим, что имеем общение с ним, а ходим во тьме, то мы лжем...

Кто говорит: «Я познал Его», но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины» (1 Ин. 1:6; 2:4). Послание Иакова, с другой стороны, полно опасений по поводу интеллектуального знания. Сухая ортодоксальность не может спасти, как пишет он, но лишь вера, выраженная в добрых делах; поэтому мы должны быть «исполнители слова, а не слышатели только» (Иак. 1:22–25; 2:14–20).

Применяя это учение к самим себе, мы должны признать, что опасно просто читать Библию и формально причислять себя к церкви. Ибо, читая Библию, мы слышим слова Христа, а присоединяясь к церкви, мы заявляем о своей вере в Христа. В результате мы принадлежим к описанному Христом обществу как слушающие Его учение и зовущие Его Господом. Поэтому наше членство накладывает на нас серьезное обязательство, мы должны услышанное и исповеданное нами претворять в своих делах.

Итак, проповедь заканчивается на известном уже замечании о радикальном выборе. Иисус не столько ставит перед Своими последователями ряд этических

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org правил, формулируя их как систему ценностей и идеалов, которые полностью отличаются от пути мира, сколько призывает их отвергнуть господствующую мирскую культуру в пользу христианской контркультуры. Неоднократно в процессе нашего исследования мы слышали Его призыв к народу Своему – отличаться от всех остальных. В первый раз – когда Он призывал нас быть «солью земли» и «светом мира». Эти метафоры противопоставили христианскую и нехристианскую часть общества. Мир подобен гниющей пище, полной бактерий, вызывающих ее распад; последователи Иисуса должны быть солью, задерживающей его разложение. Мир – темное и мрачное место, лишенное солнечного света; последователи Иисуса должны быть его светом, рассеивающим его тьму и сумрак.

Затем превозносится путь Иисуса. Наша праведность должна быть глубже, так как она касается даже наших сердец, а наша любовь – шире, ибо она объемлет даже наших врагов. В благочестии должны мы избегать нарочитости лицемеров, а в молитве – многословия язычников. Вместо этого наше пожертвование, молитва и пост должны быть реальными, без компромисса, чтобы в них выразилась наша христианская целостность. Сокровищем своим мы должны выбрать то, что сохраняется в вечности, а не то, что разрушается на земле, а учителем своим – Бога, а не деньги или имущество. Нашей целью (тем, что занимает наш ум) должна быть не собственная материальная безопасность, а распространение Божьего закона и правды в мире.

Вместо приспособления к этому миру – как делают это религиозные фарисеи или нерелигиозные язычники, – мы призваны Иисусом подражать нашему Небесному Отцу. Он – миротворец. И Он любит даже неблагодарных и эгоистичных. Итак, мы должны подражать Ему, а не людям. Лишь тогда мы докажем, что мы истинные Его сыновья и дочери (5:9,44–48). В этом и состоит альтернатива: следовать за толпой или за Отцом нашим Небесным, быть тростью, колеблемой ветрами общественного мнения, или находиться под властью Слова Божьего. И подспудная цель Нагорной проповеди заключается в том, чтобы представить нам эту альтернативу и таким образом столкнуть нас с неизбежной необходимостью выбора.

Поэтому – то заключение проповеди столь уместно, когда Иисус изображает два пути (узкий и широкий) и два здания (на камне и на песке). Невозможно было бы преувеличить важность выбора между ними, ибо один путь ведет к жизни, другой же заканчивается гибелью, одно здание надежно, а другое ожидает катастрофа. Этот выбор намного актуальней выбора работы или спутника жизни. По какому пути мы собираемся идти? На каком основании собираемся строить?

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 7:28,29

Заключение: кто этот проповедник?

Многие люди, включая сторонников других религий и неверующих, – говорят нам о своей готовности принять самоочевидную истину, содержащуюся в Нагорной проповеди. Они знают, что в нее входят такие высказывания, как «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут», «Любите врагов ваших», «Никто не может служить двум господам», «Не судите, да не судимы будете» и «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Замечательно! Здесь, говорят они, присутствует Иисус из Назарета, учитель нравственности, в Своем наиболее простом и лучшем виде. Здесь ядро Его вести, не искаженное добавлениями интерпретаторов, не имеющими ценности. Здесь – «подлинный Иисус», с простой этикой и безо всяких догм, бесхитростный пророк праведности, не претендующий на иную роль, кроме как учителя-человека, призывающий нас делать добро и любить друг друга. «Иисуса догмы я не понимаю, – сказал однажды профессор-индус Стенли Джонс, – но Иисуса Нагорной проповеди и креста я люблю, Он притягивает меня». Подобным же образом, мусульманский учитель сказал, что «когда он читал Нагорную проповедь, то не мог сдерживать слез»[212].

Но это популярное объяснение проповеди не выдерживает никакой серьезной критики. Оно ошибочно в двух отношениях – во-первых, в своем восприятии Учителя, и во-вторых, в своем представлении о Его учении. Ибо если мы посмотрим повнимательнее на то и на другое, выявляется нечто совсем иное. В последней главе мы подробно рассматривали Его учение, Его описание христианской контркультуры и Его призывы к радикальному выбору. Теперь нам остается рассмотреть уникальность Самого Учителя.

Прежде всего, невозможно отделить Иисуса нагорной проповеди от Иисуса всего

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org Нового Завета. Проповедник в Нагорной проповеди – это тот же сверхъестественный, догматический, божественный Иисус, Которого мы видим в других местах. \ Поэтому после Проповеди хочется задать вопрос не «Что вы думаете о Его учении?», а «Кто же таков этот Учитель?» Такова, наверняка, была реакция первых слушателей Проповеди.

28 и когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его, 29 ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи.

Первые слушатели Проповеди (народ, а также ученики Его, 5:1) сразу же отметили необычную власть Проповедника. Говорил Он уверенно, спокойно и просто. Никому ничего не навязывая, Он изложил закон для граждан Божьего Царства. И «народ дивился» (по-гречески это выражено еще сильнее – «был ошарашен»)[213]. «Через девятнадцать сотен лет, – комментирует А. М. Хантер, – мы удивимся так же, как первые слушатели»[214].

Думаю, будет полезно проанализировать эту «власть» Иисуса. На чем она была основана? Что давало Ему право говорить подобным образом? Нам не нужно далеко ходить за ответами на эти вопросы. Сама Проповедь поможет нам разобраться в том, как Он понимал Свою идентичность и Свою миссию.

1. Власть Иисуса как учителя

Народ дивился Его учению, ибо Он учил их как власть имеющий. Да, Он явил Себя прежде всего учителем и очаровал Своих слушателей содержанием, качеством Своих наставлений и манерой изложения. Но ведь были и тысячи других учителей. Многие были Его современниками. Что же было в Нем такого особенного?

Он как бы обладал правом учить абсолютной истине. Он был иудеем, но весть Его не была иудейской. Он интерпретировал закон Моисеев, но делал это таким образом, чтобы показать, что это закон Божий. То, что Он говорил, не было обусловлено культурой, это не было связано с особым народом (иудеями) или особым местом (Палестиной). Будучи абсолютным, это было всеобщим. Было ясно, что Он знает, о чем говорит. «Мы говорим о том, что знаем», – сказал Он по другому случаю (Ин. 3:11). Он знал, кто будет велик в Царстве Божьем, а кто будет последним, кто «блажен» в очах Божьих, а кто нет, какой путь ведет к жизни, а какой к гибели. С совершенной уверенностью в Себе Он объяснял, кто наследует Царство Небесное, кто наследует землю, а кто будет помилован, кто «узрит» Бога и кто будет называться детьми Божьими. Как мог Он быть настолько уверен в Себе?

Комментаторы искали слова, способные передать эту особенность. Они пытались изобразить Иисуса царем или законодателем. «Он говорил по-царски»[215], с «царской уверенностью»[216], с «уверенностью» [217]. По выражению Грешама Махена, «Он утверждал Свое право законодателя для Царства Божьего»[218], а Джеймс Денни, соединив образы царя и законодателя, писал о Его «практической суверенности над человеческой совестью, волей и чувствами» и о Его «высшем моральном авторитете, издающем законы без злоупотреблений и требующем беспрекословного подчинения»[219]. И Кальвин сказал, что народ дивился, «так как странное, неопределимое и необычное величие привлекало к Нему умы людей»[220].

Его слушатели, естественно, сравнивали Его со многими другими учителями, которых они знали, особенно с книжниками. Больше всего поразило то, что Он учил их «как власть имеющий», а вовсе не «как книжники». Ибо книжники исполняли свой долг, сохраняя верность воспринятой ими традиции. Так, они постоянно исследовали комментарии, чтобы подкреплять свои слова ссылками на наиболее знаменитых наставников. Их единственная власть заключалась в цитируемых ими авторитетах. Иисус же не получил образования книжников (см.: Ин. 7:15), Он шокировал власть имущих тем, что игнорировал традиции старцев, не особенно уважал обычаи, принятые в обществе, и говорил так необычно, что покорял одних и приводил в ярость других. А. Б. Брюс обобщил эти различия, сказав, что книжники говорили «с помощью авторитетов», Иисус же говорил «со властью»[221].

То, как Он учил, отличало Его не только от книжников, но и от ветхозаветных пророков. В отличие от книжников, которые все время обращались к прошлому, пророки жили настоящим. Ибо они считали, что говорят от имени Иеговы, что из уст их слышится глас живого Бога. Иисус также утверждал, что Его слова –

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
это слова Бога: «Мое учение – не Мое, но Пославшего Меня» (Ин. 7:16). Однако была и разница. Пророки начинали свои речи, используя обычно формулу: «Так говорит Господь», Иисус же начинал так: «Истинно, истинно говорю вам», осмеливаясь таким образом говорить во имя Свое и Своей собственной властью, о которой Он знал, что она также и Отцовская (см.: Ин. 14:8–11). Это «Истинно говорю вам» (ατέπ λέγο ἡμῖν) или «Говорю вам» (λέγο ἡμῖν) встречается в Нагорной проповеди шесть раз (5:18; 6:2,5,16,25,29). В шести иных случаях – в шести антитезах главы 5 находим еще более сильное утверждение с подчеркнутым егo: «Но я говорю вам» (εγὼ ατέπ λέγο ἡμῖν). И противоречил Он при этом не Моисею, как мы видели, а искажениям и добавлениям книжников. Однако поступая так, Он бросал вызов унаследованной многовековой традиции и пытался заменить ее Своим собственным, точным и авторитетным истолкованием закона Божьего. Поэтому Он «был как законодатель, а не как комментатор, и повелевал, и запрещал, и отменял, и обетовал, лишь по единому Своему слову»[222].

Он настолько был уверен в истинности и действенности Своего учения, что предлагал человеческую мудрость и глупость оценивать по реакции людей на это учение. Мудрые, как показал Он, строят жизнь свою по Его словам и следуют им. Все остальные, отвергающие Его учение, – глупцы. Внимая Иисусу, Тому, Кто является Премудростью Божьей, человек постигает мудрость.

2. Власть Иисуса как Христа

В Нагорной проповеди, как и во многих других местах Евангелия, есть свидетельство, что Иисус хорошо знал о той миссии, с которой Он пришел в мир. «Я пришел», – мог сказать Он (5:17; см.: 9:13; 10:34; 11:3,19; 20:28), и в то же время в других местах в Евангелии от Матфея Он говорит о Себе как о «посланном» (10:40; 15:24; 21:37). Особенно подчеркивает Он, что пришел не «отменить закон и пророков», а «исполнить (πλήρoσαι)».

Заявление звучит достаточно просто, пока не рассмотрим его значение. Иисус утверждает, будто все предсказания закона и пророков нашли свое завершение в Нем и что все линии ветхозаветного свидетельства в Нем сошлись. Он говорил о Себе не как о другом пророке или даже как о величайшем из пророков, а как об исполнении всех пророчеств. Вера в то, что дни ожидания окончились и настало время исполнения, была глубоко присуща сознанию Иисуса. Первыми словами в Его общественном служении были: «Исполнилось время (πεπλήρωται), и приблизилось Царствие Божие» (Мк. 1:15; см.: Мф. 4:17). В Нагорной проповеди есть пять прямых упоминаний о Божьем Царстве (5:3,10; 6:10,33; 7:21). Здесь подразумевается – хотя и с разной степенью ясности, – что Он Сам установил его и что Он обладает властью принимать людей в него и даровать им его благословения. Все это значит, одним словом, что Иисус знал, что Он – Христос, Мессия Божий ветхозаветных чаяний.

3. Власть Иисуса как Господа

Мы уже отмечали, что можно называть Иисуса «Господом» и, тем не менее, не признавать Его божественность. Как сказал Н. Б. Стоунхаус: «Обязательно нужно учитывать многозначность греческого слова «Господь»: не всегда использование его подразумевает осознание божественной власти. Не каждый, обращающийся к Иисусу как к Господу, воспринимает это слово в качестве эквивалента божества; как вежливая форма обращения, она может обозначать немногим более нашего «сэр» [223]. В некоторых контекстах, похоже, Иисус сознательно употреблял его в наиболее полном значении, например, в сочетании с Его другим любимым именем – «Сын Человеческий», который, по видению Даниила, будет господствовать над всем (Дан. 7:14; Мф. 24:39,42, «Господь ваш»), и с «Господом» Давида, который сядет одесную Бога (Мк. 12:35–37).

Лишь контекст может нам помочь понять, когда в действительности слово «Господь» имеет значение господства и божественности. Возьмем для примера то место из Нагорной проповеди, в котором Иисус говорит о людях, обращающихся к Нему: «Господи, Господи» (Мф. 7:21–23). Он упрекает их не за то, что они выбрали это обращение, ибо Он считает его вполне уместным, а за то, что они использовали его в многословии и не в истинном значении. Он был не просто уважаемым «Сэром»; Он был «Господом», Которого нужно слушаться. Вариант Луки, как мы уже отмечали, полностью проясняет это: «Что вы зовете Меня: «Господи! Господи!» и не делаете того, что я говорю?» (Лк. 6:46). Так, Иисус видел Себя не просто учителем, дающим советы, к которым люди могут прислушаться, а могут и нет, исходя из своих желаний; Он был их

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org наставником, который давал им заповеди, ожидал от них послушания и предупреждал, что их благополучие в вечности находится в опасности. Ясно, что в этом Иисус не был простым раввином. Ученики иудейского раввина сидели у ног его и изучали Тору. В этом смысле Иисуса можно было назвать раввином, так как Он учил Своих учеников истинному значению Торы. Но Он ожидал, что Его ученики не только воспримут Его учение, но и будут преданы Ему лично. Именно поэтому, без сомнения, Его не мог удовлетворить титул «Равви», ибо в действительности Он был их «Учителем и Господом» (Ин. 13:13). Именно поэтому они также, в свою очередь, не стали просто «равви», чтобы охранять и распоряжаться традицией Его учения; они были «свидетелями» Его.

4. Власть Иисуса как Спасителя

Из Проповеди ясно, что Иисус знал путь спасения и учил ему. Он знал, кто блажен, а кто нет. Он мог указать на тесные врата, ведущие к трудному пути, ведущему в жизнь. И Ему было совершенно ясно, какой дом выдержит бури суда, а какой разрушится.

Но если мы глубже проникнем в суть Его вести, то увидим, что Он не только учил о спасении; Он реально даровал его. Даже в заповедях блаженства Он выступает в роли Того, Кто Сам распространяет блаженство и дает Свое Царство. Профессор Джеремиас цитирует утверждение Шнивинда о том, «что заповеди блаженства – это скрытые свидетельства Иисуса о Самом Себе как Спасителе нищих, плачущих и т. д.» [224].

Вспомните, Иисус назвал Своих слушателей, эту группку крестьян, «солью земли» и «светом мира». Откуда у них могло появиться такое влияние? Только потому, что они следовали за Иисусом. Именно потому, что Он Сам был без греха, Он смог наделить их Своими лучшими качествами и сделать их «солью».

Именно потому, что Он не участвовал во всеобщей тьме, но Сам был «светом мира» (Ин. 8:12), Он смог наделить их светом и дать им возможность сиять.

Знаменательно, что в Евангелии от Матфея вслед за Нагорной проповедью (главы 5–7), где переданы слова Иисуса, следует отчет о Его практическом служении (главы 8 и 9), где представлены Его дела. И здесь мы видим Его обладающим властью прощать грехи, Он дарует прощение парализованному (9:2–6), а затем сравнивает Себя, Спасителя грешников, с исцеляющим больных врачом (9:12).

5. Власть Иисуса как Судьи

Вся Нагорная проповедь была произнесена на мрачном фоне грядущего судного дня. Иисус знал, что это реальность, и хотел, чтобы она стала реальностью в умах и жизни Его последователей. Поэтому Он объявил условия спасения и предостерег их от гибели, ярко изобразив два пути и два их завершения.

Гораздо более поразительным, нежели эта уверенность в будущем суде, было Его утверждение, что Он Сам будет Судьей (7:22,23). Описанная Им сцена совершенно замечательна тем, что Он всецело концентрируется на Самом Себе. Трижды использует Он личные местоимения «я» и «мне». Во-первых, Он Сам будет Судьей, выслушивающим свидетельства и выносящим приговор. «Ибо в тот торжественный день, – сказал Он, – многие скажут Мне... «Господи! Господи!»... и тогда объявлю им...». Так что обвиняемые обратятся со своим делом к Нему, и Он будет отвечать им. Никто иной, как Он, решит и объявит их судьбу. Во-вторых, Сам Он и будет критерием суждения. Люди предъявят в свое оправдание тот факт, что они пользовались Его именем в своем служении, но как свидетельство это будет неприемлемо. «Я никогда не знал вас», – скажет Он им. Судьба людей будет зависеть не от их знаний и не от их умения пользоваться Его именем, а от личного знакомства с ним. Не служение ради Христа, но отношения с Христом будут определяющим критерием. В-третьих, произносимый приговор будет также связан с ним: «Прочь от Меня, делающие беззаконие». Ужас «погибели» (Мф. 7:13) и «падения» (Мф. 7:27), который Он предсказал, заключается в том, что они будут отлучены от Него. Он имел в виду, что не может быть страшнее судьбы, чем вечное отделение от Него.

Так плотник из Назарета делает Себя центральной фигурой судного дня. Он Сам возьмет на Себя роль Судьи (позже в Евангелии от Матфея Он более детально описывает, как Он «воссядет на престоле славы Своей», чтобы судить человечество (25:31). Далее, в основе суда будет отношение к Нему людей, а приговор суда будет заключаться в отлучении от него. Трудно преувеличить

6. Власть Иисуса как Сына Божьего

В Нагорной проповеди Иисус дает нам всеобъемлющее учение о Боге. Он Создатель, живой БОГ мирового порядка, дающий солнечный свет и дождь, обеспечивающий птиц пищей, цветы одеянием, а людей – всем необходимым для жизни. Он также Царь, праведный и спасительный закон которого пришел в человеческую жизнь через Иисуса. Но прежде всего – и опять же благодаря Иисусу – Он наш Отец. Обращаясь к ученикам Своим, Иисус постоянно употреблял выражение: «ваш Отец Небесный», подчеркивая, что они – дети Его, они должны быть милосердны так же, как Он, должны верить в Его провидение и доверчиво приходиться к Нему в молитве, зная, что Он даст им только «благо».

Во всех этих высказываниях Иисус, обращаясь к ученикам, говорил «ваш Отец». Однажды Он, говоря о Себе, сказал «Отца Моего» (Мф. 7:21). Однако Он никогда не объединял Себя с учениками Своими и не говорил о Боге как об «Отце нашем». Да, Он научил их молитве «Отче наш» (Мф. 6:9), но Он не присоединялся к ним в этой молитве. Он не мог этого сделать. Ибо, хотя Он и дал последователям Своим привилегию обращаться к Богу так же, как Он это делал («Авва, Отче»), однако Он все же глубоко осознавал, что Бог был Его Отцом в совершенно ином смысле, даже исключительном. Это Он выразит позже: «Все предано Мне Отцом Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф. 11:27). Это Свое исключительное сыновство Иисус не декларирует открыто в Нагорной проповеди, но оно открывается в том, как точно Он использует личные притяжательные местоимения: «Мой Отец», «наш Отец», «Отец ваш».

7. Авторитет Иисуса как Бога

Я понимаю, что, когда мы дерзаем исследовать божественное самосознание Иисуса, то пытаемся измерить воду, слишком глубокую для нас, чтобы в нее окунуться. Ясно, что Он очень близко знал Бога («Отец мой») и знал об уникальности Своего сыновства. Теперь мы попробуем предпринять следующий робкий шаг. Вполне очевидно, что Он считал Себя с Богом на равных, даже единым с Ним. Нет, Он не слишком много говорил об этом в Проповеди, но это подразумевалось в том, как Он говорил о Себе и утверждал Свои исключительные божественные права. Можно назвать три примера.

Первый касается последней заповеди блаженства. Напомним, что восемь заповедей блаженства являются обобщениями, выраженными в третьем лице («Блаженны кроткие, милостивые, миротворцы» и т. д.), а в девятой употребляется второе лицо, когда Иисус обращается к Своим ученикам: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5:11,12). Внимание привлекает именно эта аналогия с пророками. Похоже, логика такова: Иисус ожидает, что последователи Его будут страдать ради него («за Меня»), а затем сравнивает их с ветхозаветными пророками. Эти пророки страдали за свою верность Богу, ученики же Иисуса должны страдать за свою верность Ему. Подразумеваемое неизбежно. Если Он сравнивает учеников Своих с пророками Божьими (и позже Он «посылает» их, как и пророки были «посланы» (см.: Мф. 10:1 и дал.), то Себя Он уподобляет Богу. Как сказал об этом Златоуст в конце IV века, «Он здесь... скрыто обозначает Свое собственное достоинство, и Свое равенство по чести с Тем, Кто породил Его»[225].

Подобный же подтекст содержится в двух других примерах. Когда Он предупреждал их, что человек, всего лишь словами обращающийся к Нему «Господи! Господи!», не войдет в Царство небесное, можно было бы ожидать, что Он продолжит: «...кроме того, кто подчиняется Моему господству» или «кроме того, кто слушается Меня как Господа». И именно это мы находим в версии Луки. Но, по Матфею 7:21, Он продолжал: «...исполняющий волю Отца Моего Небесного». Если же Иисус ставил знак равенства между подчинением Ему как Господу и исполнением воли Отца, то, значит, Он ставил Себя на один уровень с Богом. Это впечатляет еще и потому, что Иисус никогда не пытался утверждать что-либо о Себе Самом, если это не соответствовало Его миссии. В этот момент, как видно из контекста, у Него была иная цель – Он говорил о значении истинного ученичества.

То же верно и в третьем примере. Речь идет о стихах, в которых говорится о судном дне. Каждый знал, что Бог – Судья. Иисус здесь не заявляет прямо,

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
что Бог поручил Ему суд над миром. Он сказал просто, что в последний день люди обратятся к Нему и что Он будет выносить им приговор. И говоря это, Он вновь приравнял Себя к Богу.

Так вот Он, ваш «подлинный Иисус», ваш «простой, безобидный учитель праведности», в Нагорной проповеди которого содержится лишь «простая этика без всякой догмы»! Нет, Он учит властью Бога и устанавливает Божий закон. Он ожидает, что люди будут строить дом своей жизни на словах Его, и добавляет, что лишь поступающие так мудры и будут в безопасности. Он говорит, что пришел исполнить закон и пророков. Он одновременно и Господь, которого надо слушаться, и Спаситель, который дарует благословение. Он играет центральную роль в драме судного дня. Он говорит о Боге, как о Своем Отце в особом смысле, и в конце концов подразумевает, что то, что Он делает, то делает и Бог, и что люди делают Ему, то они делают и Богу.

Мы не можем делать вид, что не понимаем сказанного. Заявления Иисуса были сделаны настолько естественно, скромно и неявно, что многие не замечают их. Но они все-таки есть; мы не можем их игнорировать. Или они истинны, или Иисус страдал тем, что К. С. Льюис назвал «свирепой манией величия». Можно ли серьезно утверждать, однако, что благородная этика Нагорной проповеди является продуктом большого ума? Чтобы сделать подобное заключение, требуется изрядная степень цинизма. Единственная альтернатива состоит в том, что мы должны поверить Иисусу на слово и принять Его утверждения в их истинном значении. В этом случае мы должны отнестись к Нагорной проповеди крайне серьезно. Ибо здесь изображено альтернативное общество Божье. Это стандарты, ценности и приоритеты Царства Божьего. Слишком часто церковь отходит от этих принципов и погружается в буржуазную, конформистскую респектабельность. В такие времена ее трудно отличить от мира, она теряет свою способность быть солью, ее свет гаснет и все отворачиваются от нее. Ибо она не проявляет себя как новое общество Божье, уже имеющее радость и силу будущего века. Только если христианская община живет Христовой вестью, мир будет привлечен и Бог прославлен. Итак, когда Иисус зовет нас к Себе, то Он призывает нас именно к этому. Ибо Он – Господь контркультуры.

Пособие по изучению

Книгу, подобную этой, нельзя просто пролистать, не позволяя истине ее укорениться в нашей жизни. Цель этого пособия – помочь вам потрудиться над Нагорной проповедью и подумать, в чем актуальность ее учения для нас сегодня.

Пособие это предназначено прежде всего для групп, изучающих Библию, но его можно использовать и при индивидуальном изучении.

Если вы будете изучать его с группой, то руководитель должен предварительно решить, какие вопросы будут обсуждаться во время занятий, а какие оставить членам группы для самостоятельной проработки.

Чтобы извлечь наибольшую пользу из этих занятий, каждый член группы должен предварительно прочитать ту часть Нагорной проповеди, которая будет обсуждаться на занятии, вместе с соответствующими страницами этой книги. Начиная занятие, молитесь, чтобы Святой Дух оживил эту древнюю проповедь и говорил с вами через нее.

Занятие первое

Евангелие от Матфея 5:1–16 (с. 9–59)

1. Прочитайте 5:1–16. Д. Стотт начинает свою книгу с обсуждения «контркультуры» нынешнего поколения. Есть подобные свидетельства там, где вы живете? Как вы на это реагируете? Как, по-вашему, реагировал бы Иисус?
2. Для автора книги ключевым текстом в этой Проповеди является Мф. 6:8: «Не уподобляйтесь им». Многие люди вне церкви думают, что христиане отличаются от других. Но каковы, по их мнению, отличительные особенности христианина? Как вы думаете, почему это так?
3. Можно обсудить вопрос, подлинна ли Проповедь, воспроизведенная Матфеем. Каковы ваши доводы за и против? Какие выводы вы делаете из заключения автора?

4. У Матфея (5:3) написано «Блаженны нищие духом», у Луки же (6:20) просто – «Блаженны вы нищие». Какие ответы вы можете предложить по поводу этого несоответствия? Какой из них кажется вам наиболее убедительным и почему?

5. Можно ли осуществить на практике требования Нагорной проповеди? Как вы относитесь к предложению считать ее недостижимым идеалом:

а) как вы ответите тому, кто скажет, что Нагорная проповедь предназначена лишь для святых и что простым христианам не доступны ее высокие идеалы?

б) как вы ответите тому, кто скажет, что Проповедь – это «слегка христианизированная форма ветхозаветного закона», имея в виду, что мы, христиане, спасаемся одной лишь благодатью и поэтому можем спокойно ее игнорировать?

в) как вы ответите тому, кто скажет, что Проповедь представляет собой идеал, рассчитанный на будущее, и что сегодня ее нормы не достижимы?

6. Что автор определяет как двойную цель этой Проповеди? Как она влияет на вас подобным образом?

7. Что значит быть «блаженным»? Как вы понимаете некоторые из описанных здесь блаженств? Как вы думаете, польза, о которой упоминает Иисус, может быть получена нами сейчас или речь идет о награде в будущем? Или присутствует элемент и того, и другого? Предлагаю изучить заповеди блаженства (5:3–12) самостоятельно после занятия в группе, а при следующей встрече кратко обсудить ваши выводы. Вопросы 8–11 помогут вам в этом. Группы переходят теперь к вопросу 12.

8. Как автор классифицирует заповеди блаженства? С какой целью они изложены в этой последовательности?

9. Перепишите заповеди блаженства, добавляя в качестве примера ситуации из своей жизни, например, «Блаженны миротворцы» может быть записано так: «Блажен тот, кто поможет Джону и Мэри вновь заговорить друг с другом». Можно ли применять на практике эти заповеди чаще, нежели вы делаете это сейчас?

10. Почему преследование неизбежно? Каким образом вас преследуют? Как вы отвечаете? Какова должна быть, по словам Иисуса, ваша реакция?

И. «Ценности и нормы Иисуса находятся в прямом конфликте с общепринятыми мирскими ценностями и стандартами». Каким образом это проявилось в вашем прошлом опыте?

12. Составьте список некоторых качеств, которые у людей обычно ассоциируются с властью и влиянием. А теперь прочтите еще раз Мф. 5:3–12 и отметьте качества, перечисляемые Иисусом. Как вы объясните разницу?

13. Каким образом вы, как члены христианской общины, ведете себя подобно «соли земли» (5:13)? Что мешает христианам проявлять это качество? Подумайте, как практически можно осуществлять такое влияние на общество.

14. Каким образом вы, как члены христианской общины, являетесь «светом мира» (5:14)? Что мешает свету быть видимым? Подумайте, как практически воплотить это в жизнь.

15. Решите действовать в соответствии со своими ответами на вопросы 13 и 14 в течение следующей недели. Молитесь друг за друга. Возможно, в следующую свою встречу вы захотите обсудить, как у вас идут дела.

Занятие второе

Евангелие от Матфея 5:17–30 (с. 75–102)

Можно начать с обсуждения ваших ответов на вопросы предыдущего занятия (8–11) по Мф. 5:3–12.

1. Прочитайте 5:17–20.

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org

- а) почему кто-нибудь мог подумать, что Иисус пришел «нарушить закон или пророков»?
- б) о каких трех видах учения, содержащихся в Ветхом Завете, идет речь? В каком смысле Иисус «исполняет» каждое из них?
- в) к&у, по словам Иисуса, должны Его ученики поступать с Ветхим Заветом? Удастся ли вам выполнять Его требования?
- г) как может христианская праведность превзойти праведность книжников и фарисеев в соблюдении закона?
- д) Иисус продолжает показывать, чему учили книжники и фарисеи, приводя собственное толкование требований закона. Что мы можем использовать при рассмотрении текста Мф. 5:21-48?

2. Прочитайте 5:21-26.

- а) некоторые люди полагают, что здесь Иисус запрещает убийство любого рода. Согласны ли вы с этим, и почему?
- б) автор полагает, что Иисус имеет тут в виду нечто другое, что Он подразумевает не просто убийство, но даже менее серьезные вещи, такие, как гнев и оскорбления. Почему они «равны убийству с точки зрения Бога»?
- в) как можно применить на практике наставления Иисуса (5:23-26)? Будете ли вы использовать это в вашем собственном опыте?

3. Прочитайте 5:27-30.

- а) каким образом, как полагает автор, книжники и фарисеи исказили заповедь о прелюбодеянии?
- б) какие наставления дает Иисус Своим ученикам по поводу половой чистоты? Как выглядит для вас на практике «моральная караульная служба»?

Занятие третье

Евангелие от Матфея 5:31-48 (с. 103-116)

1. Прочитайте 5:31-32, вместе с Мф. 19:3-9.

- а) чем отличается учение Иисуса от учения книжников и фарисеев?
- б) можно обсудить аргументы за и против подлинности «оговорки» в 5:32 и 19:9. Какой из аргументов вы находите наиболее убедительным?
- в) как автор относится к вопросу о разводе? Соответствует ли это библейскому учению?

2. Прочитайте 5:33-37, вместе с Мф. 23:16-22.

- а) как книжники и фарисеи исказили заповедь о клятве?
- б) что советует Иисус Своим ученикам по этому поводу? Как это применимо к вам?
- в) как сказанное здесь Иисусом примиряется с фактом, что Сам Бог использует в Писании клятвы? И запрещает ли это христианам, например, клятвенно свидетельствовать в суде?

3. Прочитайте 5:38-42.

- а) закон Моисея применяет наказание по принципу «око за око, и зуб за зуб» (Исх. 21:24). Но книжники и фарисеи явно исказили эту заповедь. Как?
- б) Иисус явно запрещает личную месть. Но как вы ответите тому, кто идет дальше и утверждает, что на основании этого отрывка христианин, никогда не должен использовать силу против кого бы то ни было?

4. Прочитайте 5:43-48.

а) Как книжники и фарисеи исказили закон в этом случае?

б) «Ветхозаветный Бог явно ненавидит врагов Своих, почему бы нам не ненавидеть наших»? Как вы ответите на этот вопрос?

5. Прочитайте 5:44 и лк. 6:27–28.

а) как должны мы «любить врагов наших»? Знаете ли вы особых «врагов», с которыми вы должны поступать подобным образом?

б) христиане призваны к тому, чтобы превзойти нехристиан... народ Божий должен подражать Богу больше, чем людям... Можем ли это выполнить мы, люди несовершенные?

в) создается впечатление, что Иисус предъявляет чрезмерные требования к Своим последователям. Как вы реагируете на это? Молитесь, размышляя о применении этого в вашей жизни.

Занятие четвертое

Евангелие от Матфея 6:1–18 (с. 144–176)

1. Прочитайте 6:1–4.

а) поговорив о нравственной праведности в главе 5, Иисус обращается теперь к праведности, которую должны проявить ученики Его в своей религиозной деятельности. Как вы относитесь к явному противоречию между 6:1 и 5:16?

б) мысль о «вознаграждении» появляется в этом отрывке несколько раз. Как вы ответите тому, кто полагает, что это недостойно учеников Христа?

в) чего нужно опасаться при выполнении таких религиозных обязанностей, как пожертвование? Как Иисус учит Своих учеников избегать этого? Как это относится к вам?

2. Прочитайте 6:5–6. Как молится лицемер? Как учит Иисус учеников Своих избегать этой ловушки? Как это относится к вашей собственной молитве?

3. Прочитайте 6:16–18.

а) популярен ли пост в наши дни? Как обосновывает автор необходимость этой практики?

б) мы должны делать это не для того, чтобы нас видели и восхваляли другие люди, а для Бога. Подумайте о своей религиозной деятельности. Не нужно ли вам что-нибудь изменить?

4. Прочитайте 6:7–15.

а) не «пустословите» ли вы, когда молитесь? Почему Его ученики не должны так делать?

б) если Бог «знает, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (6:8), зачем же тогда вообще молиться?

в) особенность христианской молитвы заключается в Боге, к Которому мы обращаемся. Что нам говорит о Боге молитва Господня? Как эти аспекты отражаются в ваших собственных молитвах?

г) это молитва-образец, в начале в ней сосредоточивается внимание на Боге – на Его имени, Его Царстве и Его воле, а не на нашей собственной репутации, влиянии и желаниях. Отдаете ли вы этому предпочтение в ваших собственных молитвах?

д) что вы понимаете под «хлебом» в 6:11? Почему Иисус уточняет: «хлеб насущный»?

г) почему Божье прощение зависит от нашего умения прощать? Подумайте, против кого у вас накопилось неприятие или горечь? Как, по-вашему, смотрит на это Бог?

ж) к каким проблемам приводит прошение: «И не введи нас во искушение»? Как на них отвечает автор? Что вы думаете по этому поводу?

д) в молитве Господней христиане сосредоточены на Боге. Каким образом это отношение отличается от молитв: а) фарисеев и б) язычников?

Занятие пятое

Евангелие от Матфея 6:19–34 (с. 177–201)

В первой части главы 6 Иисус призвал Своих учеников отвергнуть религиозное лицемерие и жить, как дети своего Небесного Отца. Он обращается теперь к материальным нуждам и целям. И вновь тот же самый призыв: будьте другими!

1. Прочитайте 6:19–21.

а) это первый из четырех выборов, которые ставит перед нами Иисус. Означают ли эти стихи, что христиане, например, не должны делать запасов (с. 192 и дал.)? Если нет, то что здесь имеет в виду Иисус?

б) как вы думаете, что Иисус называет «сокровищами в небесах»? Что их отличает от «сокровищ на земле»?

2. Прочитайте 6:22–23. Что здесь имеется в виду под словом «око»? Какие вещи искажают ваше зрение? Что вы можете сделать, чтобы ваш глаз стал «здоровым»?

3. Прочитайте 6:24. Что в вашей жизни является «маммоной»? Как бы вы ответили тому, кто бы сказал, что Иисус ошибается и что в действительности возможно служить (буквально «быть рабом») и Богу, и маммоне?

4. Прочитайте 6:25–34.

а) что означает слово «посему» в начале 6:25?

б) Иисус противопоставляет устремления язычников (6:32) и Его учеников (6:33). К чему вы стремитесь в жизни? Как с этим соотносятся данные стихи?

в) перечислите, почему, по словам Иисуса, не нужно заботиться о пище и одежде. Как заботы о материальных вещах влияют на вашу жизнь? Что вы можете сделать, чтобы уменьшить вашу обеспокоенность этими вещами?

г) автор упоминает три ложных вывода, которые делают некоторые на основании этих стихов. Какие? Как бы вы на них ответили?

д) в противоположность неуместным и недостойным амбициям язычников, Иисус дает христианам для следования намного более высокие цели. Что это значит – «искать прежде Царствия Божия»? Как это относится к вам? Какие изменения должны произойти завтра, если вы принимаете это всерьез?

е) согласны ли вы с авторской интерпретацией выражения «искать прежде правды Божией»? Если нет, как бы вы объяснили это? Какие именно изменения вам нужно сделать в своей жизни с учетом этой заповеди?

ж) «Меньшие цели здравы и правильны, если они служат большей цели (распространению Царства Божьего и правды)». Проведите некоторое время, размышляя и молясь о ваших целях в жизни в свете этого утверждения.

Занятие шестое

Евангелие от Матфея 7:1–12 (с. 202–223)

От личной жизни христиан Иисус обращается теперь к нашим взаимоотношениям, которые начинаются с нашего отношения к своим братьям по вере.

1. Прочитайте 7:1–5.

а) начнем с заповеди «Не судите...». Почему ошибался Толстой, говоря, что «Христос полностью запрещает человеческое учреждение любого суда»? Почему ошибочно говорить, будто Христос предлагает здесь ученикам Своим отказаться

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
от вынесения ценностного суждения? Что же все-таки здесь имеет в виду Иисус?

б) «Быть критиканом... значит пытаться играть роль Бога». Бывают ли у вас моменты, когда вы выступаете в этой роли? Что говорит Иисус о последствиях?

в) что иллюстрирует картина сучка и бревна? не применимо ли это к вам? что вы думаете по этому поводу?

г) «Иисус действительно призывает нас исправлять и корректировать брата нашего». Но какие меры предосторожности нужно принять, прежде чем делать это? Известны ли вам какие-либо ситуации, требующие такого действия?

2. Прочитайте 7:6.

а) кто подразумевается, по мнению автора, под «псами» и «свиньями»? Известен ли вам кто-либо, подпадающий под эту категорию? Почему так важно подчиняться этому запрету?

3. Прочитайте 7:7–11.

а) Иисус обращается теперь к взаимоотношениям с нашим Небесным Отцом и продолжает Свое учение о молитве. Как Он поощряет Своих учеников к молитве?

б) как вы ответите тому, кто скажет, что молитва не нужна, ибо Бог и так все знает и Его не нужно убеждать дать нам необходимое?

в) как вы ответите тому, кто скажет, что в молитве нет нужды, так как большинство получает необходимое и без нее?

г) как вы ответите тому, кто скажет, что молитва неэффективна и не всегда действует?

д) «Молитва предполагает знание... веру... желание». Как можем мы возрасть в каждом из этих трех качеств?

4. Прочитайте 7:12. «Такая любовь не в наших силах без благодати Божьей». Подумайте о ситуациях, когда вам не удавалось жить в соответствии с этим высоким идеалом, и помолитесь совместно о благодати Божьей любви.

Занятие седьмое

Евангелие от Матфея 7:13–29 (с. 224–258)

1. Прочитайте 7:13–14.

а) Иисус описывает два пути. Назовите четыре характеристики каждого. В какой степени то, о чем Иисус говорит здесь, проверено на вашем собственном опыте?

б) «Третьей альтернативы нет». Каковы последствия для нас, если мы в это верим?

2. Прочитайте 7:15–20.

а) почему так опасны лжепророки?

б) каким образом лжепророки могут ввести в заблуждение. Как, учитывая наставления Иисуса ученикам Его, можно различать истинных и ложных учителей? Как применить это к вашей собственной ситуации?

3. Прочитайте 7:21–23. Иисус подходит к заключению. Какие положительные черты можете вы увидеть в тех, кого Иисус называет «делающими беззаконие»? Чего им не хватает?

4. Прочитайте 7:24–27.

а) в конечном итоге, существуют лишь два возможных ответа на эту проповедь. Какие?

б) подумайте, может быть и вы слушаете слова Иисуса и не воплощаете их в

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
жизнь? В чем опасность такого подхода?

в) «Библия – книга для чтения опасная... церковь – опасное общество, чтобы к нему присоединяться». Почему?

5. Прочитайте 7:28–29.

а) как вы ответите тому, кто скажет, что Нагорная проповедь – это простое изложение этического учения Иисуса?

б) какова была реакция на учение Иисуса? Как Он отличался от книжников? Благодаря чему?

в) автор продолжает утверждать, что Нагорная проповедь поддерживает фундаментальные христианские положения об Иисусе и Его авторитете. Какие свидетельства можно найти в Проповеди, подтверждающие, что Иисус – это Христос? Господь? Спаситель? Судья? Сын Божий? Сам Бог?

г) «Если христианская община живет по принципам, провозглашенным Христом, то мир будет привлечен, а Бог прославлен». Какие шаги должны вы предпринять, чтобы теснее связать свою жизнь с учением Иисуса, изложенным в этой Проповеди? Молитесь друг за друга, когда вы осуществляете это на практике.

Основные сокращения

АВ

Авторизованная (Короля Иакова) Версия Библии, 1611. – The Authorized (King James) Version of the Bible, 1611.

Августин

Августин Гиппонский. Нагорная Проповедь нашего Господа, толкование. – Our Lord's Sermon on the Mount, an exposition by Augustine of Hippo. Early fifth century AD. Translated by William Findlay, in the Library of Nicene and Post-Nicene Fathers, vol. VI, edited by Philip Schaff, 1887 (Eerdmans, 1974).

АТ

Арндт У.Ф. и Гингрич Ф.У. Греческо-английский словарь Нового Завета и другой раннехристианской литературы. – A Greek-English lexicon of the New Testament and other early Christian literature by William F. Arndt and F. Wilbur Gingrich (University of Chicago Press and Cambridge University Press, 1957).

Аллен

Аллен У.К. Критический и толковый комментарий к Евангелию от Матфея. – A critical and exegetical commentary on the Gospel according to St Matthew by W. C. Allen (International critical commentary, 1907: T. and T. Clark, 3rd edition, 1912).

ББВ

Библия Благой Вести (Современная английская версия), (Новый Завет 1966, 4-е издание 1976; Ветхий Завет 1976). – The Good News Bible (Today's English Version), (NT 1966, 4th edition 1976; OT 1976; The Bible Societies and Collins).

Бонхёффер

Бонхёффер Дитрих. Цена ученичества. – The cost of discipleship by Dietrich Bonhoeffer (1937: 6th and complete English edition, SCM, 1959).

Брюс

Брюс А.Б. Комментарий к синоптическим Евангелиям, приложение к Греческому Новому Завету в помощь комментатору. – Commentary on the synoptic Gospels by A. B. Bruce, in The expositor's Greek Testament, edited by W. Robertson

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
Nicholl (Hodder, 1897).

Война

Иудейская война в трудах Иосифа Флавия, приблизительно 75–95 н.э., перевод Уильяма Уинстона. – The Jewish war in The works of Flavius Josephus, с AD 75– 95, translated by William Whiston (London, n.d.).

Гловер

Гловер Р. Комментарии к Евангелию от Матфея для преподавателя. – A Teacher's Commentary on the Gospel of St Matthew by Richard Glover (Marshall, Morgan and Scott, 1956).

ДБФ

Филипс Дж.Б. Новый Завет на современном английском». – The New Testament in Modern English by J. B. Phillips (Collins, 1958).

Джеремиас

Джеремиас И. Нагорная проповедь. – The Sermon on the Mount by Joachim Jeremias (the Ethel M. Wood Lecture delivered before the University of London on 7 March 1961: University of London, Athlone Press, 1961).

Доб

Доб Д. Новый Завет и раввинический иудаизм. – The New Testament and Rabbinic Judaism by David Daube (University of London, Athlone Press, 1956).

Древности

Иудейские древности в трудах Иосифа Флавия, приблизительно 75–95 гг. н.э., в переводе Уильяма Уинстона. – The Antiquities of the Jews in The works of Flavius Josephus, с AD 75–95, translated by William Whiston (London, n. d.).

Дейвис

Дейвис У.Д. Обстановка, в которой была прочитана Нагорная проповедь. – The setting of the Sermon on the Mount by W. D. Davies (Cambridge University Press, 1964).

Златоуст

Златоуст И. Проповеди по Евангелию от Матфея, часть 1. – Homilies on Gospel of St Mathew, Part I, by John Chrysostom (n.d.: translated by Georg Prevost, Oxford, 1843).

ИБ

Иерусалимская Библия (Дартон, Лонгман и Тодд, 1966). – The Jerusalem Bible (Darton, Longman and Todd, 1966).

Кальвин

Кальвин Жан. Комментарий на тему согласованности авторов Евангелий, Матфея, Марка и Луки, 1. – Commentary on a harmony of the evangelists, Matthew, Mark and Luke, I, by John Calvin (1558: translated by William Pringle, 1845: Eerdmans, n. d.).

Ленски

Ленски Р.К.Х. Толкование Евангелия от Матфея. – The interpretation of St Matthews Gospel by R. C. H. Lenski (1943: Augsburg, 1964).

Ллойд–Джонс

Ллойд–Джонс М. Пособие по изучению Нагорной проповеди. – Studies in the Sermon on the Mount by D. Martyn Lloyd-Jones (IVP: vol. I, 1959, vol. II, 1964).

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org 1960. References are to the combined edition, 1977).

Лютер

Лютер Мартин. Нагорная проповедь. – The Sermon on the Mount by Martin Luther (1521: translated by Jaroslav Pelikan: in vol. 21 of Luther's works, Concordia, 1956).

Макартур

Макартур Х. Понимание Нагорной проповеди. – Understanding the Sermon on the Mount by Harvey McArthur (Harper, 1960; Epworth, 1961).

Макнил

Макнил А.Х. Евангелие от Матфея: греческий текст с введением, примечаниями и алфавитным указателем. – The Gospel according to St Matthew: the Greek text with introduction, notes and indexes by A. H. McNeile (1915: Macmillan, 1965).

НАБ

Новая английская Библия (Новый Завет 1961, 2-е издание 1970; Ветхий Завет 1970). – The New English Bible (NT 1961, 2nd edition 1970, OT 1970).

НМВ

Новая международная версия (Новый Завет: Ходдер, 1974). – New International Version (NT: Hodder, 1974).

Пламмер

Пламмер А. Толковый комментарий к Евангелию от св. Матфея. – An exegetical commentary on the Gospel according to St Matthew by Alfred Plummer (Elliot Stock, 1910).

ПНВ

Пересмотренная нормативная версия Библии (Новый Завет 1946, второе издание 1971; Ветхий Завет 1952). – The Revised Standard Version of the Bible (NT 1946, 2nd edition 1971; OT 1952).

Поучения

«Вторая книга проповедей» (1571) в «Поучениях и канонах» (СПСК, 1914). – The second book of homilies (1571) in Homilies and canons (SPCK, 1914).

Райл

Райл Дж.С. Размышления о Евангелиях. – Expository thoughts on the Gospels by J. C. Ryle (1856: anniversary edition of Matthew and Mark, Zondervan).

Сперджен

Сперджен Ч. Евангелие Царства. – The Gospel of the Kingdom by C. H. Spurgeon (Passmore and Alabaster, 1893).

Стайер

Стайер Р. Слова Господа Иисуса, 1. – The words of the Lord Jesus, I, by Rudolf Stier, translated by William B. Pope, 1855, (T. And T. Clark, 1874).

Стоунхауз

Стоунхауз Н.Б. Свидетельства о Христе Матфея и Марка. – The witness of Matthew and Mark to Christ by N. B. Stonehouse (Tyndale Press, 1944; 2nd edition 1958).

Таскер

«Евангелие от св. Матфея» Р. В. Дж. Таскера («Комментарии к Новому Завету

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org Тиндейла»; ИВП, 1961). – The Gospel According to St Matthew by R. V. G. Tasker (Tyndale New Testament Commentary; IVP, 1961).

Тилике

Тилике Х. Можно начать жизнь заново: проповеди на горе. – Life can begin again: sermons on the Mount by Helmut Thielicke (1956: translated by John O. Doberstein, Fortress, 1963).

Толстой

Толстой Л. Исповедь. Краткое Евангелие. Во что я верю. – A confession, The gospel in brief and what I believe by Leo Tolstoy (1882–1884: translated by Aylmer Maude in the world's Classics series, no. 229; Oxford university Press, new edition 1940).

Уиндиш

Уиндиш Х. Значение Нагорной проповеди. – The Meaning of the Sermon on the Mount by Hans Windisch (1929: 2nd edition 1937: English translation, Westminster, 1941).

Хантер

Хантер А.М. Замысел жизни человека: комментарий к Нагорной проповеди. – Design for life: an exposition of the Sermon on the Mount by A. M. Hunter (SCM, 1953; revised edition 1965).

Примечания

1

См., например: Теодор Рошак, «Создание контркультуры»; Ос Гинесс, «Прах смерти» и Кеннет Лич, «Волнение юности». – Theodore Roszak, The Making of a Counter-culture (1969), Os Guinness, The Dust of Death (1973), Kenneth Leench, Youthquake (1973).

2

там же.

3

«Создание контркультуры» (Анкор Букс, Дубльдей, 1969), с. 233. – The Making of a Counter-culture (Anchor Books, Doubleday, 1969), p. 233.

4

Джеремиас, с. 23.

5

Теория Б. У. Бейкона обобщается и критикуется У. Д. Дейвисом, с. 15–25.

6

Теорию Остина фаррера критикует У. Д. Дейвис, с. 9–13.

7

Дейвис, с. 108.

8

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
Кальвин, с. 258.

9

«там же, с. 259.

10

Дейвис, с. 1, 5.

11

Брюс, с. 94.

12

там же, с. 95.

13

Выражение из Джеремиаса, с. 14.

14

Макартур, с. 105–148.

15

Л. Н. Толстой, «Воскресение».

16

Брюс, с. 95.

17

Макмиллан, 1935; журнал, 1961.

18

там же, с. 89.

19

там же, с. 24.

20

там же, с. 27, 91.

21

там же, с. 18.

22

там же, с. 332 и дал.

23

Таскер, с. 61.

24

Уиндиш, с. 6.

25

там же, с. 107.

26

там же, с. 96. У. Д. Дейвис исследует и отмечает подобное толкование, с. 316–341.

27

Лютер, с. 285.

28

там же, с. 288.

29

Джеремиас, с. 12.

30

Лютер, с. 291.

31

Джеремиас, с. 11.

32

там же, с. 24.

33

там же, с. 30.

34

там же, с. 32.

35

Хантер, с. 110.

36

там же, с. 110–111.

37

там же, с. 209.

38

Кальвин, с. 261.

39

Сперджен, с. 21.

40

ленски, с. 187.

41

Ллойд-Джонс, с. 65.

42

там же, с. 68, 69.

43

Стайер, с. 105.

44

Лютер, с. 27.

45

ленски, с. 191.

46

Лютер, с. 33.

47

там же, с. 34.

48

Таскер, с. 62; ср.: пс. 85:11,12.

49

Бонхёффер, с. 35.

50

Кальвин, с. 267.

51

ленски, с. 197.

52

Бонхёффер, с. 80, 81.

53

Впервые опубликована в 1895 г.; Penguin Classics, 1968.

54

Ницше, «Антихристианин», с. 15.

55

там же, с. 116.

56

там же, с. 118–119.

57

там же, с. 127–128.

58

там же, с. 162.

59

там же, с. 168.

60

там же, с. 186.

61

Тилике, с. 77.

62

Бонхёффер, с. 93, 98.

63

Стайер, с. 121

64

«Естественная история», XXXI, 102.

65

Х.В. Мортон, «В поисках Южной Африки», с. 292. – H. V. Morton, In Search of South Africa (Hodder, 1948), p. 292f.

66

Ллойд-Джонс, с. 164.

67

Ленски, с. 199.

68

Таскер, с. 63.

69

Ллойд-Джонс, с. 41.

70

Брюс, с. 102.

71

Лютер, с. 66.

72

Бонхёффер, с. 106.

73

Лютер, с. 55.

74

Тиликке, с. 33.

75

Дейвис, с. 250.

76

Лютер, с. 55, 56, 59.

77

Тилике, с. 28.

78

Издано Брайаном Гриффитсом (ИВП, 1972), с. 35. – Edited by Brian Griffiths (ИВП, 1972), p. 35.

79

Златоуст, с. 229.

80

Райл, с. 38.

81

Ср.: 2:23; 3:3; 4:14, и так далее, ср.: 11:13, где говорится, что «все пророки и закон прорекли до Иоанна». И пророки, и закон указывали на Христа, и все в Нем исполнились.

82

Кальвин, с. 278; ср.: лк. 22:16.

83

Бонхёффер, с. 111.

84

Макнил, с. 58.

85

Стоунхауз, с. 209.

86

См.: Тертуллиан, «Против Маркиона», IV. 7.

87

Сперджен, с. 25.

88

Дейвис, с. 216.

89

Доб, с. 55–60.

90

Аллен, с. 45.

91

В русском переводе Библии, в отличие от английского, эти императивы лишь подразумеваются, например: «люби ближнего своего» или: «не убивай». – Прим. перев.

92

Кальвин, с. 290.

93

Институты, I. VIII. 7. – Institutes, I. VIII. 7.

94

Лютер, с. 76.

95

Таскер, с. 68.

96

Хантер, с. 50.

97

ленски, с. 217, 219.

98

По-русски это может быть примерно передано словами: простофиля, болван, олух или тупица. – Прим. перев.

99

Таскер, с. 69.

100

Брюс, с. 107.

101

Ср. с 2 Пет. 2:14, где лжеучителя описаны как люди, имеющие глаза, исполненные любострастия и непрестанного греха.

102

То есть «буквально». – Прим. перев.

103

«Древности», IV. viii. 23.

104

Пламмер, с. 82.

105

Втор. 22:22; Ин. 8:1–11. Дж. И. Лада пишет: «Ветхий Завет карал прелюбодеяние смертной казнью. Новый Завет говорит, что прелюбодей должен считаться мертвым и невиновная половина освобождается от обетов своего

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
брака, как если бы его супруг умер» («Евангелие Царства», с. 85. – The Gospel of the Kingdom, Eerdmans, 1959, p. 85).

106

Таскер, с. 184.

107

Стоунхауз, с. 203.

108

Златоуст, с. 260.

109

Более полное рассмотрение библейского материала на эту тему дано в книге автора «Развод: библейское учение» (Фэлкон, 1972) – Divorce: the Biblical Teaching (Falcon, 1972).

110

Войны, II. viii. 6.

111

Хантер, с. 55.

112

Джон У. Уэнхэм, «Христос и Библия», с. 35 (Тиндэйл Пресс, 1972). – John W. Wenham, Christ and the Bible (Tyndale Press, 1972), p. 35.

113

О сопротивлении Его воле см.: Рим. 9:19; истине 2 Тим. 3:8; 4:15; Лк. 21:15; Деян. 6:10; 13:8; Его власти, олицетворяемой государством, – Рим. 13:2.

114

Аллен, с. 54.

115

Джеремиас, с. 27, 28.

116

Бонхёффер, с. 130.

117

Сперджен, с. 30.

118

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
Гловер, с. 55.

119

Лютер, с. ПО.

120

Толстой, с. 315–319 (нумерация страниц дана по изданию на английском языке.
– Прим. перев.).

121

там же, с. 323.

122

там же, с. 331.

123

там же, с. 406.

124

там же, с. 535, 536.

125

Большинство цитат заимствованы из: Джордж Вудсток, «Ганди». – George Woodstock, Gandhi (Fontana, Modern Masters series, 1972).

126

Текст Рейтера об обращении Ганди цитируется по: Ф. У. Диллистоун, «Чарльз Равен». – F. W. Dillistone, Charles Raven (Hodder, 1975), p. 230 ff.

127

Жак Эллюль, «Насилие». – Jacques Ellul, Violence (SCM, 1970), p. 15.

128

Лютер, с. 83.

129

там же, с. 113–114.

130

Макартур, с. 135.

131

Корэтта Скотт Кинг, «Моя жизнь с Мартином Лютером Кингом». – Coretta Scott King, My Life With Martin Luther King Jr (Hodder & Stoughton, 1970), p. 363–369.

132

«Сила любви» (1963; Фонтана, 1969), с. 47–55. – Strength to Love (1963; Fontana, 1969), p. 47–55.

133

Бонхёффер, с. 132.

134

Ср.: Проповеди, с. 404.

135

Сперджен, с. 31.

136

Златоуст, с. 281.

137

там же, с. 276.

138

Бонхёффер, с. 276.

139

Бонхёффер, с. 136 и дал.

140

там же, с. 137.

141

Пламмер, с. 89.

142

Брюс, с. 116.

143

Райл, с. 47.

144

Кальвин, с. 309.

145

Сперджен, с. 32.

146

Бонхёффер, с. 144.

147

Кальвин, с. 310.

148

К. С. Льюис, интервью (Блес, 1962), с. 198. – They asked for a paper (Bles, 1962), p. 198.

149

Поучения, с. 307.

150

Поучения, с. 301–303.

151

Кальвин, с. 331.

152

Ллойд-Джонс, с. 330.

153

Бонхёффер, с. 146.

154

К. Л. У. Гримм и Д. Х. Тайер, Греческо-английский словарь Нового Завета (Т. и Т. Кларк, 1901). – C. L. W. Grimm and J. H. Tasker, A Greek-English Lexicon of the New Testament (T. and T. Clark, 1901).

155

Кальвин, с. 314.

156

Лютер, с. 144.

157

Кальвин, с. 316, 321.

158

Это выражение Августина. Он перечисляет три альтернативных истолкования, а именно: «все то, что относится к желаниям этой жизни»; «таинство Тела Христова»; «пища духовная», то есть «божественные предписания, о которых надлежит денно и нощно размышлять и пещись». Сам он предпочитает последнее

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org объяснение. Но он заключает, что если кто-либо желает под «насушным хлебом» понимать «хлеб, необходимый для тела» или «таинство Тела Господня», то «нужно взять все три значения совместно». То есть «мы должны называть хлебом насущным хлеб, необходимый для тела, видимый освященный хлеб (то есть Святое Причастие) и невидимый хлеб слова Божьего» (VI. 25, 27).

159

Super-substantialis – лат. надсушный. – Прим. перев.

160

Кальвин, с. 322.

161

Лютер, с. 147.

162

Д. Х. Мультон и Г. Миллиган, Словарь греческого Нового Завета (Ходдер, 1949). – J. H. Moulton and G. Milligan, The Vocabulary of the Greek Testament (Hodder, 1949).

163

Хантер, с. 75.

164

Лютер, с. 166.

165

Макнил, с. 85.

166

Таскер, с. 76.

167

Сперджен, с. 39.

168

Райл, с. 59.

169

Таскер, с. 77.

170

Брук, с. 125.

171

Нагорная проповедь. Христианская контркультура filosoff.org
Лютер, с.197 и дал.

172

Сперджен, с. 39.

173

Лютер, с. 209.

174

Макнил, с. 88.

175

Маршал Брумхолл, «Человек, который верил Богу» (Китайская внутренняя миссия, 1929), с. 53. Marshall Broomhall, The Man who believed God (China Inland Mission, 1929), p. 53.

176

Тилике, с. 124, 134

177

Толстой, с. 331.

178

Брюс, с. 128.

179

Златоуст, с. 345.

180

Сперджен, с. 42.

181

Например, в IX главе Дидахе (документ, возможно, начала II века) есть такое указание: «Никто же да не ест и не пьет от вашей Евхаристии, кроме крещенных во имя Господне; ибо о этом сказал Господь: «не давайте святыни псам».

182

Кальвин, с. 349.

183

там же, с. 349.

184

Златоуст, с. 348.

185

Джеремиас, «Надежда, данная Иисусом народам». – Jesus' Promise to the Nations (1953; SCM, 1958), p. 20.

186

Кальвин, с. 351.

187

Лютер, с. 234.

188

Гловер, с. 70.

189

Кальвин, с. 353.

190

Августин, 11:16.

191

Джоахим Джеремиас, «Молитвы Иисуса». – Joachim Jeremias, The Prayers of Jesus (SCM, 1967), p. 96, 97.

192

Алек Мотиер, «Пособие по изучению Послания Иакова». – Alec Motyer, Studies in Epistle of James (New Millmay Press, 1968), p. 88.

193

Ллойд-Джонс, с. 513.

194

Тобит 4:15, НАБ – Tobit 4:15 NEB.

195

Зафиксировано в Талмуде: Шаббат 31а.

196

Джеремиас, с. 10.

197

Альфред Эдерсхайм, «Жизнь и эпоха Иисуса-Мессии», 1 (Лонгманс, 1883), с. 525. – Alfred Eddersheim, The Life and Times of Jesus the Messiah, I (Longmans, 1883), p. 525 f.

198

там же, с. 535.

199

Райл, с. 66.

200

К. С. Льюис, «Настигнут радостью» (Блес, 1955), с. 63. – C. S. Lewis, *Surprised by Joy* (Bles, 1955), p. 63.

201

«Путь по середине» (лат.) – Прим. перев.

202

Бонхёффер, с. 171.

203

Кальвин, с. 346.

204

Лютер, с. 263.

205

Кальвин, с. 365.

206

там же, с. 364 и дал.

207

Райл, с. 68.

208

Райл. с. 69, 70.

209

Таскер, с. 83.

210

Брюс, с. 135.

211

Кальвин, с. 370.

212

Стенли Джонс, «Христос за круглым столом» (Эбингдон, 1928), с. 38, 60. – Stanley Jones, *Christ at the Round Table* (Abingdon, 1928), p. 38, 60.

213

Ленски, с. 314.

214

Хантер, с. 96.

215

Сперджен, с. 46.

216

Пламмер, с. 117.

217

Стоунхауз, с. 199.

218

Грешам Махен, «Христианство и либерализм» (1923; Эрдмане, издание не датировано), с. 36. – Gresham Machen, *Christianity and Liberalism* (1923: Eerdmans, n.d.), p. 36.

219

Джеймс Денни, «Теологические исследования» (лекции, прочитанные в 1894; Ходдер, 1906), с. 31, 42. – James Denny, *Studies in Theology* (lectures delivered in 1894; Hodder, 1906), p. 31, 42.

220

Кальвин, с. 371.

221

Брюс, с. 136.

222

Пламмер, с. 118.

223

Стоунхауз, с. 254.

224

Джеремиас, с. 24.

Златоуст, с. 207 и дал.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!